

ВЕСТНИК

АРБИТРАЖНОГО СУДА МОСКОВСКОГО ОКРУГА

4

№ 4 2022 г.

Журнал выходит 4 раза в год

ИНТЕРВЬЮ

КОММЕНТАРИИ

ОБЗОРЫ

АНАЛИТИКА

О судебной практике по делам об отказе акционерам в предоставлении документов и информации

Актуальные вопросы применения индексации в арбитражных судах

Тема номера:

Практика разрешения корпоративных споров

ISSN 2686-7915

9 772686 791008

«Чем больше возможностей для реализации различных экономических интересов дает наше право — тем лучше»

А.В. Габов

www.vestnikasmo.ru

ВЕСТНИК

АРБИТРАЖНОГО СУДА МОСКОВСКОГО ОКРУГА

№ 4 2022 г.

Журнал выходит 4 раза в год

«Вестник Арбитражного суда Московского округа» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 15 января 2018 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-72186

Включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней.
Группа научных специальностей
5.1 — Право

Учредители: Арбитражный суд Московского округа,
АНО «Правовое просвещение»

Адрес издательства:
129226, г. Москва, ул. Сергея Эйзенштейна, д. 8, стр. 1

Главный редактор:
И.И. Филиппов

Шеф-редактор:
А.Г. Мхитарян

Выпускающий редактор:
Ю.С. Сиренко

Корректор:
Т.А. Казакова

Верстка:
М.А. Гранкина

Подписано в печать 22.12.2022
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 120 с.
Тираж 1000 экз.
Отпечатано Onebook.ru

Редакционный совет:

- Кресс В.В.** — председатель Арбитражного суда Московского округа, кандидат юридических наук;
- Решетникова И.В.** — председатель Арбитражного суда Уральского округа, доктор юридических наук, профессор;
- Захаров В.В.** — председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, доктор юридических наук, профессор;
- Новоселова Л.А.** — председатель Суда по интеллектуальным правам, доктор юридических наук, профессор;
- Окулова Н.О.** — заместитель председателя Арбитражного суда Московского округа;
- Карпова Г.А.** — заместитель председателя Арбитражного суда Московского округа;
- Гладков И.Е.** — председатель Девятого арбитражного апелляционного суда;
- Воробьева И.О.** — председатель Арбитражного суда Московской области;
- Новиков Н.А.** — председатель Арбитражного суда города Москвы, кандидат юридических наук;
- Соловьёв А.А.** — заместитель председателя Арбитражного суда Московской области, доктор юридических наук, профессор;
- Федулова Л.В.** — судья коллегии по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений, Арбитражного суда Московского округа, кандидат юридических наук;
- Петрова В.В.** — судья коллегии по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений Арбитражного суда Московского округа, кандидат юридических наук, доцент;
- Лаптев В.А.** — судья коллегии по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений, Арбитражного суда города Москвы, доктор юридических наук;
- Ершов В.В.** — президент РГУП, заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти, доктор юридических наук, профессор;
- Кулаков В.В.** — ректор Российского государственного университета правосудия (РГУП), профессор кафедры гражданского права РГУП, доктор юридических наук, профессор;
- Ястребов О.А.** — ректор Российского университета дружбы народов (РУДН), заведующий кафедрой административного и финансового права РУДН, доктор юридических и экономических наук, профессор;
- Габов А.В.** — главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН;
- Ручкина Г.Ф.** — декан юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор;
- Никитин С.В.** — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства РГУП, доктор юридических наук, профессор;
- Слесарев В.Л.** — начальник отдела договорного права Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
- Филиппов И.И.** — главный редактор журнала «Вестник Арбитражного суда Московского округа».

Подписку на «Вестник Арбитражного суда Московского округа» можно оформить, позвонив по тел. **+7 (495) 927-01-62**

Содержание

Новости судов

Новости судов Московского округа	6
--	---

Интервью номера

А.В. Габов. Чем больше возможностей для реализации различных экономических интересов дает наше право — тем лучше	10
---	----

Актуально!

Исключение лица из состава участников общества с ограниченной ответственностью как экстраординарная мера ответственности	24
--	----

Аналитика: Практика разрешения корпоративных споров

Д.В. Ломакин. Проблемы гражданско-правовой ответственности субъектов, контролировавших исключенное из единого государственного реестра юридических лиц недействующее общество с ограниченной ответственностью	36
--	----

В.А. Лаптев. Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики	46
---	----

О.А. Макарова, В.Ф. Попондопуло. О судебной практике по делам об отказе акционерам в предоставлении документов и информации 58

В.А. Бутько. Особенности рассмотрения корпоративных споров об исключении участников из состава участников общества 70

Аналитика: Свободная трибуна

А.А. Алексеева, И.Ю. Ковалева. Актуальные вопросы применения индексации в арбитражных судах 82

О.Н. Шеменова. Последствия признания сторонами обстоятельств гражданских дел и заключения соглашений в отношении обстоятельств дела в арбитражном процессе 99

Н.Н. Ткачева. Отказ от иска в исковом производстве: гарантия судебной защиты и процессуальный институт или сделка в классическом ее понимании? 106

В.Г. Джиоев. О некоторых проблемах теории и практики применения электронных доказательств в арбитражном процессе Российской Федерации 113

Дорогие читатели!

Представляем вам четвертый номер журнала «Вестник Арбитражного суда Московского округа» в 2022 г., посвященный практике разрешения корпоративных споров.

Выпуск открывает традиционная рубрика с новостями судов Московского округа.

В интервью с доктором юридических наук, членом-корреспондентом Российской академии наук, главным научным сотрудником Института государства и права Российской академии наук А.В. Габовым мы обсудили проблемы законодательного регулирования корпоративных отношений, сущность корпоративного договора, а также проанализировали некоторые практические аспекты взыскания убытков с директора хозяйственного общества.

Раздел статей, посвященных теме номера, открывает работа профессора кафедры гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, адвоката Д.В. Ломакина «Проблемы гражданско-правовой ответ-

ственности субъектов, контролировавших исключенное из единого государственного реестра юридических лиц недееспособное общество с ограниченной ответственностью». Автор исследует основания и порядок исключения юридического лица из реестра и определяет природу ответственности контролировавших его лиц перед кредиторами.

Продолжает рубрику статья заведующего кафедрой коммерческого права СПбГУ, доктора юридических наук, профессора В.Ф. Попондопуло в соавторстве с доцентом кафедры коммерческого права СПбГУ, доктором юридических наук О.А. Макаровой, посвященная обзору судебной практики по делам об отказе акционерам в предоставлении документов и информации. В работе анализируются проблемные вопросы, возникающие при рассмотрении и разрешении данной категории споров, дается толкование оценочной категории «деловая цель» и делается вывод об условиях признания такой цели разумной.

В рубрике «Свободная трибуна» мы публикуем исследование актуальных вопросов применения индексации в арбитражных судах, проведенное заведующей кафедрой коммерческого права и процесса Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, кандидатом юридических наук А.А. Алексеевой совместно с советником юстиции первого класса И.Ю. Ковалевой. Авторы изучают проблемы, возникающие в судебной практике при применении ст. 183 АПК РФ, и приходят к выводу, что с юридической точки зрения индексация представляет собой механизм понуждения к исполнению судебного акта о взыскании денежных средств, а ее публично-правовым эффектом является повышение уважения к судебному решению и требований к его исполнению.

Авторами некоторых публикаций выступили представители судейского сообщества. В частности, судья Арбитражного суда г. Москвы, доктор юридических наук В.А. Лаптев исследует природу такой правовой категории, как гражданско-правовое сообщество, обосновывает необходимость ее включения в текущее законодательное регулирование, а также приходит к заключению об изменении сущности рассматриваемого понятия в зависимости от вида складывающихся правоотношений.

Мы благодарим всех авторов, представивших свои интересные статьи для данного выпуска.

Надеемся, что материалы покажутся вам полезными и актуальными.

Приятного чтения!

*Вячеслав Викторович Кресс,
председатель Арбитражного суда
Московского округа,
кандидат юридических наук*

Новости судов Московского округа

14 октября 2022 г. в Арбитражном суде Московского округа состоялось торжественное мероприятие, посвященное 25-летию со дня образования Арбитражного суда Московского округа.

В мероприятии приняли участие заместитель Председателя Верховного Суда РФ — председатель Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ И.Л. Подносова, мэр Москвы С.С. Собянин, губернатор Московской области А.Ю. Воробьев, представители Верховного Суда РФ, руководство арбитражных судов Московского округа, судьи и работники аппарата Арбитражного суда Московского округа.

В ходе мероприятия ряду судей и работников аппарата Арбитражного суда Московского округа были вручены ведомственные награды, почетные грамоты и благодарственные письма.

И.Л. Подносова отметила ключевую роль Арбитражного суда Московского округа в системе арбитражных судов страны, а также высокое качество работы окружного суда по отправлению экономического правосудия.

С.С. Собянин и А.Ю. Воробьев в своих выступлениях подчеркнули важную роль окружного суда в обеспечении защиты прав субъектов экономических отношений и поддержании благоприятного делового и инвестиционного климата во всем столичном регионе.

Председатель суда В.В. Кресс поблагодарил коллектив Арбитражного суда Московского округа за многолетнюю успешную деятельность и пожелал всем присутствующим новых профессиональных достижений.

25 ноября 2022 года состоялось заседание Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции).

В работе Научно-консультативного совета приняли участие: и.о. председателя Десятого арбитражного апелляционного суда Е.А. Бархатова; заместители председателя Девятого арбитражного апелляционного суда С.Н. Овчинникова, С.П. Седов, И.М. Клеандров; председатель Арбитражного суда Московской области И.О. Воробьева; заместители председателя Арбитражного суда Московской области О.В. Смирнов, А.А. Соловьев, Ю.Г. Богатина; заместители председателя Арбитражного суда города Москвы Л.Н. Агеева, Ю.А. Жданова, А.Г. Китова, А.В. Цыдыпова; судья Арбитражного суда города Москвы В.А. Лаптев; сотрудники Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации А.А. Алексеева, А.Е. Солохин; представители Суда по интеллектуальным правам Е.С. Четвертакова, Ш.Б. Кодиров; члены Научно-консультативного совета — судьи Арбитражного суда Московского округа, судьи и сотрудники подразделений анализа и обобщения судебной практики, ученые-правоведы из ведущих научных учреждений и высших учебных заведений: Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (В.В. Блажеев — ректор, Л.Л. Арзуманова, Д.Е. Богданов); Российского государственного университета правосудия (В.В. Ершов — президент, В.В. Кулаков — ректор, С.В. Никитин, И.А. Цинделиани); Российского университета дружбы народов (О.А. Ястребов — ректор); Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ (Л.Ю. Михеева — председатель совета (руководитель); Финансового университета при Правительстве РФ (Г.Ф. Ручкина); Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (М.О. Дьяконова); Института государства и права Российской академии наук (А.В. Габов, К.А. Лебедь); Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Ю.В. Блохин).

В повестку дня заседания были включены актуальные проблемы, возникающие в правоприменительной практике арбитражных судов Московского округа.

По результатам обсуждения Научно-консультативный совет выработал рекомендации по вопросам повестки дня, которые будут опубликованы на сайте Арбитражного суда Московского округа в разделе «НКС при АС МО».

Указом Президента РФ от 07.12.2022 № 892 председателем Арбитражного суда города Москвы назначен Николай Алексеевич Новиков. Поздравляем Николая Алексеевича с назначением и желаем ему успехов в его профессиональной деятельности!

Указом Президента РФ от 07.10.2022 № 715 заместителем председателя Арбитражного суда города Москвы на 6-летний срок полномочий назначена Ю.А. Жданова.

Тем же Указом судьями Арбитражного суда Московской области назначены В.Э. Ким и К.В. Пивоварова.

Указом Президента РФ от 04.11.2022 № 790 судьей Арбитражного суда Московского округа назначена Ю.В. Архипова, судьями Девятого арбитражного апелляционного суда назначены Ю.Н. Кухаренко, Е.А. Скворцова, судьей Арбитражного суда Московской области назначен М.М. Удовиченко.

Указом Президента РФ от 07.12.2022 № 892 судьей Арбитражного суда города Москвы назначена А.Э. Михайлова.

Чем больше возможностей для реализации различных экономических интересов дает наше право — тем лучше

В 1995 г. с отличием окончил юридический факультет Сыктывкарского государственного университета. В последующем получил дополнительное образование: в 2000 г. закончил Северо-Западную академию государственной службы (специальность «Государственное и муниципальное управление», специализация — «Экономическое регулирование и финансы»); в 2002 г. — Всероссийскую академию внешней торговли (специальность — «Мировая экономика»); в 2007 г. — Дипломатическую академию.

В 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию в диссертационном совете при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ по теме «Вексель в системе российских ценных бумаг». В 2010 г. в диссертационном совете того же Института защитил докторскую диссертацию по теме «Проблемы гражданско-правового регулирования отношений на рынке ценных бумаг».

В 2016 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук по Отделению общественных наук; является экспертом РАН, членом Научно-издательского совета РАН и членом Комиссии по уставу РАН.

В 2016 г. присвоено звание заслуженного юриста Российской Федерации; имеет ведомственные награды.

В настоящее время — член ученого совета, главный научный сотрудник, заведующий сектором гражданского и предпринимательского права, руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики Института государства и права РАН; научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, научный руководитель юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Один из ведущих специалистов в области гражданского права и правового регулирования экономической деятельности, признанный эксперт в области корпоративного управления и права, обладающий большим опытом работы в крупных акционерных обществах, в том числе в качестве профессионального и независимого директора (члена совета директоров).

Входит в состав: Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа, научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московской области, Экспертного совета по корпоративному управлению при Банке России и ряда других консультативных и совещательных органов. Участвует в подготовке нормативных документов, направленных на развитие цифровой экономики (в рабочей группе по нормативному регулированию цифровой экономики АНО «Цифровая экономика»).

Осуществляет экспертную деятельность в области государственной научной аттестации; является заместителем председателя Экспертного совета по праву и политологии Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ; член ряда диссертационных советов по юридическим наукам.

Входит в состав редакционных советов/коллегий ряда ведущих научных журналов по юридическим наукам. Ведет преподавательскую деятельность на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова и в Белгородском государственном национальном исследовательском университете.

Автор более 250 научных работ, в том числе 6 индивидуальных монографий; участник (соавтор, а в ряде монографий — член редакционной коллегии и ответственный редактор) коллективных монографий по актуальным проблемам гражданского права, правосудия, регулирования предпринимательской деятельности и противодействия коррупции; соавтор авторитетных учебников по корпоративному праву.

Андрей Владимирович Габов,
доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

— Правовое регулирование корпоративных отношений характеризуется множественностью действующих законодательных актов (это отражено и в Концепции развития гражданского законодательства РФ), что порождает проблемы в правоприменении. В связи с этим звучат предложения перенести все гражданско-правовые нормы о юридических лицах в Гражданский кодекс. Как Вы оцениваете данную идею?

— Проблема, которая затронута в этом вопросе, весьма многогранна.

Концепция развития гражданского законодательства действительно констатировала множественность действующих законов (применительно не только к корпорациям, но и к юридическим лицам вообще), причем законы эти часто не соответствуют друг другу, а их нормы не отличаются хорошей юридической техникой. Указывалось на необходимость оптимизации структуры законодательства о юридических лицах. Также в документе говорилось о нецелесообразности создания и функционирования отдельных законов общего характера, составляющих дополнительный уровень регулирования между ГК и законами об отдельных видах юридических лиц (я их для себя называю «зонтичными» законами) — о некоммерческих организациях, об общественных объединениях. Соглашаясь в целом с такими подходами, тем не менее хотел бы сделать несколько важных оговорок.

В первую очередь отметим, что в результате реализации основных положений реформы гражданского законодательства о юридических лицах мы не получили искомого положительного эффекта. Напротив, ситуация еще более усугубилась. Так, если до реформы (ее формальным завершением можно считать принятие Федерального закона от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации») в самом ГК РФ «зонтичные» законы не упоминались, то теперь они обрели в Кодексе законную «прописку». К примеру, ст. 123.7-1 ГК РФ теперь прямо указывает на Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (указано, что положения ГК РФ о некоммерческих организациях применяются к общественным движениям, если иное не предусмотрено таким законом). Далее, появились указания на отдельные федеральные законы, регулирующие правовое положение отдельных некоммерческих корпоративных организаций, — к примеру, в ст. 123.15 ГК РФ появилось указание на Федеральный закон от 5 декабря 2005 года № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества». После изменений, внесенных в ст. 49 ГК РФ, появилось указание на приоритет (по отношению к нормам Кодекса) специальных федеральных законов, согласно которым Российской Федерацией созданы отдельные юридические лица.

Таким образом, по итогам реформы структура регулирования юридических лиц в целом (не одних лишь корпораций) — а о приоритете норм ГК РФ и речи уже

не идет — не только не была оптимизирована, но и, наоборот, стала еще более сложной и запутанной.

Все это усложняется тем обстоятельством, что оба «зонтичных» закона — о некоммерческих организациях и об общественных объединениях — до сих пор не приведены в соответствие с нормами обновленного после 2014 года ГК РФ. Скажу больше: нет понимания того, когда это вообще случится. Все попытки создать новый закон о некоммерческих организациях после 2014 года не увенчались успехом. Это же можно сказать и о законе о кооперации: у нас как действовали, так и действуют многочисленные законы о различных кооперативах (прежде всего потребительских), также не приведенные в соответствие с нормами обновленного ГК РФ. Вот простой пример: по итогам реформы потеряли свою субъектность потребительские общества (те организации, которые представляли собой звенья бывшей единой советской системы потребительской кооперации). В обновленном ГК РФ нет такой формы юридического лица; согласно Федеральному закону от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ (ст. 3) к таким обществам сегодня применяются положения о потребительских кооперативах; однако отдельный закон о таких обществах — Закон РФ от 19 июня 1992 года № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» — до сих пор (!) действует.

Можно привести другой пример, весьма ярко характеризующий нынешнее весьма плачевное состояние законодательства о юридических лицах: по итогам реформы в ГК РФ появилось указание на новую форму юридического лица (корпорации) — крестьянское (фермерское) хозяйство (ст. 86.1), однако, кроме одной этой статьи весьма общего характера в Кодексе, иного регулирования для таких юридических лиц нет (Федеральный закон от 11 июня 2003 года № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» никакой специфики не определяет, хотя после реформы 2014 года в него уже несколько раз вносились изменения).

Для характеристики текущей ситуации важно отметить, что абсолютное большинство федеральных законов, регулирующих правовое положение юридических лиц отдельных организационно-правовых форм (акционерных обществ и др.), до сих пор не приведены в соответствие с обновленным ГК РФ (как, кстати, и Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»). Конечно, это создает значительные проблемы как для участников правоотношений, так и для правоприменительных органов, причем во многих случаях в весьма чувствительном аспекте — определении границ правомерного поведения.

При этом мне кажется, что огульное отрицание самой возможности существования законов общего характера (как уровня регулирования между ГК РФ и законами об отдельных организационно-правовых формах юридических лиц) сегодня тоже требует некоторой коррекции. В качестве примера я назову давно известный вопрос об отдельном законе о реорганизации. Споры по этому поводу идут не один год, между тем понятно, что для участников правоотношений системное регулирование реорганизации — это очевидная потребность. Только регулирования ГК РФ здесь явно недостаточно, ведь в Кодексе закреплены только частноправовые нормы, тогда как есть значительный объем публично-правового регулирования, который также требует систематизации.

Если говорить о самой идее сосредоточения в ГК РФ всех гражданско-правовых положений о юридических лицах, то пока эта идея представляется мне несколько далекой (мягко говоря) от практической реализации. Не отрицая самой этой идеи — в ней есть рациональное зерно, — выскажу свои сомнения.

Во-первых, когда мы говорим о переносе всех гражданско-правовых норм о юридических лицах в Гражданский кодекс, как Вы поставили вопрос, то мы должны иметь в виду, что объем таких положений очень значительный. При всем (потенциальном) удобстве сосредоточения таких норм в одном документе мы можем получить обратный эффект за счет этого объема, сделав ГК РФ своего рода инструкцией, сборником различных норм о юридических лицах.

Во-вторых, есть и более серьезный аргумент против этой идеи: многие гражданско-правовые нормы, регулирующие правовое положение, деятельность, создание и прекращение отдельных видов юридических лиц, весьма прочно встроены в нормативные комплексы, включающие и нормы публичного права. Например, нельзя забывать, что существуют еще институты общего характера, направленные на регулирование создания и прекращения юридического лица. Здесь публичные элементы представлены весьма значительно; причем сегодня здесь недостает регулирования как в горизонтальной плоскости (отношения участников гражданского оборота), так и в части публичных аспектов. Но самое главное, что *разорвать частное и публичное во многих случаях не получится*. Всё ровно наоборот: надо не заниматься искусственным разделением частного и публичного ради мифической идеи сосредоточения гражданско-правовых норм в ГК РФ, а создавать (и совершенствовать) соответствующие нормативные комплексы (особенно в части создания, существенного изменения и прекращения юридической личности); делать эти комплексы эффективными, удобными для участников отношений.

В-третьих, попытка собрать в Кодексе все гражданско-правовые нормы о юридических лицах в текущих условиях сродни разговору о новой реформе ГК РФ. Не уверен, что мы к этому готовы; нам бы сегодня навести элементарный порядок в специальных законах и закрыть имеющиеся бреши в регулировании (а с этим у нас большие проблемы, что хорошо демонстрирует судьба проекта федерального закона, которым приводятся в соответствие с обновленным ГК РФ положения отдельных законов о реорганизации, — этот проект уже неоднократно рассматривался Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и всякий раз получал отрицательные заключения как доктринального, так и юридико-технического характера).

— Количественная проблема многоуровневости системы корпоративного законодательства в ряде случаев влечет за собой и качественную проблему — рассогласованность между нормами Гражданского кодекса РФ и специальными законами. Видите ли Вы здесь какое-либо решение?

— Простого решения, увы, здесь я не вижу.

Есть вещи очевидные: надо как минимум приводить в соответствие с обновленным после 2014 года ГК РФ отдельные федеральные законы — об акционерных обществах, об обществах с ограниченной ответственностью, многочисленные законы

о кооперативах и проч. Отдельный вопрос — «зонтичные» законы. Что с ними делать — менять или ставить вопрос о самой целесообразности их существования? Еще одна проблема — это новое регулирование корпоративных отношений, которое было «апробировано» в рамках антиковидных правовых решений и продолжает активно развиваться после 24 февраля 2022 года. Это законодательство чрезвычайного, экстраординарного характера, рассчитанное на поддержание корпоративных отношений в нормальном режиме; там есть весьма неожиданные решения, которые еще только требуют осмысления (например, ст. 21.1 Федерального закона от 26 февраля 1997 года № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» после изменений, внесенных Федеральным законом от 20 октября 2022 года № 404-ФЗ, в части осуществления предпринимательской деятельности, а также выполнения функций единоличного исполнительного органа через доверенных лиц), а есть решения, которые очевидно должны со временем перейти из разряда экстраординарных в обычные (это все, что касается регулирования вопросов общих собраний акционеров, выкупа акций, а также осуществления прав кредиторов при реорганизации (например, Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 292-ФЗ)).

Уже понятно, что и сам обновленный ГК РФ требует некоторой коррекции.

Есть значимая проблема более общего характера — приоритет норм ГК РФ над нормами специальных законов. Дискуссии по этому вопросу идут много лет; все позиции предельно ясны. Есть и хорошо известная позиция Конституционного Суда РФ (выраженная в Определении от 3 февраля 2000 года № 22-О), где предельно четко указано, что противоречия между Кодексом и другими федеральными законами должны устраняться в процессе правоприменения, так как Конституция РФ не определяет иерархию актов внутри одного их вида (конкретно — федеральных законов), и ни один федеральный закон не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой. Решение здесь лежит не в самом Кодексе, а в появлении нормативных положений более высокого характера. Эта дискуссия пока также не имеет практического решения, хотя оно явно напрашивается, ведь само признание наличия в нашей правовой системе кодифицированных актов должно влечь и следующий шаг: определение приоритета их положений над нормами всех иных специальных законов.

— В последнее время все более актуальной становится идея увеличения числа диспозитивных норм корпоративного законодательства. Тем не менее императивное регулирование необходимо, так как корпоративные отношения затрагивают широкий круг лиц. Как Вы считаете, оправдан ли крен в сторону диспозитивности? Какие аспекты корпоративных отношений могут и должны регулироваться диспозитивными нормами?

— Мне представляется, что дискуссия о соотношении императивности/диспозитивности в регулировании корпоративных отношений несколько надуманна.

С одной стороны, уклон в диспозитивность представляется весьма перспективным (на словах), с другой стороны, не думаю, что решение многих вопросов может быть найдено только через снижение императивности. Основная задача — не допустить дисбаланса в регулировании прав и обязанностей участников корпоративных от-

ношений, особенно тех, которые относятся к так называемой слабой стороне. Мне кажется, что ответ здесь очевиден и лежит в плоскости наличия/отсутствия публичности в обращении долей участия: *если мы говорим о публичных акционерных обществах, то ни о каком приоритете диспозитивности речи быть не может*: мы должны обеспечить интересы акционеров, прежде всего миноритарных. Равным образом надо обеспечить и интересы кредиторов, особенно при принятии решений, существенно изменяющих юридическую личность (и это не только реорганизация, а гораздо более широкий круг решений).

Уклон в диспозитивность возможен только в партнерского (где преобладают товарищеские элементы) характера объединениях лиц и имущества, преследующих экономические цели, хотя и там проблема слабой стороны в правоотношении имеет место. Но посмотрим на наше законодательство и предпринимательскую практику: а много ли таких объединений у нас есть в реальности, притом что законодательство содержит возможность их создания? Нет. К примеру, много ли у нас полных товариществ и товариществ на вере? Очень немного — достаточно посмотреть статистику государственной регистрации. На вопрос «Почему?» долго ответ искать не надо: ответственность (полная) — вот что не устраивает здесь участников правоотношений! Тогда в чем проблема для сторонников большей диспозитивности? Видимо, в существующей модели общества с ограниченной ответственностью и непубличного акционерного общества. Если все упирается в регулирование этих форм, то там и нужны точечные изменения. Правда, хорошо бы понять: какие? Собственно, с составления списка такого рода потенциальных изменений и надо начинать. Но при очередном реформировании следует помнить: любая диспозитивность хороша только для экономически равных субъектов и при их единогласии (консенсусе). Во всех остальных случаях мы столкнемся с проблемой меньшинства, а это опять приведет нас к проблеме защиты слабой стороны в правоотношении.

В любом случае я не вижу ценности в абстрактных рассуждениях о диспозитивности/императивности — нужен очень предметный и конкретный разговор. Он тем более очевиден, что существующий тренд отказа от рассмотрения юридического лица как «корпоративного щита» для участника и члена органа управления (в меньшей, конечно, степени), роста случаев привлечения к субсидиарной ответственности снижает, как мне думается, накал обсуждения идеи о большей диспозитивности регулирования.

— Регулирование любой отрасли права построено на балансе интересов и рисков. Однако корпоративные правоотношения больше, чем какие-либо другие, основаны на риске. Какова, на Ваш взгляд, сущность корпоративных отношений?

— Вопрос о сущности корпоративных отношений — из числа фундаментальных для нашего права.

У меня достаточно давно сложилась своя точка зрения на этот предмет (я высказывал ее еще в работе о сделках с заинтересованностью¹), и хочу заметить, что я смотрю

¹ См.: Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М., 2005.

на предмет и содержание корпоративных отношений чуть более широко, чем действующий ГК РФ. В результате реформы гражданского законодательства Кодекс теперь определяет корпоративные отношения как *отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими*.

У этого определения есть свои положительные стороны (отдельный акцент сделан на отношения управления), но есть и некоторая ограниченность, обусловленная очевидной связью между двумя понятиями — «корпорация» и «корпоративные отношения». Проще говоря, корпоративные отношения существуют только потому, что наше право признает разделение всех юридических лиц на две большие группы — корпорации и унитарные организации. В первых возникают корпоративные отношения, в отличие от вторых.

Всё вроде бы просто, но это простота кажущаяся.

С точки зрения текущего регулирования возникает вопрос: что мы понимаем под корпорацией и чем такое лицо отличается от иных юрлиц? После долгих дискуссий мы получили ответ на этот вопрос в ст. 65.1 ГК РФ: корпорация — это юридическое лицо, учредители (участники) которой обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган. Это определение сколь же кратко, столь и неясно. Дело в том, что оно совсем не раскрывает того, что такое «право участия (членства)» (какова его сущность?). Возьмем, например, виды юридических лиц, которые у нас теперь относятся к корпорациям. Я с трудом понимаю, что их все сегодня объединяет под «крышей» понятия «корпорация». К примеру, что объединяет акционерное общество и общественную организацию? По форме вроде бы все соответствует определению корпорации, но в реальности, если погружаться в специфику того, как конкретно регулируется право участия (членства), то у таких организаций иногда совсем мало общего. И это притом что в унитарные лица попали организации, в которых есть множественность учредителей (фонды, автономные некоммерческие организации). В целом, на мой взгляд, есть большая проблема систематизации юридических лиц; мне представляется, что существующие классификации требуют переосмысления.

В самом общем виде, с моей точки зрения, *ценность разделения юрлиц на корпорации и унитарные юридические лица в том, что это решение проблемы меньшинства*: корпорация — это такое лицо, в котором возможно участие нескольких лиц, что, в свою очередь, требует специфических подходов к управлению, в основе которых — *решение проблемы меньшинства (говоря иначе, в основе идеи корпорации — специфика управления)*. Соответственно, унитарная организация — это организация, в которой один учредитель (участник).

Но и такой подход (он у нас не реализован) не дает ответов на все вопросы, поскольку, еще раз повторю, надо идти глубже и очень четко разграничивать право участия в коммерческих и некоммерческих корпорациях. Ничего этого у нас пока тоже нет.

Однако проблема определения сущности корпоративных отношений глубже; она не только (и даже не столько) в неопределенности понятия «корпорация» в текущем регулировании. Дело в том, что проблемы управления и меньшинства существуют не только в корпорациях и квазикорпорациях (например, автономные некоммерческие организации, которые формально унитарные организации, а фактически кор-

порации), но и в ряде случаев в объединениях лиц, которые юридическим лицом не являются. Я сейчас, может быть, выскажу странную мысль: не стоит увязывать корпоративные отношения только с фактом существования корпорации и уж тем более не стоит замыкать их на отношениях участия. К примеру, для меня — и плюсы определения корпоративных отношений, данного в ст. 2 ГК РФ, здесь очевидны — корпоративные отношения, если рассматривать их как отношения управления, возникают при управлении любым юридическим лицом, к которому применяются процедуры банкротства. Эта ситуация, когда управление у участников, по сути, перехватывают кредиторы. Если внимательно анализировать законодательство о несостоятельности, станет понятно, что в этом случае возникает очень специфическая модель управления, в которой, кстати, тоже есть проблемы меньшинства и большинства, только теперь уже кредиторов. Отношения управления возникают и в объединениях экономического характера, которые юридическими лицами не являются.

Не могу не сказать о том, что в корпоративных отношениях есть еще один слой — сложноструктурные объединения юридических лиц. То, что у нас именуется иногда холдингами, вертикально-интегрированными структурами и проч. Он также требует тщательного регулирования, которым мы, как мне думается, пока не располагаем.

— Доктрина зачастую оперирует конструкцией слабой стороны в корпоративных отношениях, однако исторически они формировались как отношения равных субъектов (например, путем установления имущественного ценза). Можем ли мы говорить о слабых участниках в корпоративных отношениях, а о равенстве в таком случае — только как о юридическом?

— Идея слабой стороны в правоотношении достаточно прочно вошла в наше право. Проявляется она и при регулировании (скорее даже при определении базовых подходов к регулированию) корпоративных отношений. Категория «слабая сторона в правоотношении» встречается в целом ряде актов Конституционного Суда РФ, где слабой стороной в корпоративных отношениях признаются *миноритарные (иногда говорится о «мелких») акционеры*, к примеру в хорошо известном среди специалистов, занимающихся проблемами корпоративных отношений, Постановлении от 10 апреля 2003 года № 5-П².

Сама идея мне кажется вполне полезной; в праве она должна реализовываться в виде четкого регулирования порядка осуществления различных корпоративных процедур, при которых обеспечивается баланс миноритарных и мажоритарных участников; строгого следования принципу реализации мажоритарным участником при осуществлении своей корпоративной власти общего интереса всех участников корпорации. Говоря иначе, мажоритарный участник, реализуя свою корпоративную власть и свой интерес, должен делать это таким образом, чтобы не получать положительные экономические эффекты в обход корпоративных процедур, к примеру не получать доходы через различного рода схемы (договоры и проч.), при осуществлении которых игнорируются интересы миноритарных участников (скажем, при наличии положительного экономического результата деятельности юридического лица

² См.: Габов А.В., Забитов К.С. Роль Конституционного Суда в защите прав миноритарных акционеров // Закон. 2012. № 1. С. 108–122.

не выплачиваются дивиденды всем участникам корпорации, тогда как мажоритарный участник получает «свое» через иные схемы).

В то же время законодательство должно предельно ясно ограничивать и возможности миноритарных участников корпорации для злоупотребления своим положением изначально слабой стороны, когда они требуют получения каких-то прав, которыми не располагают с точки зрения закона (не допускать корпоративный шантаж³, например).

— Некоторые исследователи отмечают недостаточный уровень «социализации» корпоративных отношений в России (например, в Германии работники допускаются к управлению корпорацией, к владению акциями/долями). Согласны ли Вы с этим утверждением?

— Мне не нравится слово «социализация». Вообще, не надо увлекаться неясными терминами, которые лишь запутывают.

Ситуация предельно понятна: сотрудники корпорации, т.е. лица, которые состоят с корпорацией в трудовых отношениях, — это лица, которые своим трудом создают дополнительную стоимость; за свою деятельность, которая эту стоимость создает, они получают вознаграждение, предусмотренное трудовым законодательством, индивидуальными и коллективными договорами. Но должны ли они получать, кроме этого вознаграждения, что-то от той дополнительной стоимости, которую они создают, и если да, то в какой пропорции? Вот главный вопрос, «нерв» своего рода. Мне кажется, этот вопрос требует серьезного обсуждения.

Концептуально здесь нет и не может быть серьезных возражений — такое решение было бы справедливым.

Однако, во-первых, просто наделением долей работников его не решить. Представим, что эти доли они получили, а что дальше? А дальше выясняется, что мы нагроулили работников корпорации рисками участников корпоративных отношений. Если такое — новое — распределение рисков не сопровождается иными правовыми решениями, мы можем вернуться ровно в ту же ситуацию, которая уже была в нашей экономической истории (после приватизации начала 1990-х годов), когда в результате использования различных вариантов приватизации в форме создания на базе государственного имущества акционерных обществ многие работники стали акционерами. Сам по себе новый статус в жизни абсолютного большинства таких работников ничего не изменил в положительную сторону (конечно, счастливые примеры-исключения, я не отрицаю, наверняка есть), поскольку в отсутствие традиций, практики и регулирования в части выплаты дивидендов никаких плюсов они не получили. Главное — это ведь система распределения прибыли корпорации; если при наличии этой прибыли мажоритарный участник ею не делится, то одно лишь наделение долей ничего не даст. Зато для работников, ставших участниками корпорации, возникают дополнительные риски при негативном результате ее деятельности, к примеру при ликвидации. Я напомним, что наше гражданское законо-

³ См.: Габов А.В., Молотников А.Е. Корпоративный шантаж как правовое явление // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 48–63.

дательство сегодня устанавливает, что ликвидация корпорации в первую очередь осуществляется за счет средств корпорации, но если их не хватает, то она должна осуществляться за счет самих участников. Во-вторых, хочу заметить, что этот вопрос должен решаться не за счет интересов миноритарных участников корпорации, не являющихся работниками.

Тем не менее я являюсь сторонником более широкого вовлечения работников в дела корпорации, в том числе за счет наделения их долями участия (хотя здесь можно подумать и об иных формах участия работников в прибылях корпораций). Это не только вопрос справедливости. Это вопрос качества корпоративного управления, когда оно (управление) осуществляется с максимальным вовлечением всех стейкхолдеров (а сотрудники, вне всякого сомнения, это стейкхолдеры корпорации). Готово ли к этому наше текущее корпоративное законодательство? Ответ, на мой взгляд, отрицательный — не готово. Его общие положения вообще не содержат никаких правил в этой части. Имеется (помимо известных попыток наделения акциями работников в позднесоветские годы и в период приватизации) весьма неоднозначный опыт так называемых акционерных работников — народных предприятий. Вы знаете, что есть специальный закон (о нем упоминает и ГК РФ в ст. 57 и 66 в качестве основания для установления особенностей регулирования) — Федеральный закон от 19 июля 1998 года № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)». Но этот документ, мягко говоря, весьма несовершенный; практика его применения незначительная; он, кстати, сейчас практически «мертвый» за счет того, что не приведен в соответствие с обновленным после 2014 года ГК РФ (достаточно посмотреть используемую им терминологию).

В целом все это — вопрос стратегии развития корпоративного законодательства. Участие сотрудников в корпоративном управлении — это вопрос именно что стратегический; мы должны для начала сформулировать требования политико-правового характера, а уже затем приступить к каким-то законодательным решениям.

— Отдельный блок дискуссионных вопросов в корпоративных правоотношениях занимает корпоративный договор. Как бы Вы определили этот правовой механизм? Правильно ли рассматривать его как обязательственную сделку?

— Идея о корпоративном договоре давно является предметом больших обсуждений. В первую очередь надо отметить, что действующее регулирование (ст. 67.2 ГК РФ) не вполне корректно с точки зрения терминологии: *нет у нас «корпоративного договора»*. Дело в том, что сегодня такой договор применяется только для хозяйственных обществ, для иных корпораций эта «опция» недоступна. Видимо, законодатель все-таки считает этот инструмент весьма рискованным, а потому применимым только к отдельным объединениям экономического характера. Отчасти с таким осторожным подходом можно согласиться: слишком широкое его применение может поставить вопрос о границах юридического лица, которые определяют в том числе круг потенциально ответственных за результаты деятельности корпорации лиц. Однако, как мне думается, со временем ареал использования корпоративного договора следует привести в соответствие с обозначением «корпоративный»: он должен быть доступен для участников если не всех, то большинства корпораций (при этом, как я уже говорил, хорошо бы еще до конца определиться с пониманием корпорации в нашем праве).

Корпоративный договор как инструмент позволяет участникам корпорации координировать свое взаимодействие в процессе корпоративного управления. В этом смысле его можно оценить положительно. Другой вопрос, как соотносить его содержание (и, соответственно, правовые возможности его сторон) с общими положениями учредительных документов и внутренних регламентов корпорации. И те и другие — это мое мнение — должны иметь приоритет перед положениями корпоративного договора, последний не может переписывать ни учредительные документы, ни внутренние регламенты корпорации. В сущности, на этом можно и поставить точку: корпоративный договор — это правовая связь отдельных участников корпорации для координации их взаимодействия, которая не может подрывать правосубъектности корпорации. Чтобы этого не было, на мой взгляд, сведения о наличии корпоративного договора должны в обязательном порядке быть публичными, сообщаться корпорации участниками договора и включаться в ЕГРЮЛ (сейчас в ЕГРЮЛ включаются в обязательном порядке только сведения о договорах, в которых объемом правомочий участников непропорционален размерам принадлежащих им долей в уставном капитале или установлены ограничения и условия отчуждения долей (акций)).

Отдельная проблема — квазикорпоративный договор, т.е., ситуация, когда в качестве стороны такого договора выступают, кроме участников, иные лица (кредиторы и др.). Это весьма интересная модель, через которую участниками корпоративных отношений (управления) становятся лица, не являющиеся участниками корпорации, но получающие возможность влиять на управление ею. Возможность существования такой модели отрицать нельзя, но право должно создавать ясные механизмы для того, чтобы о таких соглашениях знали иные участники корпорации (и здесь опять возникает вопрос об обязательности размещения подробной информации о таких соглашениях в ЕГРЮЛ), а также для ответственности таких третьих лиц, если их участие в таком договоре повлекло для корпорации убытки или иные негативные последствия.

— Корпоративный договор во многом необходим именно для снижения рисков возникновения конфликтов. В связи с этим в доктрине обсуждается, стоит ли на законодательном уровне сделать обязательным заключение корпоративного договора во всех хозяйственных обществах (кроме так называемых компаний одного лица). Какова Ваша позиция?

— Отрицательная. Любая обязательность в этом вопросе должна иметь определенное обоснование, а его я как раз не вижу. Для решения вопросов такого рода существуют учредительные документы и регламент. Там достаточно возможностей для снятия потенциальных рисков.

— А как соотносить заключенный корпоративный договор с уставом юридического лица? Эти ключевые документы, направленные на регулирование корпоративных отношений, должны идти вместе?

— Я уже говорил об этом и снова подчеркну: нет необходимости ставить вопрос о соотношении положений устава или иного учредительного договора с корпоративным договором.

Учредительный документ на то и существует, чтобы урегулировать все основные вопросы, включая внутренние отношения между участниками. Корпоративный договор — это лишь средство координации действий между участниками в той мере, в которой это соответствует учредительному документу. Хочу еще вот на какой момент обратить внимание: у нас иногда правовое положение корпорации определяется не только учредительным документом, но и отдельным федеральным законом, которым корпорация создана и регулируется ее деятельность. А если мы поставим Ваш вопрос применительно к таким корпорациям, то что, нам надо соотносить волю участников корпоративного договора с нормами закона? В общем, мне лично кажется, что вопрос о соотношении учредительного документа и корпоративного договора несколько надуман.

— С одной стороны, корпорации преследуют цели, которые выходят за пределы личных интересов отдельных ее участников, но, с другой стороны, любое явление в жизни поражено энергией частного интереса. Как Вы считаете, можем ли мы говорить о существовании корпоративного интереса? Если да, то каково его соотношение с частным интересом?

— Это очень важный вопрос для нашего корпоративного законодательства. О существовании корпоративного интереса мы говорить, конечно, можем, поскольку участники для того и объединяются в корпорации, чтобы вместе достигать определенных целей, равно как и субъекты гражданского права вступают в уже действующую корпорацию, чтобы удовлетворить свой частный интерес посредством достижения корпорацией целей своей деятельности. В этом смысле общекорпоративный интерес — это интерес всех и каждого. Признание такого интереса — это отправная точка для решения множества конфликтов, включая вопросы распределения прибыли, оценки поведения мажоритарного акционера и т.д.

— Каждый год количество исков о взыскании убытков с директора хозяйственного общества возрастает. Тем не менее вопрос о том, является ли вина условием ответственности директора, остается дискуссионным. Что Вы можете сказать об этой проблеме?

— Сложный вопрос. С одной стороны, ответственность — это дисциплинирующий фактор в деятельности тех лиц, которых мы называем директорами (лица, выполняющие функции единоличного исполнительного органа, и лица, входящие в составы коллегиальных органов юридических лиц). И вне всякого сомнения, право должно предоставлять участникам корпорации — хозяйственного общества возможность наказывать такое лицо за неразумное и недобросовестное поведение (действия или бездействие), результатом которого стали убытки.

С другой стороны, важно не перегнуть палку, поскольку признание директора «должником последней инстанции» (по-другому это можно обозначить как принцип «директор отвечает за всё») может в перспективе существенно ограничить инициативу таких лиц. На одном из юридических форумов я сформулировал эту проблему следующим образом: ответственности в ее собственном негативном понимании стало так много, что скоро будет сложно найти человека, который бы согласился нести ответственность в позитивном смысле этого слова. Колле-

ги по моей просьбе подсчитали, что средний размер ответственности по искам участников юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, по итогам 2021 года составил чуть менее 11 млн руб., а средний размер удовлетворенных требований о привлечении к субсидиарной ответственности за тот же период — примерно 163 млн. Согласитесь, суммы весьма значительные. И вот здесь как раз возникает вопрос: а за что, собственно, директора претерпевают такие негативные последствия?

Наше законодательство сегодня возлагает на директора ответственность и за собственные действия, и за действия других лиц — практически всех лиц, которые входят в контуры границ юридического лица (работники прежде всего). Из этого иногда в судебной практике возникают весьма странные казусы. К примеру: работники общества с ограниченной ответственностью красили строение и при этом испортили автомобили на соседней парковке; вред пришлось возмещать самому обществу, а оно решило «перевести» убытки на директора. Пример (а это реальное дело) кажется несколько абсурдным — но он отражает суровую реальность для директора, когда его пытаются привлечь к ответственности за всевозможные негативные последствия деятельности юридического лица (управленческие недоработки — «не организовал» (хотя должен был), «не так организовал» и проч.).

Вы поставили вопрос о вине. Если исходить из буквального требования нашего гражданского законодательства, в том числе учитывая общие положения об ответственности, которые сформулировал Конституционный Суд РФ (я об этом писал еще в 2013 году в своей статье по проблемам ответственности директоров⁴, и с тех пор мало что поменялось), вина является обязательным элементом состава правонарушения, за которое привлекается к ответственности директор. Однако в реальности мы видим, что вина здесь тесно переплетена с противоправным поведением, причем настолько тесно, что в отдельном исследовании вопроса о вине, строго говоря, нет большой необходимости. Доказали, что лицо действовало неразумно и недобросовестно, — значит, и вопрос вины определен. Однако что такое «неразумность» и «недобросовестность»? Вот в этом корень проблемы, особенно применительно к ответственности, которая возникает для единоличного исполнительного органа (понятно, что есть объективные различия применительно к ответственности такого лица и лиц, входящих в составы коллегиальных органов юридических лиц). Широкая практика привлечения директоров к ответственности у нас пошла с 2013 года (здесь важно отметить роль — какую, пусть каждый решит сам — Высшего Арбитражного Суда РФ⁵), однако сказать, что мы получили ясное понимание того, как и за что привлекать к ответственности директоров (учитывая и те изменения в ГК РФ, которые были внесены Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ), нельзя.

Отмечу, что в последние годы эта тематика стала привлекать все больше ученых и экспертов; надеюсь, что это приведет к положительным результатам и в части формулирования необходимых критериев разграничения правомерного/неправо-

⁴ Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 36–79.

⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

мерного в поведении директора⁶. Еще одним решением могло бы стать принятие обзора судебной практики, ведь количество судебных актов о привлечении к ответственности директоров (главным образом лиц, осуществляющих полномочия единоличных исполнительных органов) исчисляется тысячами, а это значит, что можно вычленить типовые ситуации и сформулировать необходимые для нижестоящих судов разъяснения. Но это решение промежуточное, потому что вопрос, который Вы поставили, выводит нас на проблему более общую — о субсидиарной ответственности по долгам юридического лица иных лиц. Она тоже ждет своего концептуального решения.

— В марте 2022 года вступил в силу Федеральный закон от 1 июля 2021 года № 287-ФЗ, которым была введена новая организационно-правовая форма — личный фонд (аналог траста в западных юрисдикциях), который, в отличие от наследственного, может быть учрежден при жизни наследодателя. Как Вы относитесь к подобному расширению перечня унитарных некоммерческих организаций?

— Только положительно. Чем больше возможностей для реализации различных экономических интересов дает наше право — тем лучше. Вопрос о введении таких фондов давно назрел. А вот какова будет практика их применения — посмотрим.

⁶ См.: Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М., 2018; Косякин И.А. Единоличный исполнительный орган акционерного общества. М., 2022; Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества. М., 2022.

Исключение лица из состава участников общества с ограниченной ответственностью как экстраординарная мера ответственности*

Директором общества с ограниченной ответственностью «Региональная утилизирующая компания» является Козырев И.Н. Участниками юридического лица выступают АО «Регионотходы» (далее также — истец) и Богданов А.В. (далее также — ответчик) с долями в уставном капитале в размере 90 и 10% соответственно.

Полагая, что ответчик действует в едином противоправном интересе с Козыревым И.Н., что, в свою очередь, приводит к невозможности осуществления текущей деятельности общества, истец обратился в Арбитражный суд города Москвы с исковым заявлением к Богданову А.В. об исключении его из состава участников.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 13.04.2022 заявленные требования удовлетворены. Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.07.2022 решение оставлено без изменения.

Арбитражный суд Московского округа не согласился с выводами судов нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение, указав, что исключение судами ответчика из состава участников общества не прекратило процесс причинения вреда юридическому лицу, а стало способом разрешения корпоративного конфликта.

В рамках настоящего дела перед правоприменителями встал вопрос: может ли такой специальный способ защиты корпоративных прав, как исключение участника из общества в судебном порядке, применяться в целях, не связанных с устранением препятствий к осуществлению нормальной деятельности общества, вызванных поведением одного из участников?

Мы попросили экспертов рассмотреть позиции сторон и высказать профессиональное мнение по данному кейсу.

Артем Кукин,
партнер юридической фирмы «Инфралекс»,
кандидат юридических наук

— На первый взгляд корпоративный спор кажется обычным: затяжной корпоративный конфликт между двумя участниками ООО, обвинения директора в типичных злоупотреблениях (заключение убыточных сделок, в том числе с фирмами-однодневками, непроведение общих собраний участников, назначение завышенной зарплаты и очень крупного «золотого парашюта»). Конфликт традиционно сопровождается множеством судебных разбирательств, разбросом дел по судам разных юрисдикций и регионов.

Тем не менее это дело можно считать выдающимся: в нем слишком много необычного. Дедлок между двумя участниками ООО с долями 90/10, непостроенный завод, спор об убытках из-за строительства, в котором увязли эксперты. В довершение — иск экс-супруги исключаемого участника ООО, оспаривающей отчуждение 90%-ной доли без ее согласия. Комментируемое дело, направленное сейчас на новое рассмотрение, явно требует решения по спору об убытках из-за строительства. Производство по делу об убытках, однако, было приостановлено¹ до вступления в силу решения по иску экс-супруги и лишь недавно возобновлено, хотя решение по супружескому делу² вынес пока только суд первой инстанции. Он отказал в иске, при этом одним из доводов стало исключение ответчика из ООО, — решение на месяц опередило отмену судебных актов об исключении. На решение по супружескому делу подана апелляционная жалоба, в силу оно еще не вступило. История очевидно далека от завершения.

Дело стало серьезным поводом вернуться к фундаментальному вопросу о правовой природе ООО: что это — объединение капиталов или объединение лиц? Интересные дискуссии по этому поводу звучали еще десять лет назад, при обсуждении в 2012 г. Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 151 по спорам об исключении участника из ООО³. Несмотря на то, что документ был принят до модернизации раздела Гражданского кодекса РФ о юридических лицах⁴, он сохраняет актуальность: суд ссылается на него в том числе в комментируемом деле.

Проект Информационного письма № 151 появился в конце 2011 г. и отличался большим количеством альтернативных вариантов, т.е. отсутствием согласованной позиции по многим тезисам. Обсуждению документа были посвящены два публичных заседания Президиума ВАС РФ. Мнения разделились. Одни специалисты доказывали, что ООО — это объединение капиталов, а потому исключение «за грехи», как в колхо-

¹ Определение АС Свердловской области от 08.07.2022 по делу № А60-21856/2020. Определение о возобновлении производства по делу вынесено 08.10.2022.

² Решение АС города Москвы от 23.09.2022 по делу № А40-91941/22-189-699.

³ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью».

⁴ Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

зе или кооперативе, невозможно. Другие возражали: российское ООО — это объединение не капиталов, а 2-3 партнеров по бизнесу, близкое к товариществу. При такой форме объединения необходим механизм реагирования на недобросовестные действия, тем более что исключение участника ООО предполагает выплату ему действительной стоимости доли⁵. К единому мнению Президиум ВАС РФ не пришел.

Комментируемое дело тоже не дает однозначного ответа. Казалось бы, наличие 90%-ного участника должно свидетельствовать в пользу капитала. Если бы речь шла о публичной корпорации в форме АО, то 10% миноритарных акционеров традиционно рассматривались бы как портфельные инвесторы, интересы которых лежат в финансовой сфере, а не в управлении обществом. Между тем в рассматриваемой ситуации участник ООО с долей 10%⁶ имел паритетное с 90%-ным участником право на управление обществом: директора назначил миноритарий, решения должны были приниматься участниками единогласно. Конфигурация больше напоминает партнерство, несмотря на колоссальную разницу в размере долей участия в капитале ООО.

Причиной столь парадоксальной ситуации стало то, что учредителем ООО выступил в 2012 г. единолично А. Богданов (ответчик), исключения которого требует сейчас мажоритарный участник — АО «Регионотходы» (истец). Изначально Богданов назначил директором И. Козырева, который все время сохранял свой пост. Состав участников ООО изменился в 2015 г., когда Богданов принял решение об увеличении уставного капитала ООО и вхождении в него другого участника — АО «Регионотходы», внесшего вклад в уставный капитал ООО и получившего долю 90%. Указанную сделку как притворную оспаривает сейчас экс-супруга Богданова, полагая, что сделка прикрыла отчуждение Богдановым 90% долей ООО, доли в котором изначально составляли общее имущество супругов, без нотариально удостоверенного согласия супруги⁷. Суд, отказывая в иске, отметил, что п. 2 ст. 17 Закона об ООО позволяет увеличивать уставный капитал общества за счет вклада третьего лица, что не требует нотариального удостоверения, а потому положения п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ, на которые ссылалась экс-супруга Богданова, в данном случае неприменимы.

Казалось бы, юридическое лицо (АО «Регионотходы»), намеревавшееся построить завод по переработке отходов, могло создать ООО самостоятельно, привлекать капитал одного физического лица для этого явно не требовалось. Можно, впрочем, предположить, что замысловатая конфигурация возникла из-за земельных участков, являющихся основным активом ООО и необходимых для строительства завода.

Как бы то ни было, результатом стало наличие в ООО двух участников с долями 10 и 90%, условие о единогласном принятии решений и директор, назначенный миноритарным участником (изначально единственным) при учреждении общества. Претензии, предъявляемые к директору мажоритарным участником, сводятся в основном к воспрепятствованию строительству завода. Уклонение директора от проведения общих собраний участников ООО подтверждено судебными актами, тогда как дело

⁵ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО), ст. 10 во взаимосвязи с п. 4 ст. 23.

⁶ Следует отметить, что доля в 10% сама позволяет участнику требовать исключения другого участника из ООО — ст. 10 Закона об ООО.

⁷ Подробности см.: решение АС города Москвы от 23.09.2022 по делу № А40-91941/22-189-699.

по иску АО «Регионотходы» о взыскании с И. Козырева 46 млн руб. убытков в связи со строительством пока рассматривается в Свердловской области, оценка объема выполненных работ вызывает у экспертов затруднения⁸.

Судебная практика, подчеркивается в комментируемом постановлении Арбитражного суда Московского округа, исходит из того, что «исключение участника из общества является крайней мерой», применяемой лишь тогда, когда «последствия действия участника не могут быть устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом». Цель исключения — не разрешение корпоративного конфликта, не защита прав отдельных участников, а «обеспечение нормальной деятельности общества».

Этот подход был выработан многолетней практикой, обобщенной ВАС РФ еще в 2012 г. В Информационном письме № 151 приведены примеры дел, где участники конфликта имели неравнозначные размеры долей. В частности, гражданин с 10%-ной долей требовал исключить из ООО 90%-ного участника (ситуация, обратная комментируемому делу). Суд требование отклонил, поскольку исключение мажоритарного участника привело бы к прекращению деятельности ООО (п. 11 Информационного письма № 151). Суды пришли к выводу, что при наличии у участников права свободного выхода из ООО принудительное исключение мажоритарного участника вообще должно быть исключено, т.е. корпоративный конфликт должны разрешать сами участники. Впоследствии в ГК РФ появилась норма о принудительной ликвидации юридического лица по иску его участника при невозможности осуществления его деятельности (подп. 5 п. 3 ст. 61), т.е. дедлок 50/50 и иные конфликты с мажоритариями оказались выведены из-под действия ст. 10 Закона об ООО. Остались только споры с миноритариями.

Другим дискуссионным вопросом, в том числе в Президиуме ВАС РФ, стало содержание нарушений, допущенных участником ООО. Нарушения должны касаться непосредственно прав участника или же прав и обязанностей единоличного руководителя (директора) ООО? Суды допускали исключение из ООО участника, выполнявшего функции единоличного руководителя, если его действия на этом посту причинили обществу значительный вред и (или) сделали невозможной его деятельность (п. 2 Информационного письма № 151). Впоследствии появление ст. 53.1 ГК РФ обособило ответственность руководителей от ответственности участников юридического лица.

Тенденция к разграничению ответственности участников и руководителей общества отчетливо проявилась в комментируемом деле. Основной причиной отмены судебных актов по делу стала недоказанность какого-либо сговора между участником Богдановым и директором ООО Козыревым, который обвинялся в нарушениях. Также не было доказано, что именно Богданов как участник ООО причинил ему существенный вред и своим поведением затруднил деятельность, т.е. нарушил свои обязанности участника.

«Судами не исследованы доводы, указывающие на то, что действия Козырева И.Н., как директора общества, не могут быть признаны самостоятельным основанием

⁸ Данные получены из судебных актов по делу № А60-21856/2020.

для исключения Богданова А.В. из числа участников общества», — подчеркивается в постановлении окружного суда. Далее делается вывод, что исключение из ООО может применяться в исключительных случаях «при доказанности грубого нарушения участником общества своих обязанностей либо поведения участника, делающего невозможной или затрудняющей деятельность общества». Для этого необходима «объективная оценка степени нарушения участником своих обязанностей по отношению к обществу», установление фактов конкретных нарушений, выявление причинно-следственной связи между ними и негативными последствиями для ООО.

Доказать такой состав, очевидно, будет в большинстве случаев затруднительно, поэтому развитие судебной практики в указанном направлении в перспективе может привести к отмиранию самого института исключения участника из ООО. Это усилит концепцию ООО как объединения капиталов, четче разграничивая ООО и иные формы предпринимательских объединений. В экономическом смысле это соответствует более высокой ступени развития экономики.

С практической точки зрения сокращение возможностей для исключения участников из ООО приведет к ограничению способов ведения корпоративных конфликтов. Это, возможно, уменьшит число параллельных судебных дел, присущее таким конфликтам, самостоятельное рассмотрение каждого из которых затруднительно, установление преюдициальности — противоречиво, а приостановление производства, тем более взаимное, — путь в бесконечность.

Анастасия Токарева,
старший юрист судебной практики
«Дювернуа Лигал»

— Несмотря на то, что обсуждаемое постановление Арбитражного суда Московского округа можно скорее отнести к судебным актам факта, чем права, оно предлагает к размышлению ряд вопросов.

Сам по себе институт принудительного исключения участника из общества стоит признать одним из интереснейших в корпоративном праве, когда право наиболее жестко сталкивается с жизнью.

Общество как корпорация предполагает обособление имущества и является самостоятельным участником гражданского оборота, однако следует исходить из того, что преимущественно интересы корпорации сводятся к интересам всех ее участников и обусловлены ими. С необходимостью реализации общих интересов участников и достижением общей цели и связывается создание участниками самой корпорации⁹.

⁹ См.: п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021).

Действительно, создание общества преследует цель ведения бизнеса для извлечения прибыли его участниками. При этом такая деятельность основана на доверительных отношениях участников, объединяющих свои капиталы, и является инвестиционной. Создавая общество, участники рискуют своими вложениями, и хотя они надеются на получение прибыли, но это обстоятельство совсем не обязательно и во многом зависит от объективных обстоятельств и деловой хватки участников.

Учитывая изложенные обстоятельства, встают вопросы: как принимать решения об исключении участника из общества, особенно если, как в рассматриваемом споре, в обществе их всего два? интерес какого из участников следует признать подлежащим защите? что такое абстрактный интерес общества и можно ли считать, что он сводится исключительно к извлечению обществом прибыли?

Как Верховный Суд РФ, так и нижестоящие суды отмечают, что данная мера может применяться только в исключительных случаях, будучи экстраординарным способом защиты права.

Этому подходу следует и Арбитражный суд Московского округа, также указывая, что исключение участника возможно только при доказанности грубого нарушения участником общества своих обязанностей либо поведения участника, затрудняющего или делающего невозможной деятельность общества.

Определение степени того, насколько грубым является нарушение, степени вины ответчика отнесено к исключительному судебному усмотрению.

Согласно изначально сложившейся позиции исключение участника из общества может применяться лишь тогда, когда последствия его действий не могут быть устранены без лишения его возможности участвовать в управлении обществом. Данный вывод находит отражение в судебной практике до сих пор, в том числе в определениях Верховного Суда¹⁰, несмотря на то что в Обзоре судебной практики от 25.12.2019 Верховный Суд указал, что возможность исключения участника не зависит от того, могут ли быть последствия действий (бездействия) участника устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом.

Подобные разночтения не способствуют формированию единообразной судебной практики, а также единого подхода к определению оснований для исключения участника из общества.

В рассматриваемом деле кассационный суд, казалось бы, с данной дилеммой не сталкивается: ссылаясь как на одну, так и на другую позицию, Арбитражный суд Московского округа указывает на отсутствие доказательств причинения существенного вреда и создания ответчиком препятствий деятельности общества, т.е. условий, необходимых для исключения участника из общества.

Вместе с тем суд, направляя дело на новое рассмотрение, обращает внимание нижестоящих судов на необходимость повторного и более тщательного исследования

¹⁰ См.: Определение ВС РФ от 25.05.2022 № 309-ЭС22-6669 по делу № А76-47511/2020, постановления АС Московского округа от 03.08.2022 по делу № А40-15581/2022, от 09.11.2022 по делу № А40-271347/2021.

обстоятельств, касающихся непосредственно действий ответчика как участника общества, тем самым указывая на презумпцию добросовестности участника-ответчика и признавая неправомерными выводы судов о возложении на него бремени доказывания. В этом смысле позицию кассации следует признать более консервативной, исключающей применение подходов дел о банкротстве (как это фактически сделано судами первой и апелляционной инстанций) и возвращающей нас к традиции рассмотрения корпоративных споров.

Интересен также вывод суда о том, что действия директора общества, к оценке законности которых и были сведены отмененные судебные акты, не могут быть самостоятельным основанием для исключения ответчика из состава участников.

Представляется, что препятствование в избрании иного директора (до истечения его полномочий), голосование против предлагаемых другим участником сделок не могут служить основанием для исключения участника из общества. У каждого из участников есть свои представления о порядке ведения бизнеса, которые в условиях корпоративного спора явно не совпадают. Однако несовпадение мнений не может влечь удовлетворение такого иска.

Кроме того, могут ли вообще действия директора, пусть даже признанные незаконными, стать причиной исключения участника, отказывающегося принимать решение о прекращении полномочий такого директора?

Учитывая, что любому спору об исключении участника присущ корпоративный конфликт, очевидно, что стороны не смогут договориться о новой кандидатуре, а значит, при всем желании директора участники сменить не смогут.

При этом важно, что до направления дела на новое рассмотрение истец уже успел внести изменения в реестр, исключив оттуда ответчика, и назначить нового директора. В первую очередь это означает, что независимо от дальнейшего разрешения спора цели иска фактически достигнуты. И даже вступивший в законную силу отказ в иске не повлечет безусловной отмены решения истца об избрании ЕИО, поскольку судебная практика по данному вопросу разнообразна. Таким образом, участники данного общества поменялись местами, а общество ждет все новые витки корпоративного конфликта.

В данной ситуации, как представляется, справедливым вариантом является ликвидация общества, на что указывал Верховный Суд еще в 2014 г.¹¹ При этом стоит согласиться с правовым выводом, сделанным в ряде судебных актов: «...такие последствия явились следствием действий самих участников общества, которые самостоятельно определили механизм управления обществом, не предусмотрев при этом возможности управления обществом в случае несогласия одного из участников общества с позицией другого участника».

¹¹ См.: Определение от 08.10.2014 № 306-ЭС14-14 по делу № А06-2044/2013.

Андрей Есманский,
юрист судебно-арбитражной практики
Адвокатского бюро «Егоров, Пугинский,
Афанасьев и партнеры»

— В практике давно сформирована позиция о том, что совершение участником общества с ограниченной ответственностью действий, заведомо противоречащих интересам компании, при выполнении функций единоличного исполнительного органа может являться основанием для исключения такого участника из общества (п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 151).

В рассматриваемом деле проблема поставлена иным образом: может ли быть исключен участник, который не является руководителем общества, но создает условия для продолжения противоправной деятельности действующего руководителя?

В обоснование своего требования об исключении участника-миноритария истец ссылаясь на то, что директор совершал действия, противоречившие интересам общества, а обладавший решающим правом голоса миноритарий бездействовал в отношении прекращения полномочий данного директора. По мнению истца, миноритарий и директор действовали с общей заинтересованностью, направленной на воспрепятствование уставной цели общества — строительству завода. В качестве признаков согласованных действий истец указал:

- на установление миноритарием от имени общества условия о «золотом парашюте» в договоре с директором;
- выдачу миноритарием доверенности директору с правом голосовать от его имени на общих собраниях участников общества;
- отказ миноритария от одобрения сделок и поручений директору, необходимых для реализации уставных целей общества.

Не предвосхищая выводов судов по фактическим обстоятельствам конкретного дела, рассмотрим, при каких условиях может быть удовлетворено подобное требование об исключении участника.

1. Прежде чем оценивать непосредственно поведение участника, необходимо установить, причинили ли действия директора существенный вред или иные затруднения деятельности и достижения целей общества (п. 1 ст. 67 ГК РФ, ст. 10 Закона об ООО).

Например, в рассматриваемом деле при оценке последствий действий директора могут быть приняты во внимание суммы упущенной выгоды в результате сдачи участков в аренду по заниженной цене, убытков от задержки реализации проекта строительства завода, административных штрафов, взысканных в связи с несоблюдением корпоративных процедур и т.д. Главным условием включения данных издержек в расчет вреда

являются недобросовестные или неразумные действия директора. Исходя из полученной суммы, суд оценивает существенность вреда с учетом масштабов деятельности общества¹². Кроме того, даже если на момент рассмотрения дела обществу не причинен существенный вред, следует дать оценку тому, не препятствуют ли действия или бездействия руководства общества достижению уставных целей — в данном случае строительству завода.

2. Как справедливо указал кассационный суд в рассматриваемом деле, противоправная деятельность директора общества сама по себе не является основанием для исключения участника. В связи с этим, установив совершение противоправных действий руководителем общества, суд оценивает, какую роль в этой деятельности играл исключаемый участник общества. Рассмотрим две возможные ситуации:

1) имел место сговор между директором и участником.

Если противоправные действия осуществлялись директором по указанию или при содействии участника, то последнего следует рассматривать как сопричинителя вреда. Указанное, безусловно, является основанием для исключения его из общества.

Признаком наличия сговора может служить, в частности, извлечение участником выгоды из противоправного поведения директора. Например, в одном из недавно рассмотренных дел суды исключили участника, выступившего выгодоприобретателем по сделке отчуждения имущества общества, признанной впоследствии недействительной¹³;

2) наличие сговора не доказано.

Более сложной является ситуация, в которой наличие сговора не доказано, однако противоправный характер деятельности директора был настолько очевиден, что разумный участник не мог не предпринять мер по прекращению полномочий директора.

В таких случаях следует прежде всего установить, предпринимал ли попытки отстранить директора сам истец. Кроме того, необходимо выяснить, инициировал ли он проведение общего собрания участников и голосовал ли за прекращение полномочий директора общества. Если данные попытки истцом не предпринимались, то ответчик может возразить, что бездействовали они оба, а следовательно, в отношении самого истца имеются основания для исключения. При таких обстоятельствах иск об исключении участника не может быть удовлетворен¹⁴.

Если истец выносил на обсуждение общего собрания вопрос о прекращении полномочий директора, а ответчик голосовал против, то следует оценить осведомленность ответчика о нарушениях со стороны директора на момент голосования, а также мотивы такого голосования. В связи с этим инициаторам подобных голосований рекомендуется подробно фиксировать вменяемые директору нарушения в требовании о со-

¹² См., напр.: постановления АС Западно-Сибирского округа от 15.09.2022 по делу № А45-24466/2021; АС Уральского округа от 30.09.2020 по делу № А76-23266/2019.

¹³ Постановление АС Московского округа от 16.11.2022 по делу № А40-63590/2022.

¹⁴ См.: п. 35 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

зыве собрания или иных документах. В свою очередь, голосующим против следует тщательным образом мотивировать свою позицию.

Возможность исключения участника в связи с голосованием по вопросам повестки дня общего собрания была признана еще в п. 4 Информационного письма № 151.

Таким образом, если деятельность директора общества заведомо для участника приводит к последствиям, указанным в п. 1 ст. 67 ГК РФ, ст. 10 Закона об ООО, то голосование против прекращения полномочий такого директора может быть основанием для исключения участника.

Дмитрий Урякин,
юрист *Maxima Legal*

— В настоящем деле судам пришлось разрешать корпоративный конфликт владельцев компании, которые по-разному видели ее дальнейшее развитие.

В обществе «Региональная утилизирующая компания» (далее — «РУК»), состоящем из двух участников (90 и 10% долей участия соответственно), мажоритарий счел, что миноритарий в сговоре с директором сделали невозможным достижение основной цели общества — строительство завода по переработке отходов.

Основные претензии к миноритариям состояли в том, что он голосовал против выгодных обществу решений, в том числе против смены директора, действия которого в иных судебных разбирательствах уже признавались незаконными. Устав компании требовал единогласного принятия решений участниками на общих собраниях, поэтому миноритарий, несмотря на свою незначительную долю, блокировал нормальную деятельность общества.

Суды первой и апелляционной инстанций посчитали, что действия миноритария противоречат корпоративному законодательству, и исключили его из общества.

Однако суд округа не согласился с выводами нижестоящих судов, указав на игнорирование ряда возражений и доказательств исключаемого лица¹⁵. По мнению суда, в материалах дела нет доказательств причинения вреда обществу действиями миноритария, тогда как причинение вреда обществу его директором основанием для исключения участника, который директором не является, быть не может.

¹⁵ К сожалению, в постановлении суда округа не сказано, какие конкретно возражения и доказательства были проигнорированы нижестоящими инстанциями и как соответствующие возражения и доказательства могли повлиять на решение настоящего спора.

Несмотря на то, что дело было направлено на новое рассмотрение во многом по процессуальным основаниям (выводы судов первой, апелляционной инстанций не соответствовали обстоятельствам дела), высказанные судами критерии допустимости исключения участника из корпорации могут быть проанализированы на предмет их обоснованности.

1. Исключение участника, голосовавшего против выгодных для общества решений. На участников любых непубличных корпораций возлагается обязанность лояльно¹⁶ относиться к собственной компании. Эта обязанность проявляется в запрете участникам действовать во вред компании или с тем, чтобы осложнить достижение целей, для которых она была создана. Соответственно, если голосование участника на общем собрании противоречит интересам общества, о чем наверняка знает участник, и такими действиями обществу причиняется вред, налицо все основания для его исключения.

На уровне высших судов эта позиция была сначала закреплена в п. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 151, согласно которому «голосование участника по вопросам повестки общего собрания участников общества... мо [жет] являться основанием для исключения участника из общества, если такие действия (бездействие) причиняют значительный вред обществу или делают невозможной деятельность общества, существенно ее затрудняют, либо когда такое голосование заведомо влекло значительные неблагоприятные последствия для общества».

Впоследствии эта позиция была поддержана Верховным Судом РФ, который в п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление № 25) допустил возможность исключения участников за любые действия, противоречащие интересам общества, если ими был причинен существенный вред и (или) была затруднена деятельность общества.

Применительно к настоящему делу это значит, что суды могли исключить миноритария, если считали, что, сознательно голосуя против смены директора, а также против заключения выгодных сделок, он причиняет вред обществу. Исходя из содержания отмененных судебных актов, миноритарий знал, что сделки, против которых он выступал, позволяли увеличить прибыль общества в десять раз. Если это действительно было так, то поведение участника очевидно расходилось с интересами общества, а потому его исключение оправданно.

Однако суд кассационной инстанции с этим не согласился. Что повлияло на его выводы, мы не знаем, но можно предположить, что суд учитывал итоги иных разбирательств между теми же лицами, где действия миноритария не были признаны недобросовестными¹⁷.

¹⁶ Наш законодатель использует термин «добросовестность» (см., например, п. 1 ст. 53.1 ГК РФ), суть которого также сводится к обязанности участника действовать в интересах и без ущерба для компании.

¹⁷ Например, в делах № А60-10674/2020 и № А60-47769/2020 суды признали договоры субаренды с обществом «Утилизатор» отвечающими интересам общества «РУК» и не причиняющими ему вреда, тогда как в настоящем деле суды, ссылаясь на эти же договоры, обосновывали недобросовестность миноритария и директора. В свою очередь, в деле № А60-21853/2020 суды не установили причинение убытков обществу «РУК» заключением трудового договора с директором и последующим увеличением ему заработной платы, а также указали, что за эти решения голосовал сам мажоритарий. В настоящем деле нетипичными условиями трудового договора, помимо прочего, обосновывался сговор между миноритарием и директором.

2. Исключение участника за действия исполнительного органа общества. Неразумные и недобросовестные действия директора по общему правилу являются основанием для взыскания с него убытков (п. 1 ст. 53.1 ГК РФ)¹⁸, но не основанием для исключения участника, который директором не является.

В то же время Верховный Суд РФ ориентирует нас на неисчерпывающий перечень действий (бездействия), в результате которых участника можно исключить из общества¹⁹; главное в таком случае — установить его недобросовестность. В этом смысле участник должен отвечать не за действия исполнительного органа, совершаемые им в режиме реального времени, так как они находятся вне сферы контроля участника, а за недобросовестный выбор кандидатуры директора на общем собрании. Подобная логика, в частности, была воспроизведена ВАС РФ, который в п. 1 Информационного письма № 151 согласился с тем, что избрание исполнительного органа, окончившееся выводом всего ликвидного имущества общества, может быть основанием для исключения участника, осуществившего выбор такой кандидатуры.

Таким образом, если при выборе кандидатуры директора участник преследует цель причинить вред обществу, то он может быть исключен из состава его участников. По этой же причине сложно в полной мере согласиться с выводом кассационного суда, что действия директора в принципе не могут быть основанием для исключения участника. Если это согласованные действия, осуществляемые под контролем участника с губительными последствиями для общества, то нет никаких разумных причин в том, чтобы позволять участнику и дальше реализовывать свой «преступный» замысел, оставляя его в обществе.

¹⁸ О том, что корпоративным законодательством не предусмотрена возможность возложения на участника общества ответственности за негативные последствия недобросовестных или неразумных действий, говорилось, например, в постановлении АС Северо-Западного округа от 06.07.2020 № Ф07-5521/2020 по делу № А13-11956/2019.

¹⁹ См., в частности, п. 35 Постановления № 25.

Проблемы гражданско-правовой ответственности субъектов, контролировавших исключенное из единого государственного реестра юридических лиц недеиствующее общество с ограниченной ответственностью*

СТАТЬЯ ПОСВЯЩЕНА ПРОБЛЕМАМ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, КОНТРОЛИРОВАВШИХ ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ, ИСКЛЮЧЕННОЕ ИЗ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЕСТРА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПОРЯДКЕ. В СТАТЬЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ИСКЛЮЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ИЗ РЕЕСТРА, УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРОВАВШИХ ЕГО ЛИЦ ПЕРЕД КРЕДИТОРАМИ ОБЩЕСТВА, ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПРИРОДА ТАКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. ИССЛЕДУЮТСЯ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРОВАВШИХ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО ЛИЦ ВО ВРЕМЕНИ.

Дмитрий Владимирович Ломакин,
профессор кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор, доктор юридических наук, адвокат

Ключевые слова: корпорация, общество с ограниченной ответственностью, ликвидация юридического лица, единоличный исполнительный орган хозяйственного общества, снятие корпоративного покрова, субсидиарная ответственность контролирующих корпорацию лиц

DOI 10.46279/ASMO.2022.39.32.001

подавляющее большинство проблем в сфере корпоративного права напрямую связаны с деятельностью корпорации — ключевого субъекта корпоративных отношений. Иными словами, есть корпорация и есть обусловленные фактом ее существования

* Настоящая статья подготовлена при информационной поддержке СПС «Гарант» и «КонсультантПлюс».

проблемы. Это правило, но оно знает исключения. В силу ряда причин корпорации может уже не быть. В едином государственном реестре юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) содержится запись о ее прекращении (абз. 1 п. 3 ст. 49 Гражданского кодекса (ГК) РФ). Тем не менее отлагательный эффект ее деятельности, как свет далекой погасшей звезды, хорошо виден участникам имущественного оборота.

Яркой иллюстрацией к сказанному является ответственность лиц, контролировавших так называемую недействующую корпорацию, исключенную в установленном порядке из ЕГРЮЛ. Для признания юридического лица недействующим требуется установить факт прекращения им деятельности. Законодатель установил презумпцию прекращения юридическим лицом деятельности. Так, юридическое лицо предполагается недействующим, если оно в течение двенадцати месяцев, предшествующих его исключению из ЕГРЮЛ, не представляло документы отчетности, предусмотренные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету (п. 1 ст. 64.2 ГК РФ). Два указанных формальных критерия закреплены также в п. 1 ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее — ФЗ «О госрегистрации»). Эти критерии отнесения юридического лица к числу недействующих должны присутствовать одновременно, поскольку законодатель в диспозиции нормы при их перечислении использует логическую операцию «конъюнкция», употребляя соединительный союз «и». Данный вывод находит свое подтверждение и в норме п. 2 ст. 21.1 Закона.

Что касается документов отчетности о налогах и сборах, то к ним относятся, в частности, соответствующие налоговые декларации (расчеты) (подп. 4 п. 1 ст. 23 Налогового кодекса РФ (часть первая)). Относительно второго критерия нужно заметить, что для целей определения признаков юридического лица в качестве недействующего следует исходить из того, что в случае наличия у него нескольких банковских счетов операции не должны производиться ни по одному из них (абз. 2 п. 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.01.2006 № 100 «О некоторых особенностях, связанных с применением статьи 21.1 Федерального закона „О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей“»).

Наличие рассмотренных формальных критериев позволяет лишь предположить, что юридическое лицо прекратило свою деятельность, и не более того. Данная презумпция может быть опровергнута самим фактом осуществления организацией деятельности, пусть с нарушением требований налоговой отчетности и при отсутствии операций по имеющимся расчетным счетам¹. Таким образом, определяющим фактором для признания юридического лица недействующим является не совокупность формальных критериев², а фактическое прекращение им деятельности. Правильность такого подхода чет-

**ОПРЕДЕЛЯЮЩИМ ФАКТОРОМ
ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО
ЛИЦА НЕДЕЙСТВУЮЩИМ ЯВЛЯЕТСЯ
НЕ СОВОКУПНОСТЬ ФОРМАЛЬНЫХ
КРИТЕРИЕВ, А ФАКТИЧЕСКОЕ
ПРЕКРАЩЕНИЕ ИМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

¹ См.: п. 24 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021).

² В то же время само по себе установление формальных критериев признания юридического лица недействующим является оправданным и правомерным. См.: Постановление КС РФ от 06.12.2011 № 26-П.

ко обозначил Конституционный Суд РФ, сформулировав правовую позицию в части толкования п. 1–4 ст. 21.1 и п. 7 ст. 22 ФЗ «О госрегистрации»³.

При наличии достаточных оснований для квалификации юридического лица в качестве недействующего регистрирующий орган принимает решение о его предстоящем исключении из ЕГРЮЛ (абз. 1 п. 2 ст. 21.1 ФЗ «О госрегистрации»). Данное решение не принимается при наличии у регистрирующего органа сведений о возбуждении производства по делу о банкротстве юридического лица, о проводимых в отношении юридического лица процедурах, применяемых в деле о банкротстве (абз. 2 п. 2 ст. 21.1 ФЗ «О госрегистрации»)⁴.

Исключению из ЕГРЮЛ не препятствует даже наличие у юридического лица долгов перед бюджетом, при условии отсутствия реальной возможности их погашения в рамках процедуры банкротства (п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2006 № 67 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о банкротстве отсутствующих должников и прекращении недействующих юридических лиц»).

Процедура исключения недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ в самом общем виде предусмотрена в ст. 21.1, 22 ФЗ «О госрегистрации». Исключение из ЕГРЮЛ недействующей организации в силу п. 2 ст. 64.2 ГК РФ влечет правовые последствия, предусмотренные законодательством применительно к ликвидированным юридическим лицам. Это прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства прав и обязанностей к другим лицам (п. 1 ст. 61 ГК РФ). Таким образом, с момента внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ юридическое лицо утрачивает правоспособность (абз. 1 п. 3 ст. 49 ГК РФ).

К обязательственным отношениям, в которых участвовало такое юридическое лицо, подлежит применению ст. 419 ГК РФ (абз. 2 п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»). То есть указанные отношения прекращаются, если специальные последствия не установлены законом. Например, в случае ликвидации юридического лица, признанного в установленном порядке ответственным за вред, причиненный жизни или здоровью, соответствующие платежи должны быть капитализированы для выплаты их потерпевшему по правилам, установленным законом или иными правовыми актами (п. 2 ст. 1093 ГК РФ)⁵.

Кроме того, исключение должника-организации из ЕГРЮЛ согласно п. 7 ч. 2 ст. 43 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» влечет за собой прекращение исполнительного производства (п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»).

³ Постановление КС РФ от 02.12.2021 № 51-П.

⁴ Этот абзац появился благодаря Постановлению Конституционного Суда РФ от 18.05.2015 № 10-П.

⁵ См.: п. 2 ст. 23 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»; Постановление Правительства РФ от 17.11.2000 № 863 «Об утверждении Порядка внесения в Фонд социального страхования Российской Федерации капитализированных платежей при ликвидации юридических лиц — страхователей по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Вместе с тем исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ не препятствует привлечению к ответственности лиц, указанных в ст. 53.1 ГК РФ (п. 3 ст. 64.2 ГК РФ). Среди них особое место занимает единоличный исполнительный орган юридического лица, который в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочен выступать от его имени (далее — директор) (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Директор обязан возместить убытки, причиненные по его вине. Меры гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков применяются к директору, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей он действовал недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску (п. 1 ст. 53.1 ГК РФ).

Изложенный подход был весьма своеобразно конкретизирован законодателем применительно к обществам с ограниченной ответственностью. Так, если в п. 2 ст. 64.2 ГК РФ акцент сделан на прекращении обязательств в виде итога исключения из ЕГРЮЛ недействующего юридического лица, то в п. 3.1 п. 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — ФЗ «Об ООО») говорится, что данное исключение влечет последствия, предусмотренные ГК РФ для отказа основного должника от исполнения обязательства. В свою очередь, если неисполнение обязательств общества обусловлено тем, что директор действовал недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на него может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества. Таким образом, в данном случае мы видим закрепление на уровне закона некоего подобия концепции снятия корпоративного покрова с той важной особенностью, что срывать покров уже не с кого в связи с прекращением самого юридического лица.

Воспроизведенная норма ФЗ «Об ООО» не может не вызывать вопросов. Во-первых, она не вполне согласуется с нормой п. 2 ст. 64.2 ГК РФ, говорящей о последствиях ликвидации, заключающихся в том числе в прекращении обязательств (ст. 419 ГК). Во-вторых, неясен акцент, сделанный в п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» на отказе от исполнения обществом с ограниченной ответственностью своих обязательств перед кредиторами. Оценка отказа от исполнения обязательства через призму правовых последствий важна тогда, когда обязательство еще не прекратилось. В случае исключения недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ, о чем уже говорилось, его обязательства, напротив, прекращаются. Для создания правовых предпосылок привлечения директора к субсидиарной ответственности новелла п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» не имеет определяющего значения, поскольку директор отвечает не за ликвидированное общество, а за свои собственные противоправные действия (бездействие), совершенные с нарушением принципов разумности и добросовестности.

Сама по себе возможность привлечения контролирующих юридическое лицо субъектов, в том числе и директора, к ответственности после ликвидации организации нередко подвергается критике со стороны цивилистов⁶. Мне эта возможность, на-

⁶ См., напр.: Гутников О.В. Ответственность контролирующих лиц по обязательствам ликвидированного юридического лица: pro et contra // Цивилисты о юридических лицах: сб. науч.-практ. публикаций. М., 2022. С. 153–178.

против, представляется важной при построении системы гарантий соблюдения прав и интересов кредиторов юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ в административном порядке⁷, хотя такие кредиторы зачастую ошибочно полагают, что п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» создает прямые предпосылки для уклонения контролировавших организацию лиц от ответственности. В связи с этим положения п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» неоднократно проверялись Конституционным Судом РФ на предмет их соответствия Конституции России⁸.

Политико-правовые основания привлечения директора к ответственности здесь понятны. Директор при осуществлении им прав и обязанностей должен действовать в интересах общества с ограниченной ответственностью добросовестно и разумно (п. 1 ст. 44 ФЗ «Об ООО»). Надлежащее проведение ликвидации общества заключается в осуществлении протяженных во времени, многоэтапных процедур, направленных в том числе на обеспечение интересов его кредиторов. В случае недостаточности имущества общества для удовлетворения всех требований кредиторов его ликвидация может осуществляться только в порядке, предусмотренном законодательством о несостоятельности (банкротстве) (п. 6 ст. 61, абз. 2 п. 4 ст. 62, п. 3 ст. 63 ГК РФ). При этом на руководителя общества законом возложена обязанность по обращению в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом (п. 1 ст. 9 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Однако исключение недействующего общества из ЕГРЮЛ является вынужденной мерой, приводящей к утрате его правоспособности, минуя необходимые для защиты законных интересов кредиторов общества ликвидационные процедуры. Распространенность случаев уклонения от ликвидации обществ с ограниченной ответственностью с имеющимися долгами и последующим исключением указанных обществ из ЕГРЮЛ в административном порядке побудила федерального законодателя в п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» предусмотреть компенсирующий негативные последствия прекращения общества без предваряющих его ликвидационных процедур правовой механизм, выражающийся в возможности кредиторов привлечь контролировавших общество лиц к субсидиарной ответственности, если их недобросовестными или неразумными действиями было обусловлено неисполнение обязательств общества» (п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П).

Что касается правовой природы ответственности директора, то она квалифицируется судами в качестве деликтной⁹. Очевидно, тот факт, что директор отвечает дополнительно, в субсидиарном порядке, не может поставить под сомнение данную квалифи-

⁷ Об административном порядке принудительной ликвидации юридических лиц и его соотношении с судебным порядком более подробно см.: *Габов А.В.* Принудительное прекращение юридического лица в российском законодательстве // Вестник гражданского права. 2010. № 3. С. 33–106.

⁸ См., напр.: Определения КС РФ от 26.03.2020 № 630-О, от 28.09.2021 № 1746-О, от 28.09.2021 № 1900-О, от 28.09.2021 № 1940-О, от 26.10.2021 № 2231-О, от 31.03.2022 № 695-О, от 28.06.2022 № 1590-О.

⁹ В юридической литературе такой подход был поставлен под сомнение (см., напр.: *Ломакин Д.В., Гентовт О.И.* Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // *Хозяйство и право.* 2016. № 1. С. 12–39). Действительно, между директором и обществом существует регулятивное относительное правоотношение, в рамках которого директор наделяется соответствующими правами и обязанностями. Гражданско-правовая ответственность директора наступает именно за неисполнение этих обязанностей, а не в связи с умалением абсолютных прав путем нарушения общеправовых запретов, что характерно для деликта. Вместе с тем если исходить из элементарной дихотомии «договорная ответственность — деликтная ответственность», то квалификация ответственности контролирующих лиц в качестве деликтной выглядит предпочтительнее, чем определение ее в качестве договорной. Впрочем, увь, такое примитивное деление ответственности существует не только у нас, за что и подвергается справедливой критике со стороны маститых правоведов (см., напр.: *Коциоль Х.* Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право — пример для Европы? // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 227–288).

кацию. Указанной позиции придерживаются как Конституционный, так и Верховный суды РФ¹⁰. Субсидиарная ответственность в силу положений ст. 399 ГК РФ характеризует то, каким именно образом отвечают субъекты в случае множественности обязанных лиц¹¹. Сама же ответственность при этом может быть как договорной (п. 1 ст. 363 ГК РФ), так и деликтной (п. 2 ст. 1074 ГК РФ).

Функция деликтной ответственности директора, меры которой применяются в субсидиарном порядке, заключается в защите нарушенных прав кредиторов общества. Возложение на директора деликтной ответственности возможно лишь при наличии всех элементов состава гражданского правонарушения: противоправное поведение, вред, причинная связь между ними и вина директора¹². Он отвечает перед кредиторами общества, как уже отмечалось, не за неисполнение последним обязательств, а за свои собственные действия, в результате совершения (не-совершения) которых такое исполнение оказалось невозможным.

ФУНКЦИЯ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДИРЕКТОРА, МЕРЫ КОТОРОЙ ПРИМЕНЯЮТСЯ В СУБСИДАРИАМ ПОРЯДКЕ, ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ЗАЩИТЕ НАРУШЕННЫХ ПРАВ КРЕДИТОРОВ ОБЩЕСТВА

Отсюда и вывод о том, что само по себе исключение общества с ограниченной ответственностью из ЕГРЮЛ не является достаточным основанием для привлечения директора к ответственности в порядке, предусмотренном п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО». Судебная практика здесь последовательна и непротиворечива¹³. Директор привлекается к субсидиарной ответственности лишь в том случае, если невозможность удовлетворения требований кредиторов возникла по его вине в результате совершения им неразумных или недобросовестных действий¹⁴. Иными словами, общество фактически должно быть доведено до банкротства. Однако при возложении мер субсидиарной ответственности на директора исключенного из ЕГРЮЛ общества с ограниченной ответственностью нормы законодательства о банкротстве, а именно ст. 61.11–61.13 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», применению не подлежат¹⁵. В то же время отсутствие обращения директора в арбитражный суд с заявлением о признании общества с ограниченной ответственностью банкротом само по себе не может являться основанием для привлечения его к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве¹⁶.

Вместе с тем уклонение директора от совершения предусмотренных законом ликвидационных процедур, служащих гарантией соблюдения прав и интересов креди-

¹⁰ См., напр.: абз. 4 п. 3 Постановления КС РФ от 21.05.2021 № 20-П; п. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020).

¹¹ Такое понимание субсидиарной ответственности закрепляется и в учебной литературе. См., напр.: Российское гражданское право: учеб. в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2010. С. 449.

¹² Определение СКГД ВС РФ от 20.07.2021 № 1-КГ21-4-КЗ, 2-2965/2019.

¹³ Определения СКЭС ВС РФ от 30.01.2020 № 306-ЭС19-18285 по делу № А65-27181/2018, от 28.10.2021 № 305-ЭС21-7837 по делу № А40-40380/2020; ВС РФ от 29.06.2020 № 118-ПЭК20 по делу № А65-27181/2018, от 09.08.2021 № 309-ЭС21-12377 по делу № А60-31740/2020; СКГД ВС РФ от 22.12.2020 № 66-КГ20-10-К8, от 16.02.2021 № 12-КГ20-9-К6, 2-3044/2019.

¹⁴ Определение СКЭС ВС РФ от 25.08.2020 № 307-ЭС20-180 по делу № А21-15124/2018.

¹⁵ Определение СКЭС ВС РФ от 25.08.2020 № 307-ЭС20-180 по делу № А21-15124/2018.

¹⁶ Определение ВС РФ от 12.01.2022 № 302-ЭС21-26021 по делу № А33-24538/2020.

торов общества с ограниченной ответственностью, может свидетельствовать о его стремлении избежать исполнения обществом своих обязательств перед кредиторами. Изложенная позиция четко прослеживается в актах Конституционного и Верховного судов¹⁷.

Как правило, кредиторам-истцам не удается доказать наличие причинно-следственной связи между действиями директора — причиной и неспособностью общества удовлетворить их требования в полном объеме — следствием, что служит основанием для отказа в удовлетворении иска¹⁸. Нередко в действиях директора отсутствует вина¹⁹. В значительном количестве судебных актов содержится констатация того факта, что истцы не доказали наличие всей совокупности условий возложения на директора субсидиарной ответственности. То есть суды не акцентируют внимание на отдельных элементах состава соответствующего гражданского правонарушения²⁰.

Доказывание наличия в действиях директора недобросовестности или неразумности, как справедливо разъяснил Конституционный Суд РФ, объективно затруднено, поскольку кредитор, как правило, лишен доступа к документам, содержащим сведения о хозяйственной деятельности общества. В связи с этим, если истец представил доказательства наличия у него убытков, вызванных неисполнением обществом обязательств перед ним, а также доказательства исключения общества из ЕГРЮЛ,

ДОКАЗЫВАНИЕ НАЛИЧИЯ В ДЕЙСТВИЯХ ДИРЕКТОРА НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ ИЛИ НЕРАЗУМНОСТИ, КАК СПРАВЕДЛИВО РАЗЪЯСНИЛ КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ, ОБЪЕКТИВНО ЗАТРУДНЕНО

директор может представить доказательства правомерности своего поведения. В случае непредоставления ответчиком суду соответствующей документации бремя доказывания правомерности его действий и отсутствия причинно-следственной связи между ними и невозможностью исполнения обязательств перед кредиторами возлагается судом на ответчика²¹.

В данном случае нельзя не усмотреть связь с правовой позицией, сформулированной еще Высшим Арбитражным Судом РФ при решении вопроса о привлечении директоров к ответственности за убытки, причиненные ими хозяйственному обществу²². Кроме того, если истцом является физическое лицо, обязательство перед которым возникло не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности, и его исковые требования удовлетворены судом, то следует исходить из презумпции, что именно бездействие директора привело к невозможности исполнения обязательств перед истцом — кредитором общества. Данная презумпция может быть опровергнута ссылками на фактические обстоятельства дела²³.

¹⁷ Определения КС РФ от 13.03.2018 № 580-О, от 13.03.2018 № 581-О, от 13.03.2018 № 582-О, от 29.09.2020 № 2128-О; СКГД ВС РФ от 31.05.2022 № 44-КГ22-2-К7, 2-4469/2020.

¹⁸ Определения ВС РФ от 03.12.2021 № 303-ЭС21-22237 по делу № А73-12150/2020, от 27.07.2022 № 307-ЭС22-11944 по делу № А56-47063/2021, от 19.09.2022 № 305-ЭС22-13762 по делу № А40-237478/2021.

¹⁹ Определение ВС РФ от 26.08.2021 № 306-ЭС21-13924 по делу № А65-17006/2020.

²⁰ Определения ВС РФ от 19.08.2022 № 308-ЭС22-13833 по делу № А32-38148/2021, от 31.08.2022 № 305-ЭС22-14902 по делу № А40-179468/2021, от 15.09.2022 № 305-ЭС22-16070 по делу № А40-135397/2021, от 19.09.2022 № 307-ЭС22-16501 по делу № А56-10204/2021.

²¹ См.: п. 3 Постановления КС РФ от 21.05.2021 № 20-П.

²² См.: п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

²³ См.: п. 4 Постановления КС РФ от 21.05.2021 № 20-П.

Недобросовестный характер действий директора имеет различные проявления. Как правило, его недобросовестность выражается в совершении различных операций, имеющих целью вывод активов общества с ограниченной ответственностью перед исключением юридического лица из ЕГРЮЛ²⁴. Соответственно, недоказанность факта сокрытия имущества общества от кредиторов в целях избежания обращения на него взыскания по их требованиям служит основанием для отказа в иске²⁵. О недобросовестности свидетельствует также отсутствие работы по взысканию дебиторской задолженности и реализация активов общества с ограниченной ответственностью по заниженным ценам²⁶. Нельзя признать добросовестным и длительное уклонение общества от погашения долга, несмотря на наличие достаточных для этого денежных средств²⁷. Признаки недобросовестного поведения приведенными примерами отнюдь не исчерпываются²⁸.

Споры по искам кредиторов исключенного из ЕГРЮЛ недействующего общества с ограниченной ответственностью относятся к числу корпоративных и рассматриваются арбитражными судами независимо от того, что в качестве сторон могут выступать физические лица (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»).

Известно, что при осуществлении субъективных гражданских прав и исполнении юридических обязанностей субъекты гражданского права должны действовать добросовестно и разумно. Причем законодатель устанавливает презумпцию разумного и добросовестного поведения (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Разумность при установлении и в процессе динамики договорных связей предполагает оценку деловой репутации и финансового состояния контрагента, отслеживание корпоративных действий и учет иных факторов, имеющих определяющее значение для его хозяйственной деятельности. Для этого важно периодически знакомиться с информацией о юридическом лице — контрагенте, содержащейся в ЕГРЮЛ.

РАЗУМНОСТЬ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ И В ПРОЦЕССЕ ДИНАМИКИ ДОГОВОРНЫХ СВЯЗЕЙ ПРЕДПОЛАГАЕТ ОЦЕНКУ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ И ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ КОНТРАГЕНТА, ОТСЛЕЖИВАНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ И УЧЕТ ИНЫХ ФАКТОРОВ, ИМЕЮЩИХ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Получив информацию о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ, его кредиторы, чьи права и законные интересы, очевидно, затрагиваются таким исключением, могут направить в регистрирующий орган заявление с возражением о предстоящем исключении лица из ЕГРЮЛ. В таком случае решение об ис-

²⁴ Определение ВС РФ от 27.07.2022 № 310-ЭС22-11804 по делу № А48-4916/2021.

²⁵ Определения ВС РФ от 28.06.2021 № 301-ЭС21-9211 по делу № А82-11224/2020, от 27.08.2021 № 301-ЭС21-14091 по делу № А82-3489/2020.

²⁶ Определение ВС РФ от 08.07.2022 № 303-ЭС22-6778 по делу № А73-13600/2020.

²⁷ Определения ВС РФ от 02.06.2021 № 304-ЭС21-6917 по делу № А45-2488/2020, от 06.04.2022 № 306-ЭС22-2746 по делу № А55-6779/2021.

²⁸ Более подробно см.: *Гвоздева С.* Проблемные вопросы судебной практики о прямой ответственности контролирующих лиц перед кредиторами по долгам исключенных из реестра обществ // *Цивилисты о юридических лицах.* С. 181–185.

ключении юридического лица из ЕГРЮЛ не принимается (п. 3, 4 ст. 21.1 ФЗ «О госрегистрации»). Это позволяет кредиторам участвовать в ликвидационных процедурах организации, гарантирующих более высокую степень защиты их прав и интересов по сравнению с ликвидацией юридического лица в административном порядке. Отсутствие указанного заявления позволяет исключить недействующее юридическое лицо из ЕГРЮЛ (п. 7 ст. 22 ФЗ «О госрегистрации»). Однако это не исключает возможность дальнейшего противодействия кредиторов юридического лица так называемой административной ликвидации. В силу п. 8 ст. 22 ФЗ «О госрегистрации» исключение юридического лица из ЕГРЮЛ может быть обжаловано кредиторами в течение года со дня, когда они узнали или должны были узнать о нарушении своих прав.

Можно ли считать поведение кредиторов, которые не воспользовались перечисленными выше возможностями для противодействия административному порядку ликвидации общества с ограниченной ответственностью, неразумным в целях применения п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО», и не будет ли такое поведение исключать удовлетворение их исковых требований к директору общества? Если говорить о предпринимательском обороте, то такое легкомысленное поведение назвать разумным нельзя. Вместе с тем суды не считают, что само по себе данное поведение кредиторов исключает возможность привлечения директора общества к субсидиарной ответственности²⁹.

Как это ни странно, но значительное количество споров возникает в связи с применением во времени положений п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО». После вступления в силу соответствующей нормы появилось разъяснение налоговых органов о порядке ее применения. В п. 12.3 письма ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» утверждалось, что, поскольку изменились процессуальные механизмы привлечения к субсидиарной ответственности, а не материально-правовые основания, иски по п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» подаются в том числе в отношении неправомерных действий, совершенных до 28.07.2017, но в пределах срока исковой давности. Письмо ФНС России от 12.07.2017 № ЕД-4-18/13479@ определило порядок работы налоговых органов по исполнению п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО».

Такое вольное понимание смысла закона не нашло поддержки у арбитражных судов, которые в своих решениях строго придерживались классического правила *lex retro non agit*³⁰. Действительно, как следует из п. 1 ст. 4 Федерального закона от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусмотренные им изменения ФЗ «Об ООО» вступают в силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня официального опубликования закона.

Акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом (п. 1 ст. 4 ГК РФ). В Федеральном законе от 28.12.2016 № 488-ФЗ отсутствует прямое указание на то, что вносимые им изменения распространяются на отношения, возникшие до введения его в действие.

²⁹ Определение ВС РФ от 08.10.2021 № 304-ЭС21-18637 по делу № А03-6737/2020.

³⁰ Определение СКГД ВС РФ от 14.09.2021 № 20-КГ21-6-К5.

Однако на этом спорные вопросы не заканчиваются. Какой ключевой факт должен быть взят за основу при решении вопроса о применении п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» — факт совершения директором противоправных действий или факт исключения недействующего общества с ограниченной ответственностью из ЕГРЮЛ? Для ответа на данный вопрос следует еще раз обратиться к природе ответственности директора общества. Вновь подчеркнем, что он отвечает не за действия общества с ограниченной ответственностью, которое не исполнило обязательство перед кредиторами, а за свои собственные действия (бездействие), в результате совершения которых данное исполнение оказалось невозможным. Поэтому за основу следует брать именно момент совершения директором указанных действий.

**ДИРЕКТОР ОТВЕЧАЕТ НЕ ЗА ДЕЙСТВИЯ
ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ, КОТОРОЕ
НЕ ИСПОЛНИЛО ОБЯЗАТЕЛЬСТВО
ПЕРЕД КРЕДИТОРАМИ, А ЗА СВОИ
СОБСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ (БЕЗДЕЙСТВИЕ),
В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ КОТОРЫХ
ДАННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ОКАЗАЛОСЬ
НЕВОЗМОЖНЫМ**

Заметим, что арбитражные суды в основном придерживаются именно такого подхода к решению обозначенной проблемы. Так, в одном из дел суды исходили из того, что задолженность общества перед истцом возникла до вступления в законную силу положений п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО». Поэтому они пришли к выводу об отсутствии оснований для применения данных положений к спорным правоотношениям³¹. В другом деле суды отметили, что к спорным правоотношениям норма п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» не применяется, так как вменяемые ответчикам действия (бездействия) были совершены до введения ее в действие³². Еще один пример подобного рода: суды первой и апелляционной инстанций, руководствуясь ст. 53.1, 399 ГК РФ, пришли к выводу, что вменяемые ответчику недобросовестные или неразумные действия (бездействие), влекущие субсидиарную ответственность, имели место до даты вступления в силу п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО», в связи с чем установленные им правила к ответчику неприменимы³³.

Подводя итог изложенному, отметим, что ответственность директора недействующего общества с ограниченной ответственностью, исключенного из ЕГРЮЛ, наряду с ответственностью иных контролировавших общество лиц, служит надежной гарантией соблюдения прав и интересов его кредиторов. Вместе с тем смысловые расхождения норм п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» и п. 2, 3 ст. 64.2 ГК РФ не способствуют единообразному применению судебной практики, что оказывает негативное влияние на стабильность хозяйственного оборота.

³¹ Определение ВС РФ от 09.06.2022 № 305-ЭС22-8095 по делу № А40-66074/2021.

³² Определение ВС РФ от 20.12.2021 № 301-ЭС21-23669 по делу № А82-20238/2020.

³³ Определение ВС РФ от 17.07.2020 № 302-ЭС20-8980 по делу № А19-21342/2018.

Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики

ВКЛЮЧЕНИЕ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РФ КАТЕГОРИИ «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ СООБЩЕСТВО» ОПРЕДЕЛИЛО БУДУЩЕЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ДАННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ТАКЖЕ ПОДТВЕРЖДАЕТ СКЛАДЫВАЮЩАЯСЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА. В НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЕ ИССЛЕДУЕТСЯ ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РАССМАТРИВАЕМОЙ КАТЕГОРИИ В СВЯЗКЕ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ЕЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В КОРПОРАТИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. ПРИВОДИТСЯ ОБЗОР ВОЗМОЖНЫХ ВАРИАНТОВ ТОЛКОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СООБЩЕСТВА, А ТАКЖЕ ЕГО СООТНОШЕНИЯ С КАТЕГОРИЯМИ «КОРПОРАЦИЯ», «ОРГАН КОРПОРАЦИИ» И «ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ» С ПРИМЕРАМИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ. ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ МЕСТО ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СООБЩЕСТВА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАЦИЕЙ. ОБОСНОВЫВАЕТСЯ МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СООБЩЕСТВА ДЛЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ.

Василий Андреевич Лаптев,
судья Арбитражного суда г. Москвы,
доктор юридических наук

Ключевые слова: общее собрание, компетенция собрания, корпорация, управление корпорацией, гражданско-правовое сообщество, группа лиц

DOI 10.46279/ASMO.2022.68.94.002

Корпоративное законодательство в России на современном этапе развивается благодаря постоянному переосмыслению правоведомы и корректировке законодателем институтов и норм корпоративного права, в частности посвященных собраниям участников, уставному капиталу, имуществу корпорации, ответственности и т.д. Данное положение дел обусловлено изменениями экономической ситуации в стране и потребностями участников общественных отношений. При этом су-

щество организационно-управленческих отношений в корпоративном хозяйствующем субъекте во все времена остается практически неизменным (см. ст. 65.1 ГК РФ).

Одним из важнейших положений в области корпоративного права стало включение в 2012 г. в ГК РФ категории «корпоративное отношение» (ст. 2) и нового основания возникновения гражданских прав и обязанностей — решения собраний (ст. 8)¹; а в 2013 г. — главы 9.1, посвященной решениям собраний, с принятием которой в законодательстве закрепились новая правовая категория — *гражданско-правовое сообщество*².

В 2015 г. Верховным Судом РФ даны разъяснения порядка применения данных положений (см. п. 103–120 Постановления Пленума от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума № 25)).

Рассматриваемые нормы права активно исследуются отечественными правоведами, приводятся убедительные аргументы в пользу необходимости их дальнейшего совершенствования, что также учитывается в законотворческой деятельности.

В настоящем исследовании предлагается дать правовую оценку целям и последствиям включения в российское законодательство категории «гражданско-правовое сообщество» и подвести некий промежуточный итог десятилетнего ее применения в российской судебной практике.

Несколько слов о предыстории. Пояснительная записка к законопроекту № 47538-6³ содержит обоснование внесения рассматриваемых поправок в ГК РФ: закрепление реально существующих корпоративных отношений (наряду с вещными и обязательственными), а также решений собраний, принимаемых гражданско-правовыми сообществами и порождающих в силу закона юридические последствия. При внесении законопроекта под такими *сообществами* предлагалось понимать коллегиальные органы юридического лица, собрания кредиторов при банкротстве, собственников общего имущества в многоквартирном доме, участников общей долевой собственности на земельные паи и общие собрания членов потребительских кооперативов. Рассматриваемые положения заимствовались из ГК Нидерландов.

Полагаем необходимым обратить внимание на то, что мы будем исследовать лишь те решения собраний, на основе которых *в предусмотренных законом случаях* возникают гражданские права и обязанности. Законодатель не случайно указал в п. 1 ст. 8 ГК РФ, что юридически значимые последствия порождают лишь упомянутые в законе решения, по сути являющиеся юридическими фактами⁴.

¹ Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

³ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 15.10.2022).

⁴ См., напр.: Филиппова С.Ю. Юридические факты в гражданском праве. Ч. 1. Правомерные юридические действия: гражданско-правовые проблемы квалификации. М., 2020.

Применительно к рассматриваемой проблематике для понимания роли гражданско-правового сообщества в системе управления корпорацией предлагается исследовать следующие вопросы:

- 1) является ли гражданско-правовое сообщество корпорацией?
- 2) признается ли гражданско-правовое сообщество общим собранием?
- 3) можно ли отождествить гражданско-правовое сообщество с органом корпорации?
- 4) может ли гражданско-правовое сообщество существовать в отрыве от корпорации?

Понятие «гражданско-правовое сообщество» является многозначным, о чем свидетельствует юридическая доктрина⁵. Предлагаемые правовые подходы нередко ставятся в зависимость от позиции авторов относительно категорий «субъект права» и «юридическое лицо», применимого законодательства (российского или зарубежного) и потребности интегрирования в российское корпоративное право норм зарубежных правопорядков, мнения о компетенции органов корпорации, складывающейся судебной практики (например, в банкротных и корпоративных составах) и иных факторов.

Рассуждения по данным вопросам являются существенными для определения места и роли гражданско-правового сообщества в системе управления корпорацией. При этом мы можем наблюдать использование соответствующих правовых фикций и юридических приемов, позволяющих достигнуть главную цель законодательства — эффективно регулировать общественные, в частности корпоративные, отношения.

1. В целях раскрытия понятия гражданско-правового сообщества предлагается оценить возможность признания его субъектом права, но не только по нормам ГК РФ, а намного шире, — участником общественных отношений (корпоративных отношений).

Рассматриваемый термин упоминается лишь в одной главе 9.1 ГК РФ, посвященной решениям собраний. Гражданско-правовое сообщество не указывается в положениях подраздела 2 ГК РФ, посвященного лицам, т.е. участникам складывающихся гражданских отношений. Следует сразу сделать оговорку о том, что корпоративные отношения включают в себя управленческие, публично-правовые и иные аспекты, не свойственные традиционным гражданским отношениям (основанным на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников).

В судебной практике разъяснения категории гражданско-правового сообщества указывают на ее широкое значение, охватывающее не только собрания участников и совета директоров юридического лица, но иные *сообщества лиц* — собрание кре-

⁵ См.: Андреев В.К. Решения собраний // *Цивилист*. 2013. № 3. С. 63–72; Филиппова С.Ю. Гражданско-правовое сообщество: понятие, структура, виды, динамика правовой связи (опыт инструментального исследования) // *Правоведение*. 2014. № 6. С. 128–142; Кущенко А.А. Анализ подходов к пониманию корпорации в современном отечественном праве // *Юрист*. 2018. № 12. С. 52–58; Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // *Журнал российского права*. 2021. № 10. С. 61–71; Поваров Ю.С. Протокол и иные способы подтверждения проведения заседания и (или) результатов голосования участников гражданско-правового сообщества // *Нотариус*. 2021. № 7. С. 7–11.

дителей, комитет кредиторов, сособственники помещений в многоквартирном доме и т.д. При этом перечисленные сообщества обладают легальной компетенцией, в противном случае законодатель бы не признавал их решения юридическими фактами в ст. 8 ГК РФ.

Изложенное позволяет сделать два предположения. В случаях, когда зарегистрировано юридическое лицо, мы можем полагать, что гражданско-правовое сообщество является данной корпоративной организацией; при отсутствии же такового оно является общностью лиц.

В юридической доктрине выделяют признаки гражданско-правового сообщества: объединение лиц, общность интересов его членов, устойчивая правовая связь между его членами, организационное единство и наличие компетенции⁶.

**В СЛУЧАЯХ, КОГДА ЗАРЕГИСТРИРОВАНО
ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО, МЫ МОЖЕМ
ПОЛАГАТЬ, ЧТО ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ
СООБЩЕСТВО ЯВЛЯЕТСЯ ДАННОЙ
КОРПОРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ;
ПРИ ОТСУТСТВИИ ЖЕ ТАКОВОГО ОНО
ЯВЛЯЕТСЯ ОБЩНОСТЬЮ ЛИЦ**

Соответственно, допускается признание гражданско-правового сообщества корпорацией, в частности с правами юридического лица, а не ее органом (ст. 53 и 65.3 ГК РФ). В пользу данного подхода свидетельствует положение п. 118 Постановления Пленума № 25, в силу которого если гражданско-правовое сообщество представляет собой юридическое лицо, то оно (корпорация) является ответчиком по иску о признании решения недействительным. Известно, что по общему правилу ответчиком выступает то лицо, к которому заявлено материально-правовое требование истца (п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»).

Определение корпорации в качестве ответчика продиктовано и тем, что правоспособность юридического лица реализуется через его органы, следовательно, решения органов корпоративной организации по организационно-управленческим вопросам принимаются самой корпорацией. То есть материально-правовое требование заявляется фактически не гражданско-правовому сообществу, а к корпорации.

Видится необходимым разделять управление делами (например, в хозяйственных обществах) и управление корпорацией: последнее реализуется, в частности, участниками хозяйственных товариществ. Иначе говоря, члены корпорации (гражданско-правовое сообщество), образуя корпорацию, действуют в ее интересах (ст. 71 ГК РФ). Вместе с тем управленческая сущность и юридическое значение решений любых общих собраний (хозяйственных товариществ и обществ, хозяйственных партнерств) одинаковы. При обжаловании участниками (акционерами) решений общих собраний хозяйственных обществ заявители — участники гражданско-правового сообщества — выступают самостоятельными процессуальными истцами по делу (ст. 65.2 ГК РФ), остальные участники могут выступать в качестве третьих лиц по делу.

⁶ См.: *Лаптев В.А.* Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М., 2019. С. 86–89; *Он же.* К вопросу о понятии «корпорация» в российском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. С. 23–26.

ВИДИТСЯ ВОЗМОЖНЫМ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СООБЩЕСТВА С КОРПОРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ, ОБЛАДАЮЩЕЙ ПРАВАМИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

общество рассматривается как *общность лиц*, объединенная общими целями и обладающая установленной законом компетенцией. Примерами выступает собрание кредиторов, решения которого среди прочего могут обжаловаться в арбитражном суде в деле о банкротстве (п. 4 ст. 15 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Заявителями в таких делах выступают лица, участвующие в деле о банкротстве, лица, участвующие в арбитражном процессе по делу о банкротстве, или третьи лица. Ответчика по данному заявлению нет, а данные вопросы рассматриваются исключительно в рамках дела о банкротстве должника. В судебной практике выработался подход об обязательном привлечении и извещении определенных участников дела о банкротстве, например арбитражного управляющего или всех членов комитета кредиторов в соответствующих случаях (п. 14 и 15 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»). Госпошлина по данной категории заявлений не уплачивается.

Похожая ситуация наблюдается при обжаловании решения гражданско-правовых сообществ собственников недвижимого имущества. В данных корпоративных спорах, рассматриваемых в порядке искового производства, должен указываться ответчик (ст. 125 АПК РФ, ст. 131 ГПК РФ),

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СООБЩЕСТВА ОБРАЗУЮТ «ФАКТИЧЕСКУЮ КОРПОРАЦИЮ» КАК ОБЩНОСТЬ ЛИЦ БЕЗ ПРАВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

юридического лица. Это подтверждает, что конструкция юридического лица не всегда необходима для реализации гражданских прав и обязанностей. Субъекты права (члены сообщества) создают новое субъектное образование, обладающее корпоративной сущностью и наделенное управленческой компетенцией.

2. Рассмотрение гражданско-правового сообщества исключительно в качестве общего собрания также будет возможным в следующем контексте. Известно, что общие собрания (ст. 181.1 ГК РФ), решения которых в силу закона порождают юридические последствия, могут быть представлены в любом качественном и количественном состоянии.

Таким образом, видится возможным отождествление гражданско-правового сообщества с корпоративной организацией, обладающей правами юридического лица.

В случае, когда юридическое лицо отсутствует, гражданско-правовое со-

ответчика (например, управляющую компанию или отдельных членов гражданско-правового сообщества)⁷.

Получается, что существующие гражданско-правовые сообщества образуют «фактическую корпорацию» как общность лиц без прав

⁷ См., напр.: Определения ВС РФ от 13.11.2017 № 308-ЭС17-17250 по делу № А63-7460/2015; от 31.05.2018 № 302-ЭС18-6153 по делу № А58-5964/2015; от 24.03.2017 № 307-ЭС17-1184 по делу № А56-74814/2015.

Важно учитывать, что корпоративным законодательством допускаются очная и заочная формы общего собрания (голосования), в том числе с использованием технических средств дистанционного участия и голосования. В судебной практике обращается внимание и на возможность применения третьей, смешанной (очно-заочной) формы голосования (п. 105 Постановления Пленума № 25). Вместе с тем в реальности смешанная форма редко используется.

Не погружаясь в длительные, хоть и небеспочвенные, научные дискуссии относительно возможности признания заочного голосования (опросным путем) в качестве «общего собрания», которого (собрания) фактически нет как такового, отметим, что эта проблема, как и другие юридические конструкции корпоративного права, будет исследоваться отдельно. Впрочем, в контексте рассматриваемой проблематики мы должны разделять термины «собрание» и «голосование», раскрывающиеся как процедура и волеизъявление соответственно.

Накладывают свой отпечаток на законодательство и потребности времени. В частности, с 1 марта 2022 г. и до конца года могут проходить в заочной форме общие собрания в акционерных обществах по вопросу утверждения членом совета директоров, ревизионной комиссии и аудитора, утверждения годовых отчетов и бухгалтерской отчетности; а в обществах с ограниченной ответственностью — по вопросу утверждения годовых отчетов и годовых бухгалтерских балансов (ст. 2 Федерального закона от 25.02.2022 № 25-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об акционерных обществах“ и о приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»). Видится, что данная мера временна и вызвана распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Развитие информационных технологий размывало четкие юридические грани между очным общим собранием с дистанционным участием членом гражданско-правового сообщества (онлайн-собрание) и заочным голосованием, проводимым посредством отправки сведения о голосовании дистанционным путем.

В качестве наглядной аналогии: процессуальное законодательство содержит требования, предъявляемые к данным сообществам (общим собраниям), в том числе: единство общности, однородность прав и законных интересов, а также схожесть фактических обстоятельств. Данными критериями определяются групповые иски (иски в защиту группы лиц) по главе 22.3 ГПК РФ или главе 28.2 АПК РФ.

Двадцать лет тому назад Конституционным Судом РФ анализировалась природа общих собраний на примере собрания (объединения) кредиторов в банкротном деле⁸, т.е. гражданско-правовых сообществ, не образующих юридического лица. Впервые было указано на то, что гражданско-правовое сообщество обладает не только правовой, но и экономической природой объединения. Большинство членом собрания кредиторов (голосуя своими долями) определяют мнение меньшинства, и такое подчинение не является нарушением принципа равенства прав, а имущественные интересы членом собрания кредиторов непосредственно связаны с размером голоса каждого из них.

⁸ КС РФ от 22.07.2002 № 14-П.

Применительно к решениям собраний и комитетов кредиторов при банкротстве должника следует учитывать особое правовое регулирование. Так, Верховный Суд РФ периодически обращает внимание на то, что к данным решениям не применяются положения об общих собраниях по главе 9.1 ГК и должны применяться нормы ст. 12, 13, 15, 17 и 18 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), даже несмотря на то, что указанные решения порождают юридические последствия в силу подп. 1.1 п. 1 ст. 8 ГК РФ (см. преамбулу Обзора судебной практики по вопросам, связанным с признанием недействительными решений собраний и комитетов кредиторов в процедурах банкротства⁹)¹⁰.

Можно также говорить о наличии компетенции гражданско-правового сообщества как органа корпорации (общего собрания учредителей), даже до ее регистрации в качестве юридического лица, на что указывал В.К. Андреев¹¹. Так, еще до создания хозяйственного общества, ее учредители — объединение лиц образуют орган корпорации, обладающий полномочиями по управлению его деятельностью, в том числе будущей.

При учреждении хозяйственного партнерства принимается соответствующее решение, утверждается его устав, а также подписывается и нотариально удостоверяется соглашение об управлении партнерством (ст. 6 и 9 Федерального закона от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах»). То есть в период с момента принятия общим собранием решения об образовании корпорации и до регистрации партнерства в налоговом органе реально существующее объединение лиц наделено законом компетенцией по принятию юридических решений.

Другим наглядным примером служит общее собрание владельцев инвестиционного пая закрытого паевого инвестиционного фонда, созываемое управляющей компанией (доверительным управляющим) и обладающее компетенцией по утверждению изменений и дополнений в правила доверительного управления ЗПИФа; передаче прав и обязанностей по договору доверительного управления закрытым паевым инвестиционным фондом другой управляющей компании; досрочного прекращения или продления срока действия договора доверительного управления этим паевым инвестиционным фондом (ст. 18 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных

фондах»). Рассматриваемое общее собрание действует в отрыве от образованного гражданско-правовым сообществом корпоративного (доверительного) имущественного траста.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ СООБЩЕСТВО ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕГДА ЯВЛЯЕТСЯ ОБЩИМ СОБРАНИЕМ (ЛИЦ), КОТОРОЕ В РЯДЕ СЛУЧАЕВ МОЖЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ТАКОВОЕ ДАЖЕ В ОТРЫВЕ ОТ ОБРАЗУЕМОЙ ИМ (ЛИЦАМИ) КОРПОРАЦИИ (В ФОРМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ИЛИ ИМУЩЕСТВЕННОГО ТРАСТА)

Таким образом, гражданско-правовое сообщество практически всегда является общим собранием (лиц), которое в ряде случаев может рассматриваться как таковое даже в отрыве от об-

⁹ Утвержден Президиумом ВС РФ 26.12.2018.

¹⁰ См., напр.: *Шестакова М.* Как оспаривать решения собраний и комитетов кредиторов в банкротстве: обзор практики Верховного Суда // *ЭЖ-Юрист.* 2019. № 3. С. 1–2; *Шевченко И.М.* О некоторых вопросах оспаривания решений собрания кредиторов в делах о банкротстве // *Закон.* 2020. № 9. С. 66–78.

¹¹ *Андреев В.К.* Создание хозяйственного общества // *Предпринимательское право.* 2017. № 4. С. 9–15.

разуемой им (лицами) корпорации (в форме юридического лица или имущественного траста).

3. Гражданско-правовое сообщество небеспохвенно отождествляют с органом корпорации. Основой такого тезиса служат положения ст. 181.1 ГК РФ и п. 118 Постановления Пленума № 25. Вместе с тем различные доктрины содержат собственные подходы.

В традиционных подходах цивилистической науки для признания гражданско-правового сообщества органом корпорации необходимы два условия. Во-первых, корпорация должна быть зарегистрирована в качестве юридического лица; во-вторых, требуется локальный нормативный акт, определяющий компетенцию органа такого юридического лица (ст. 51 и 53 ГК РФ).

В доктрине хозяйственного (ныне именуемого предпринимательским) права указанные обстоятельства не являются ключевыми. При определении правовой организации корпоративной системы требуется определить управленческую функцию (хозяйственную компетенцию) и экономико-правовое влияние ее органов на производственные-хозяйственные циклы (бизнес-процессы)¹². Иными словами, изучается характер полномочий и принимаемых гражданско-правовыми сообществами решений в сфере управления делами и управления деятельностью корпорации. Нормы права в данном случае будут иметь исключительно регуляторное значение и вовсе не свидетельствуют о какой-либо однозначной сущности рассматриваемых гражданско-правовых сообществ.

Следует различать орган юридического лица и орган корпорации: последний значительно шире, поскольку корпорацией признаются юридическое лицо, предпринимательское объединение и корпоративный траст (фонд).

Мы остановимся на органе корпоративных организаций с правами юридического лица, в частности хозяйственных обществ, товариществ и партнерств.

Рассмотрение органа как действующего «от имени» корпорации в силу ст. 182 ГК РФ¹³ было вполне логично исключено из ст. 53 ГК РФ, поскольку органы корпорации являются ее составной частью¹⁴. Вместе с тем отголоски ушедшего в историю подхода до сих пор содержатся в судебной практике (например, п. 121 Постановления Пленума № 25).

Применительно к рассматриваемой проблематике можно отметить, что гражданско-правовое сообщество в виде общего собрания или совета ди-

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ СООБЩЕСТВО
В ВИДЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ИЛИ
СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ ОБРАЗУЕТ ОРГАН
КОРПОРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И МОЖЕТ
БЫТЬ ОТОЖДЕСТВЛЕН С ПОСЛЕДНЕЙ**

¹² Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М., 2010.

¹³ См.: Андреев В.К. О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. № 3. С. 4–10; Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 51–117; Филипенко Н.В. Органы, работники и представители юридического лица // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 3. С. 92–108.

¹⁴ Долинская В.В. Органы юридического лица: проблемы доктрины и современного законодательства (на примере акционерного общества) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 64–71.

ректоров образует орган корпоративной организации и может быть отождествлен с последней. При этом тот факт, что сообщество представлено, как правило, несколькими членами, не меняет данное предположение, поскольку вне зависимости от того, участвовали ли в нем все члены сообщества или нет, при наличии необходимого кворума для принятия управленческих решений орган реализует свою хозяйственную компетенцию. Исключение составляют лишь случаи, когда в силу локальных актов требуется единогласное решение всех членов органа управления (общего собрания либо совета директоров).

Такой подход подтверждается и тем, что при обжаловании решений коллегиальных органов корпорации ответчиком является само юридическое лицо.

Сложнее обстоит дело с признанием гражданско-правового сообщества органом предпринимательского объединения. Действительно, в холдинге или корпоративном трасте, например в форме паевого инвестиционного фонда, между членами сообщества (материнское и дочерние общества; учредители доверительного управления) не всегда имеется жесткая юридическая связь, поскольку каждый член сообщества обладает множеством индивидуальных правомочий и автономий (в том числе волей на совершение иных сделок и действий, не связанных с сообществом), а основу их объединения составляют прежде всего экономические цели деятельности корпорации. Вместе с тем определяющей неизменно остается *хозяйственная компетенция* гражданско-правового сообщества как волеобразующего и волеконтролирующего органа соответственно (в зависимости от вида коллегиального органа).

В банкротных процедурах гражданско-правовое сообщество, образующее общее собрание кредиторов¹⁵ или комитет кредиторов¹⁶, обладает соответствующей компетенцией по отношению к должнику (ст. 12 и 17 Закона о банкротстве). В частности, общее собрание кредиторов принимает решения о введении финансового оздоровления, внешнего управления и об изменении срока их проведения, о выборе арбитражного управляющего или саморегулируемой организации, из членов которой арбитражным судом утверждается арбитражный управляющий, о заключении мирового соглашения и т.д.; комитет кредиторов вправе обжаловать в арбитражный суд действия арбитражного управляющего, принимать решения о созыве собрания кредиторов, принимать решения об обращении к собранию кредиторов с рекомендацией об отстранении арбитражного управляющего от исполнения его обязанностей и т.д.

Приведенные примеры свидетельствуют о компетенции общего собрания и комитета кредиторов в отношении юридической судьбы должника. Следовательно, независимо от организационно-правовой формы должника (корпоративная либо унитарная организация, индивидуальный предприниматель) «корпоративный» ха-

¹⁵ Собрание конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, требования которых включены в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов. В собрании кредиторов вправе участвовать без права голоса представитель работников должника, представитель учредителей (участников) должника, представитель собственника имущества должника — унитарного предприятия, представитель саморегулируемой организации, членом которой является арбитражный управляющий, утвержденный в деле о банкротстве, представитель органа по контролю (надзору), которые вправе выступать по вопросам повестки собрания кредиторов.

¹⁶ Избирается собранием кредиторов из числа физических лиц по предложению конкурсных кредиторов и уполномоченных органов на период проведения наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства.

рактически взаимоотношений содержится в самой управленческой природе деятельности гражданско-правового сообщества кредиторов.

Таким образом, гражданско-правовое сообщество можно рассматривать в качестве органа корпорации.

4. При соотношении гражданско-правового сообщества с корпорацией следует определить, что можно понимать под корпорацией. Применительно к российскому праву, с учетом реального положения дел, корпоративными участниками гражданского и торгового оборота могут признаваться корпоративные организации (с правами юридического лица), корпоративные (предпринимательские) объединения и корпоративные трасты (например, ПИФы)¹⁷. Во всех случаях хозяйствующий субъект — корпоративная система становится таковой при наличии у нее органов управления, среди которых основной волеобразующий орган представлен сообществом лиц — гражданско-правовым сообществом.

Наглядным примером служат саморегулируемые организации (ассоциации), члены общего собрания которых придают им особый статус (ст. 3 Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»). Так, отсутствие необходимого количества членов саморегулируемой организации¹⁸ влечет утрату ассоциацией своего публичного статуса. Несмотря на то, что корпоративная организационно-правовая форма сохраняется в силу признания любой ассоциации в качестве корпорации (ст. 65.1 ГК РФ), публично-правовой статус корпорации, наделенной функцией экономического регулирования деятельности членом СРО (в том числе посредством принятия правил и стандартов), ассоциация может утратить.

Аналогичным образом в ряде случаев нельзя утверждать о существовании самостоятельного объединения лиц — гражданско-правового сообщества, в отрыве от самой корпорации, без которой сообществом попросту не реализуется управленческая компетенция, имеющая адресный характер. Корпоративная (управленческая) компетенция сообщества¹⁹ лиц всегда реализуется адресно, а не абстрактно либо потенциально. В связи с этим гражданско-правовые сообщества никогда не формируются условно или по принципу «на всякий случай». Их полномочия четко определяются законом и порождают правовые последствия (ст. 8 ГК РФ), в том числе в случаях, если решения не принимаются. Существенным является установленная законом и (или) локальными актами управленческая компетенция в отношении корпорации.

**В РЯДЕ СЛУЧАЕВ НЕЛЬЗЯ УТВЕРЖДАТЬ
О СУЩЕСТВОВАНИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛИЦ – ГРАЖДАНСКО-
ПРАВОВОГО СООБЩЕСТВА, В ОТРЫВЕ
ОТ САМОЙ КОРПОРАЦИИ**

¹⁷ Подробнее о понятии корпорации см.: *Лаптев В.А.* Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография.

¹⁸ Не менее 25 субъектов предпринимательской деятельности или не менее 100 субъектов профессиональной деятельности определенного вида, если федеральными законами в отношении саморегулируемых организаций, объединяющих субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, не установлено иное.

¹⁹ *Лескова Ю.Г.* Корпоративные права и обязанности членов саморегулируемых организаций: некоторые вопросы правоприменения // *Гражданское право.* 2021. № 1. С. 22–26.

Исследование в правоведении отдельных видов объединений лиц позволило предложить различные подходы, в частности по вопросу правосубъектности группы лиц. В данном случае речь не идет о предпринимательских объединениях, обозначаемых категориями «группа лиц» (ст. 9 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»)²⁰. Используется процессуальная категория «группа лиц», в интересах которых обращаются с коллективным иском в суд, т.е. рассматриваемая как совокупность лиц — членов гражданско-правового сообщества без привязки к новому правосубъектному образованию.

В ряде работ можно встретить позицию, согласно которой гражданско-правовые сообщества рассматриваются в качестве группы лиц, формирующих общую волю и совместно реализующих правосубъектность²¹. Возможность реализации «коллективной правосубъектности» является первым шагом на пути признания гражданско-правового сообщества субъектом права в целом. По этой причине не требуется рассматривать данное сообщество исключительно как составную часть корпорации (например, хозяйственного общества) или ее управленческой пристройки.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СООБЩЕСТВА НЕ МОЖЕТ РЕАЛИЗОВЫВАТЬСЯ СЕПАРАТИВНО ЕГО ЧЛЕНАМИ

Коллективная правосубъектность гражданско-правового сообщества не может реализовываться сепаративно его членами. Даже если кто-то из членов гражданско-правового

сообщества проголосует против решения или вовсе не примет участие в собрании, устойчивая юридическая связь участников в любом случае при наличии компетенции и кворума на собрании может принять решение, порождающее последствия для всех членов сообщества (ст. 181.1 ГК РФ).

В данном случае можно вспомнить труды В.В. Лаптева, В.К. Мамутова и В.К. Андреева, раскрывающие правовую организацию хозяйственных систем²², элементы которой без колебаний заимствуются современными предпринимателями при структурировании производственно-хозяйственной модели построения бизнеса.

Выводы. В результате введения категории «гражданско-правовое сообщество» законодателем решены следующие задачи. Во-первых, разделены положения о сделках и о решениях собраний как о самостоятельных основаниях возникновения гражданских (корпоративных) прав, что поставило точку в научной дискуссии об их различной правовой природе²³. Во-вторых, устранена неопределенность в оценке правового статуса и процессуальной правоспособности членов гражданско-правового сообщества (общности лиц). Как следствие, предопределены бу-

²⁰ Андреев В.К. Группа лиц как правосубъектное образование // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 20–22.

²¹ См., напр.: Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 61–71.

²² Лаптев В.В. Правовое положение промышленных и производственных объединений. М., 1978; Он же. Правовая организация хозяйственных систем. М., 1978; Андреев В.К. Правосубъектность хозяйственных органов: сущность и реализация. М., 1986; Мамутов В.К. Предприятие и вышестоящий хозяйственный орган. М., 1969.

²³ В ряде случаев допускается использование положений об обязательствах по аналогии (ст. 307.1 ГК РФ).

дущее развитие корпоративной формы хозяйствования и компетенция гражданско-правового сообщества.

Гражданско-правовое сообщество является собирательным многогранным понятием, отражающим корпоративную сущность общности лиц и подчеркивающим управленческую компетенцию. При одинаковой природе контекстная сущность гражданско-правового сообщества может качественно меняться. Такая изменчивость ставится в зависимость от вида складывающихся правоотношений, применительно к которым можно различным образом определять ее значение.

**ПРИ ОДИНАКОВОЙ ПРИРОДЕ
КОНТЕКСТНАЯ СУЩНОСТЬ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СООБЩЕСТВА
МОЖЕТ КАЧЕСТВЕННО
МЕНЯТЬСЯ**

О судебной практике по делам об отказе акционерам в предоставлении документов и информации

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ВПРАВЕ ОТКАЗАТЬ АКЦИОНЕРАМ В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ДОКУМЕНТОВ И ИНФОРМАЦИИ ПРИ НАЛИЧИИ ХОТЯ БЫ ОДНОГО ИЗ УСЛОВИЙ, ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ В П. 8 СТ. 91 ЗАКОНА ОБ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ. В СТАТЬЕ ПРИВОДИТСЯ ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ОТКАЗОМ АКЦИОНЕРАМ В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ДОКУМЕНТОВ И ИНФОРМАЦИИ. ОБРАЩАЕТСЯ ВНИМАНИЕ НА ТО, ЧТО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЗАКОНЕ ОБ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ ПОНЯТИЙ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТ ОЦЕНОЧНЫЙ ХАРАКТЕР, СОЗДАЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ТРУДНОСТИ В ПРАКТИКЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ. В ЧАСТНОСТИ, К ТАКИМ ОЦЕНОЧНЫМ КАТЕГОРИЯМ ОТНОСЯТСЯ ПОНЯТИЕ «РАЗУМНАЯ ДЕЛОВАЯ ЦЕЛЬ», «НЕОБОСНОВАННЫЙ ИНТЕРЕС», «ЯВНОЕ НЕСООТВЕТСТВИЕ», «НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» АКЦИОНЕРА. АВТОРЫ ДЕЛАЮТ ВЫВОД О ТОМ, ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ ДЕЛОВАЯ ЦЕЛЬ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ РАЗУМНОЙ.

Ольга Александровна Макарова,
доцент кафедры коммерческого права СПбГУ,
доктор юридических наук

Владимир Федорович Попондопуло,
заведующий кафедрой коммерческого права СПбГУ,
доктор юридических наук, профессор

Ключевые слова: право акционера на информацию, разумная деловая цель, электронная версия документа, свободный доступ

Введение

Принятие акционерами обоснованных решений о деятельности корпорации невозможно без необходимой и достаточной информации для принятия таких решений. В Определении от 18.06.2004 № 263-О Конституционный Суд РФ указал, что положение абзаца первого п. 1 ст. 91 Закона об акционерных обществах¹ об обязанности акционерного общества обеспечить акционерам доступ к своим документам направлен среди прочего на обеспечение информационной открытости хозяйственной деятельности акционерного общества и возможности реализации акционерами своих прав, однако при этом необходимо учитывать, что в соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Конституционный Суд также подчеркнул, что особенностью акционерной формы предпринимательства (в частности, открытого акционерного общества) является неограниченное число акционеров, в том числе имеющих мелкие пакеты акций, что предопределяет наличие специальных мер охраны и правил доступа к сведениям, не являющимся общедоступными. Законодатель с учетом особенностей предпринимательской деятельности в форме акционерного общества, а также специфики и объема предоставляемой информации вправе установить ограничения в виде определенного порядка или условий доступа к такой информации.

Право участников коммерческой корпорации на получение информации о ее деятельности, а также право знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией реализуется ими в порядке, предусмотренном законами и учредительными документами корпорации (ст. 65.2 ГК РФ). С 30 июля 2017 г. вступил в силу Федеральный закон от 29.07.2017 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об акционерных обществах“ и статью 50 Федерального закона „Об обществах с ограниченной ответственностью“», касающийся порядка предоставления информации участникам хозяйственных обществ.

В Законе об акционерных обществах определен исчерпывающий перечень условий, при наличии хотя бы одного из которых общество вправе отказать акционеру в доступе к документам и информации (п. 8 ст. 91).

Среди оснований для отказа в предоставлении информации и документов о деятельности акционерного общества Закон называет как основания, при которых общество вправе отказать в предоставлении документов и информации вне зависимости от того, каким пакетом акций обладает акционер, так и основания, зависящие от количества акций, принадлежащих акционеру, и вида акционерного общества.

Целью настоящей статьи является анализ судебной практики по делам, связанным с отказом в предоставлении акционеру доступа к документам и информации о деятельности АО по некоторым основаниям для отказа, перечисленным в п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах, за период 2019–2022 гг.

¹ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

Наличие размещенной электронной версии запрашиваемого документа на момент предъявления акционером требования на сайте акционерного общества в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (подп. 1 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах)

Среди оснований для отказа в предоставлении информации вне зависимости от количества акций, принадлежащих акционеру, предусмотрен случай, когда электронная версия запрашиваемого документа на момент предъявления акционером требования размещена на интернет-сайте акционерного общества в свободном доступе либо раскрыта в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о ценных бумагах для раскрытия информации².

Анализ судебной практики показывает, что доказывать факт размещения запрашиваемого документа на сайте акционерного общества в свободном доступе должно само общество. Так, в постановлении от 16.06.2020 по делу № А45-30237/2019 Арбитражный суд Западно-Сибирского округа отметил, что «ответчик... не представил каких-либо доказательств в подтверждение размещения части спорных

документов в открытом доступе, не указал, какие именно документы и когда размещены на сайте общества в информационно-телекоммуникационной сети»³.

ДОКАЗЫВАТЬ ФАКТ РАЗМЕЩЕНИЯ ЗАПРАШИВАЕМОГО ДОКУМЕНТА НА САЙТЕ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА В СВОБОДНОМ ДОСТУПЕ ДОЛЖНО САМО ОБЩЕСТВО

В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 13.06.2019 по делу № 40-243415/2018, напро-

тив, было отмечено, что запрошенная истцом копия дивидендной политики общества была размещена на сайте общества в сети Интернет в виде электронной версии Положения о дивидендной политике общества, что в силу подп. 1 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах исключает обязанность по предоставлению запрашиваемого документа.

В постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 01.04.2022 по делу № А12-16443/2021 указано, что «на сайте Интерфакс — сервер раскрытия информации, который находится в свободном доступе, размещена информация о бухгалтерском балансе АО... за 2019 и 2020 годы, аудиторское заключение за 2020 год, что в силу подпункта 1 пункта 8 статьи 91 Закона [об акционерных обществах] исключает обязанность по предоставлению запрашиваемых документов».

В постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.02.2020 по делу № А56-48872/2019 отмечается, что «Общество известило акционера о том, что информация и содержание (тексты) протоколов заседания совета директоров организации по наиболее важным с точки зрения законодателя вопросам раскрыты Обществом в порядке, предусмотренном законодательством РФ о ценных бумагах, что согласуется с пунктом 8 статьи 91 Закона [об акционерных обществах]». Суд пришел к выводу,

² Положение Банка России от 27.03.2020 № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг».

³ См. также: постановление АС Западно-Сибирского округа от 21.03.2019 по делу № А45-37514/2017.

что размещенные обществом в сети Интернет сведения были достаточными для реализации акционером своих прав на получение информации.

Другой вопрос: что означает размещение документов в свободном доступе? В рассмотренных арбитражных делах суды указывают, что «ссылка заявителя на общедоступность данной информации судом признается несостоятельной. Факт размещения истребуемой информации (документации) в общем доступе не является общеизвестным по смыслу части 1 статьи 69 АПК РФ, а потому подлежит доказыванию на общих основаниях»⁴.

Верховный Суд РФ, оценивая применение п. 5 ст. 181.4 ГК РФ в части характеристики доступности для участников соответствующего гражданско-правового сообщества сведений, отметил, что «общедоступным с учетом конкретных обстоятельств дела может быть признано размещение информации о принятом решении собрания на доске объявлений, в средствах массовой информации, сети „Интернет“, на официальном сайте соответствующего органа, если такие способы размещения являются сложившейся практикой доведения информации до участников данного гражданско-правового сообщества, а также ссылка в платежном документе, направленном непосредственно участнику, оспаривающему решение. Общедоступность сведений предполагается, пока лицом, права которого нарушены принятием решения, не доказано иное»⁵. Можно ли считать, что понятия «общедоступные сведения» и «размещение в свободном доступе» являются идентичными?

Повторное в течение трех лет обращение акционера о предоставлении информации и документов при условии, что первое такое требование было надлежащим образом исполнено обществом (подп. 2 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах)

В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2022 по делу № А40-128285/2021 отмечалось, что суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что общество-истец уже обращалось в Арбитражный суд города Москвы с заявлением об обязанности общества-ответчика предоставить заверенные подписью руководителей и печатью документы. Решением Арбитражного суда города Москвы истцу отказано в удовлетворении заявления, поскольку ранее ответчик неоднократно направлял копии документов, предоставлял доступ к документам на электронных носителях, направлял их заказными письмами в адрес истца, а также передавал их по актам приема-передачи, в связи с чем характер действий акционера при истребовании копий документов у акционерного общества свидетельствует о том, что целью акционера является не получение документов, а создание препятствий в деятельности акционерного общества и его дочерних обществ. Также судом указано, что ответчиком представлены все возможные и предусмотренные законодательством затребованные документы, и в настоящее время права истца на получение информации о деятельности ответчика не нарушены. Многочисленные запросы о предоставлении документов

⁴ Постановления АС Западно-Сибирского округа от 16.06.2020 по делу № А45-30237/2019, от 21.03.2019 по делу № А45-37514/2017.

⁵ См.: п. 111 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

носят признаки злоупотребления правом. Суды отметили, что истец не пояснил причины направления в адрес ответчика более 150 требований о предоставлении документов в период 2019–2020 гг., а также объяснения о цели использования запрошенной информации.

Запрашиваемый документ относится к прошлым периодам деятельности общества, за исключением информации о сделках, исполнение по которым осуществляется на момент обращения акционера с требованием (подп. 3 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах)

Суды при рассмотрении дел, связанных с отказом АО в предоставлении информации и документов по данному основанию, следуют позиции, сформированной Верховным Судом РФ в Определении от 03.09.2020 № 305-ЭС20-4519 по делу № А40-144859/2019, о том, что предусмотренное подп. 3 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах ограничение на предоставление документов, относящихся к прошлым периодам деятельности общества (более трех лет до момента обращения с требованием), следует применять с учетом того, что право на информацию обеспечивает акционеру возможность осуществления иных его прав, в том числе права на судебную защиту. Поэтому для отказа в предоставлении информации необходимо, чтобы документ не только относился к периодам деятельности общества более трех лет до момента обращения с требованием, но и не имел ценности с точки зрения его анализа (экономического, юридического, в том числе по причине истечения сроков исковой давности, и т.д.). Кроме того, данное основание отказа не может применяться в отношении базовых документов общества, указанных в подп. 1–7, 10–12 п. 1 ст. 91 Закона об акционерных обществах, независимо от даты их составления (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

В этом же Определении Верховный Суд РФ обратил внимание на вопрос о степени конкретизации перечня и видов документов или информации, запрашиваемой акционером. Как следует из п. 4 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участ-

УЧАСТНИКИ ОБЩЕСТВА ДОЛЖНЫ ОПРЕДЕЛЯТЬ ПРЕДМЕТ СВОЕГО ТРЕБОВАНИЯ, КОНКРЕТИЗИРОВАВ ПЕРЕЧЕНЬ И ВИДЫ ЗАПРАШИВАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЛИ ДОКУМЕНТОВ

никам хозяйственных обществ», участники общества должны определять предмет своего требования, конкретизировав перечень и виды запрашиваемой информации или документов. Однако, как указал Верховный Суд РФ, степень должной конкретизации требования участника о предоставлении информации должна

оцениваться судом с учетом обстоятельств рассматриваемого дела и необходимости обеспечения реальной возможности осуществления участником общества своих прав. Поэтому неуказание конкретных документов может служить основанием для отказа в предоставлении информации только при условии, что имеются сведения, подтверждающие тот факт, что участник знал соответствующие конкретные реквизиты документа.

При этом уточнение реквизитов документов не является изменением предмета и основания требований. Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 29.06.2022 по делу № А41-63664/2021 указано, что истцом в уточнении иска не было допущено изменения предмета и оснований требований, а также расширения перечня документов, изложенных в требовании, поскольку запрос не содержал требования о предоставлении новых документов, а касался только уточнения реквизитов договоров и документов.

В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 17.02.2021 по делу № А40-331095/2019 указывается на отсутствие законодательного запрета на детализацию запрашиваемых документов в досудебном порядке и при рассмотрении соответствующего иска о предоставлении документов.

Отсутствие у акционера права доступа к соответствующей категории документов (подп. 5 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах)

Речь идет о случае, когда акционер, обратившийся с требованием о предоставлении доступа к документам, не обладает правом доступа к соответствующей категории документов в соответствии с условиями, определенными в п. 1–6 ст. 91 Закона об акционерных обществах⁶.

Так, акционер (-ы) публичного акционерного общества, владеющий не менее чем 1% голосующих акций общества, имеет право доступа к информации, касающейся крупных сделок и сделок с заинтересованностью, к отчетам оценщиков об оценке имущества, в отношении которого акционерным обществом совершались крупные сделки и сделки с заинтересованностью, а также к протоколам заседаний совета директоров (наблюдательного совета) общества (п. 2 ст. 91). Акционер (-ы) непубличного акционерного общества, владеющий не менее чем 1% голосующих акций, имеет право доступа к информации и документам, касающихся крупных сделок и сделок с заинтересованностью, а также к протоколам заседаний совета директоров (наблюдательного совета) общества. Кроме того, такие акционеры имеют право доступа к документам, обязанность хранения которых предусмотрена п. 1 ст. 89 Закона об акционерных обществах, за исключением документов, указанных в п. 5 ст. 91 Закона. Иное может быть предусмотрено уставом общества или акционерным соглашением, сторонами которого являются все акционеры общества (п. 3 ст. 91).

Отсутствие указания на деловую цель, с которой запрашиваются документы (подп. 4 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах)

Особый интерес представляет анализ судебной практики по делам об отказе в предоставлении информации и документов на основании подп. 4 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах: в требовании акционера (-ов), владеющего менее чем 25%

⁶ Постановления АС Дальневосточного округа от 04.04.2022 по делу № А51-3632/2021, от 25.03.2022 по делу № А51-6760/2021, от 11.07.2019 по делу № А59-6823/2018.

голосующих акций общества, о предоставлении документов и информации, предусмотренных п. 2 и 3 ст. 91, должна быть указана деловая цель, с которой запрашиваются документы⁷. Данное требование Закона имеет императивный характер, касается как публичного, так и непубличного акционерного общества и является обязательным для акционеров, владеющих менее чем 25% голосующих акций общества, если они обращаются с требованием о предоставлении информации и документов, предусмотренным п. 2 и 3 ст. 91 Закона. В большей степени данное требование касается акционеров непубличного акционерного общества в силу более значительного объема информации и документов, к которым акционеры имеют право доступа.

Под деловой целью понимается законный интерес акционера в получении сведений и документов, которые объективно необходимы и достаточны для надлежащей реализации прав акционера, предусмотренных акционерным законом.

ПОД ДЕЛОВОЙ ЦЕЛЬЮ ПОНИМАЕТСЯ ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС АКЦИОНЕРА В ПОЛУЧЕНИИ СВЕДЕНИЙ И ДОКУМЕНТОВ, КОТОРЫЕ ОБЪЕКТИВНО НЕОБХОДИМЫ И ДОСТАТОЧНЫ ДЛЯ НАДЛЕЖАЩЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ АКЦИОНЕРА, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ АКЦИОНЕРНЫМ ЗАКОНОМ

Доктрина деловой цели (*business purpose*) получила развитие и обоснование в рамках концепции необоснованной налоговой выгоды: если у сделки налогоплательщика отсутствует деловая цель, то налоговая выгода, полученная по такой сделке, считается необоснованной⁸. Включение данного понятия в Закон об акционерных обществах и требование

на указание деловой цели для акционеров, владеющих менее 25% голосующих акций, с одной стороны, в некоторой степени защитит интересы самого акционерного общества от необоснованных требований акционеров о предоставлении информации и документов, но, с другой стороны, может привести к отказам акционерам, особенно миноритарным, в предоставлении запрашиваемых ими документов и информации и, следовательно, в нарушении их права на получение информации⁹.

В п. 7 ст. 91 Закона об акционерных обществах законодатель установил презумпцию неразумности деловой цели, в частности, если: общество обладает сведениями о фактических обстоятельствах, свидетельствующих о недобросовестности акционера; акционер является конкурентом общества либо аффилированным лицом конкурента и запрашиваемый им документ содержит конфиденциальную информацию, относящуюся к конкурентной сфере, и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам общества; имеет место необоснованный интерес в получении акционером документов или информации. Как отмечает Д.В. Ломакин, указанные по-

⁷ Следует отметить, что Президиум ВАС РФ в п. 1 Информационного письма от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» занимал противоположную позицию, указывая, что «участники хозяйственных обществ, реализуя свое право на получение информации, не обязаны раскрывать ни мотивы, ни цели получения информации, а также не должны каким-либо образом обосновывать наличие интереса в получении документов и информации».

⁸ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды». См. также: Федеральный закон от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации».

⁹ Макарова О.А. Право акционера на информацию: новое в порядке реализации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 53.

ложения не имеют четких формулировок, являются «каучуковыми нормами» во множественной степени, а их содержание крайне расплывчато¹⁰.

Общество вправе отказать в доступе к документам и информации при наличии хотя бы одного из следующих условий:

- в требовании акционера (-ов), владеющего менее чем 25% голосующих акций, о предоставлении документов не указана деловая цель, с которой запрашивается документ;
- деловая цель не является разумной;
- состав и содержание запрошенных документов явно не соответствуют указанной в запросе деловой цели.

Во многих случаях акционеры, владеющие менее чем 25% голосующих акций, обращаясь с требованием о предоставлении документов и информации о деятельности акционерного общества, вообще не указывают деловую цель, что является основанием для отказа в предоставлении информации и документов¹¹.

При оценке того, является ли указанная в требовании деловая цель разумной, суды следуют позиции, сформулированной в Определении Верховного Суда РФ от 03.09.2020 № 305-ЭС20-4519 по делу № А40-144859/2019: «...оценка разумности деловой цели предполагает установление разумной связи между запрошенной информацией и реализацией соответствующих корпоративных прав. В частности, деловая цель, с которой запрашивается документ, является разумной, если она состоит в подготовке акционера (акционеров) к общему собранию акционеров или к обращению или в выявлении обстоятельств, подтверждающих наличие оснований для обращения в суд с требованием об обжаловании решения органа или оспаривании сделки общества либо о возмещении причиненных обществу или акционеру убытков и при этом указаны известные акционеру (акционерам) обстоятельства, свидетельствующие о возможном наличии оснований для предъявления таких требований. При этом суды не вправе вторгаться в автономию воли акционера (пункт 2 статьи 1 ГК РФ) и давать оценку разумности его деловых решений относительно намерения осуществить его корпоративные права, для реализации которых он запрашивает информацию. При оценке обоснованности отказа в предоставлении информации следует исходить из того, что основания для отказа в предоставлении информации, в том числе факты, на основании которых был сделан вывод об отсутствии

**ФАКТЫ, НА ОСНОВАНИИ КОТОРЫХ
БЫЛ СДЕЛАН ВЫВОД ОБ ОТСУТСТВИИ
У АКЦИОНЕРА РАЗУМНОГО ДЕЛОВОГО
ИНТЕРЕСА ИЛИ НЕОБОСНОВАННОСТИ
ИНТЕРЕСА АКЦИОНЕРА В ПОЛУЧЕНИИ
ИНФОРМАЦИИ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ
ИСЧЕРПЫВАЮЩИМ ОБРАЗОМ
РАСКРЫТЫ В ОТВЕТЕ, НАПРАВЛЯЕМОМ
ОБЩЕСТВОМ В ЕГО АДРЕС**

¹⁰ Ломакин Д.В. Право акционера на информацию: изменение подхода законодателя // Юрический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 35.

¹¹ Постановления АС Московского округа от 06.02.2020 по делу № А40-144859/2019; АС Северо-Кавказского округа от 13.01.2021 по делу № А63-6784/2020; АС Уральского округа от 21.07.2021 по делу № А60-29526/2020.

у акционера разумного делового интереса или необоснованности интереса акционера в получении информации, должны быть исчерпывающим образом раскрыты в ответе, направляемом обществом в его адрес (пункт 9 статьи 91 Закона об акционерных обществах). В случае отсутствия такого ответа или отсутствия мотивирования, бремя доказывания наличия таких оснований для отказа в предоставлении информации перекладывается на общество».

Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 05.08.2021 по делу № А40-144859/2019 отмечается: «У акционера отсутствует какая-либо информация о заключенных сделках, их целесообразности и экономической обоснованности, а также о проводимых собраниях по одобрению данных сделок, а также корректности отражения информации по ним в бухгалтерской отчетности общества». Как указал суд, акционером «совершенно четко была сформирована деловая цель в получении спорных документов и информации, направленной на выяснение полных обстоятельств, при которых сложилась ситуация, описанная в решениях налогового органа, а также с целью проведения полного анализа 11 сделок и действий, которые могут привести общество, а соответственно и его акционеров, к ответственности»¹².

В постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08.04.2022 по делу № А51-3632/2021 отмечается, что «в запросах обществу истец ссылаясь на намерение по отчуждению принадлежащих ему акций и необходимость в этой связи собственной оценки имущественных рисков ведения ответчиком хозяйственной деятельности в предшествующих периодах для формирования оптимального условия о продажной цене». Удовлетворяя иски требования, суды пришли к выводу, что истребованные документы соотносятся с указанной в запросе деловой целью, признав ее разумной.

Вместе с тем в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.01.2021 по делу № А63-6784/2020 было указано, что в требовании о предоставлении акционеру документов общества, подтверждающих права юридического лица на имущество, находящееся на его балансе, деловая цель обоснована следующим образом: «...получение полной информации о количестве и составе имущества АО... находящегося на его балансе, которая объективно необходима и достаточна для надлежащей реализации прав акционера, предусмотренных Законом [об акционерных обществах]». Апелляционный суд, позицию которого поддержала кассационная инстанция, установил, что требование акционера в соответствии с положениями п. 4, 7 ст. 91 Закона содержит указание на деловую цель запрашиваемых сведений и документов, признав ее разумной. Можно ли считать в данном случае деловую цель разумной? Должна ли деловая цель быть конкретной?

В этом отношении показательно постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.02.2020 по делу № А56-48872/2019. Судами было установлено, что деловая цель запрошенных акционером документов состоит в оценке управленческих решений, принятых органами управления общества, на предмет соответствия интересам общества и акционеров. Суд первой инстанции не усмотрел обстоятельств, свидетельствующих о необоснованности запроса акционера. Принимая противоположное решение, апелляционный суд отметил, что судом первой инстанции принято

¹² См. также: постановление АС Уральского округа от 24.05.2022 по делу № А60-29526/2020.

во внимание только формальное указание в обращении акционера цели запроса; кроме того, компанией не приведено обоснования, реализации каких именно прав способствует предоставление запрашиваемых документов. По мнению Арбитражного суда Северо-Западного округа, разумность цели означает, что цель должна быть достижимой, логичной, целесообразной и эффективной как для акционера с точки зрения реализации своих прав, так и для акционерного общества с точки зрения защиты его интересов. О наличии у участника правомерного интереса в получении информации могут свидетельствовать, например, планирование продажи своих акций или доли в уставном капитале (в том числе в ходе процедур банкротства), подготовка к обращению в суд с требованием об оспаривании решения органа или договора хозяйственного общества либо о привлечении к ответственности органов общества, а также подготовка к участию в общем собрании акционеров.

Приведенная компанией в запросе формулировка цели является абстрактной, не предметной, в связи с чем общество попросило конкретизировать деловую цель запрошенных документов, а поскольку материально-правовой интерес акционером раскрыт не был, общество правомерно отказало в предоставлении документов.

Следует согласиться с такой позицией и исходить из того, что деловая цель является разумной не только при наличии разумной связи между запрошенной информацией и реализацией соответствующих корпоративных прав, но и при конкретизации данной цели с учетом материально-правового интереса акционера.

Кроме того, деловая цель должна соответствовать требованиям закона. Так, в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.03.2022 № Ф03-610/2022 по делу № А51-6760/2021 отмечалось: «В запросе акционер указал, что перечисленные документы необходимы ему для проведения инициативного аудита в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ „Об аудиторской деятельности“ и установления достоверности бухгалтерской и налоговой отчетности; проведения рыночной оценки стоимости предприятия для последующей продажи акций либо выкупа акций у других акционеров». Отказывая в удовлетворении требования акционера, суд округа указал, что проведение проверки финансово-хозяйственной деятельности общества сторонним аудитором по поручению отдельного акционера противоречит нормам Закона об акционерных обществах, регламентирующим порядок проведения такой проверки, и положениям устава общества. Равным образом, в соответствии со ст. 20 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» требования к порядку проведения оценки и осуществления оценочной деятельности определяются стандартами оценочной деятельности. Кроме того, по смыслу ст. 75, 76 Закона об акционерных обществах, определение рыночной цены акций с привлечением оценщика является обязательным при предъявлении акционером требования обществу о выкупе акций. При таких обстоятельствах следует признать, что перечень указанных истцом документов не связан с указанной им целью запроса таких

ДЕЛОВАЯ ЦЕЛЬ ЯВЛЯЕТСЯ РАЗУМНОЙ НЕ ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ РАЗУМНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ЗАПРОШЕННОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ И РЕАЛИЗАЦИЕЙ СООТВЕТСТВУЮЩИХ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ, НО И ПРИ КОНКРЕТИЗАЦИИ ДАННОЙ ЦЕЛИ С УЧЕТОМ МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ИНТЕРЕСА АКЦИОНЕРА

документов у общества¹³. Однако в подп. 4 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах основанием для отказа в предоставлении документов и информации является явное несоответствие состава и содержания запрошенных документов указанной в запросе деловой цели. В рассматриваемом деле основанием для отказа явилось то, что акционером была указана цель (проведение инициативного аудита, установления достоверности бухгалтерской и налоговой отчетности), которую сам акционер достичь не может в силу указаний закона. Иными словами, указанная деловая цель противоречит закону. Но вопрос о том, что же считать явным несоответствием состава и содержания запрошенных документов указанной в запросе деловой цели, остается открытым.

Запрашиваемый документ относится к периодам, не относящимся к периоду владения акционером акциями общества (подп. 6 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах)

В силу подп. 6 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах общество вправе отказать в доступе к документам и информации при наличии следующего условия: документ относится к периодам, не относящимся к периоду владения акционером акциями общества, подтвержденному этим акционером соответствующей справкой по его лицевому счету, открытому в реестре акционеров общества, или счету депо, открытому в депозитарии, за исключением информации о сделках, исполнение по которым осуществляется в период владения акционером акциями общества. При применении данной нормы суды исходят из того, что, во-первых, реализация предоставленного законом обществу права отказать акционеру в предоставлении документов, которые относятся к периодам, не относящимся к периоду владения акционером акциями общества, носит безусловный характер. Во-вторых, суды ссылаются на п. 9 Указания Банка России от 28.06.2019 № 5182-У «О дополнительных требованиях к процедурам предоставления акционерными обществами документов или копий документов в соответствии со статьей 91 Федерального закона „Об акционерных обществах“», из которого следует, что в данном случае к требованию акционера должен прилагаться документ (справка) по лицевому счету, открытому в реестре акционеров общества, или счету депо, открытому в депозитарии, подтверждающий (подтверждающая) количество принадлежащих правомочному лицу акций общества за период, к которому относится запрашиваемый документ¹⁴.

Выводы

Проведенный анализ оснований отказа акционеру в доступе к документам и информации свидетельствует о том, что в целом суды правильно применяют положения действующего акционерного законодательства: исходя из необходимости обеспечения баланса интересов акционеров при реализации ими права на получение инфор-

¹³ См. также: постановление АС Дальневосточного округа от 04.04.2022 по делу № А51-3632/2021.

¹⁴ Постановления АС Волго-Вятского округа от 17.03.2022 по делу № А43-36266/2020; АС Московского округа от 30.03.2021 по делу № А40-71231/2020, от 13.06.2019 по делу № А40-243415/2018; АС Северо-Западного округа от 17.03.2022 по делу № А56-49247/2021.

мации и интересов акционерного общества, имеющего законные основания для отказа в доступе к документам и информации.

В то же время следует признать, что категория «разумная деловая цель» носит оценочный характер. Представляется, что деловая цель может считаться разумной, если она не только способствует реализации соответствующих корпоративных прав, но и является конкретной (а не абстрактной), отвечающей материально-правовому интересу акционера и соответствует требованиям закона.

Использование в Законе об акционерных обществах таких оценочных категорий, как «разумная цель», «необоснованный интерес», «явное» несоответствие, «недобросовестность» акционера, создает определенные трудности в практике арбитражных судов по применению ст. 91 Закона и может привести к нарушению права акционера на получение информации.

Особенности рассмотрения корпоративных споров об исключении участников из состава участников общества

АВТОР ИССЛЕДУЕТ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ УЧАСТНИКОВ ИЗ СОСТАВА УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА КАК НАИБОЛЕЕ СЛОЖНЫХ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ, ПОСКОЛЬКУ В КАЖДОМ ОТДЕЛЬНОМ СЛУЧАЕ СУДАМИ ДАЕТСЯ ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, НА КОТОРЫЕ ИСТЕЦ ССЫЛАЕТСЯ КАК НА ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ УЧАСТНИКА ИЗ ОБЩЕСТВА. В СТАТЬЕ АНАЛИЗИРУЕТСЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА РАССМОТРЕНИЯ ДАННОГО ВИДА КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ, ВЫЯВЛЕНЫ ОСНОВАНИЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ УЧАСТНИКА ИЗ ОБЩЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ, А ТАКЖЕ ВЫДЕЛЕНЫ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ ПО ИСКЛЮЧЕНИЮ УЧАСТНИКОВ ИЗ СОСТАВА УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА. В ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДЕЛАЕТСЯ ВЫВОД О ТОМ, ЧТО КАЖДЫЙ КОРПОРАТИВНЫЙ СПОР УНИКАЛЕН И ИЗБРАНИЕ ТАКОГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРПОРАТИВНОГО СПОСОБА ЗАЩИТЫ ПРАВ ОБЩЕСТВА, КАК ИСКЛЮЧЕНИЕ УЧАСТНИКА, ЗАЧАСТУЮ НЕ ВЕДЕТ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ НАРУШЕННЫХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВА. ПРИ ЭТОМ, НЕСМОТРЯ НА ТО ЧТО РЯД ВОПРОСОВ В РАМКАХ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА ОСТАЕТСЯ НЕРЕШЕННЫМ, МОЖНО ГОВОРИТЬ О ФОРМИРОВАНИИ УСТОЙЧИВОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО РАССМОТРЕНИЮ ДАННОЙ КАТЕГОРИИ СПОРОВ, ЧТО ОБУСЛОВЛЕНО ЗНАЧИМОСТЬЮ И ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ВЫСКАЗЫВАЕМЫХ ВЕРХОВНЫМ СУДОМ РФ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ.

Виктория Александровна Бутько,
помощник судьи Арбитражного суда Московской области,
советник юстиции третьего класса

Ключевые слова: корпоративный конфликт, специальный корпоративный способ защиты права, общество с ограниченной ответственностью, исключение участника из общества, взаимные требования об исключении участника из общества

DOI 10.46279/ASMO.2022.67.44.004

Исключение участника из общества считается крайней мерой, для применения которой должны иметься серьезные и весомые основания. Ввиду этого представляется возможным назвать исключение участника из общества своего рода санкцией за гру-

бое нарушение участником обязанностей или препятствование им нормальной хозяйственной деятельности общества, в результате чего возникают такие последствия, которые не могут быть устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом.

Гражданско-правовая ответственность как санкция выражается в данном случае в виде возложения на правонарушителя некомпенсируемых имущественных потерь, так как выплата действительной стоимости доли не компенсирует исключаемому участнику всех его потерь, в том числе в виде неполученного дохода от результата будущей деятельности¹.

Вопрос об исключении участника из общества может быть разрешен только в судебном порядке, при этом практика арбитражных судов по данному вопросу весьма разнообразна и интересна. Однако, прежде чем перейти непосредственно к основным направлениям правоприменительной практики, необходимо дать понятие корпоративному конфликту в обществе.

ВОПРОС ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ УЧАСТНИКА ИЗ ОБЩЕСТВА МОЖЕТ БЫТЬ РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

Законодательство, регулирующее корпоративные отношения, не содержит прямого и четкого определения понятия корпоративного конфликта. Традиционно под таковым принято понимать разногласия и споры, возникшие между органами управления обществом и его участниками, а также споры между участниками общества, если они затрагивают интересы общества.

Как отметила С.Ю. Филиппова, «цель исключения участника состоит в прекращении корпоративного конфликта и обеспечении стабильности корпорации путем устранения влияния на нее со стороны одного из участников»².

Исходя из вышеприведенного определения корпоративного конфликта, можно выделить основные категории исков об исключении участника из состава участников общества:

1) иски участника общества или группы участников общества, доли которых в совокупности составляют не менее 10% уставного капитала общества, об исключении из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет;

2) иски участника общества или группы участников общества, доли которых в совокупности составляют не менее 10% уставного капитала общества, об исключении из общества участника, выполняющего функции единоличного исполнительного органа, иными словами — участника, занимающего должность генерального директора / директора общества;

¹ См.: *Воглоева В.В.* Особенности исключения участника из состава членов корпорации // Вестник науки. 2019. Т. 4. № 11. С. 66–72.

² См.: *Корпоративное право: учеб. / отв. ред. И.С. Шиткина.* М., 2019.

3) иски участников общества об исключении из состава общества участника общества, доля которого составляет более 50% уставного капитала общества (мажоритарного участника).

Как следует из судебной практики, исковые требования об исключении участника из общества подлежат удовлетворению при установлении следующих обстоятельств: участник нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет; допущенные участником нарушения носят грубый характер (наличие вины нарушителя, негативных последствий для общества).

Рассмотрим подробнее основные тенденции судебной практики по разрешению корпоративных споров об исключении участников из состава участников общества.

1. Иски участника общества (группы участников общества), доли которых в совокупности составляют не менее 10% уставного капитала общества, об исключении из общества участника, грубо нарушающего свои обязанности и делающего невозможной деятельность общества

В обоснование своих требований истцы зачастую называют непринятие участником участия в деятельности общества, неявку на собрания его участников.

Суды при рассмотрении подобных споров, как правило, исходят из недоказанности истцом обстоятельств, положенных в основание иска, и указывают, что приведенные истцом обстоятельства не могут рассматриваться как грубое нарушение участником своих обязанностей как участника общества, влекущее значительное затруднение или невозможность осуществления деятельности общества.

К примеру, в одном из дел участник общества, владеющий 60% долей в уставном капитале общества, обратился в суд с иском об исключении из общества другого участника, которому принадлежит доля в размере 40%. В обоснование иска истец сослался на неисполнение ответчиком обязанности по участию в общих собраниях общества, проводившихся в 2018, 2019 и 2021 гг., а также на участие в общем собрании участников общества и голосование участника против заключения кредитного договора в целях поддержания текущей деятельности общества, при этом по другим вопросам повестки дня ответчик голосовать отказался, что повлекло невозможность принятия общим собранием соответствующих решений. По мнению истца, голосование ответчика против заключения кредитного договора и отказ в голосовании по иным вопросам повестки существенно затрудняют осуществление деятельности общества.

Суд кассационной инстанции посчитал, что истцом не доказано, что возникновение ущерба или иных негативных последствий для общества, а равно существенное затруднение либо невозможность деятельности общества обусловлены неявкой ответчика на общие собрания, поскольку в уведомлениях о созыве общих собраний не указывалось на необходимость принятия решения по вопросам,

требующим принятия единогласного решения. При этом арбитражный суд отметил, что голосование по вопросам повестки дня собраний участников общества тем или иным образом является правом, а не обязанностью участника. Соответственно, приведенные истцом доводы о систематическом уклонении участника от участия в общих собраниях участников общества не могут быть расценены судом в качестве основания для исключения участника из состава участников общества³.

Между тем, если судом будет установлено, что действиями или бездействием участника общества, исключения которого просит истец, существенно затруднено достижение цели создания общества и что у общества в связи с действиями или бездействием такого участника отсутствует возможность дальнейшего ведения деятельности и получения прибыли, суд признает иски об исключении такого участника из общества обоснованными и удовлетворяет иск.

Гражданским кодексом РФ предусмотрена обязанность участника корпорации в случаях, если его участие необходимо для принятия решений, участвовать в принятии корпоративных решений, без которых общество не может продолжать свою деятельность (абз. 4 п. 4 ст. 65.2).

Так, арбитражный суд установил, что участник общества, исключения которого просит истец, не являлся на внеочередные общие собрания участников общества, на повестке которых находился вопрос, требующий единогласного решения всех участников общества, а именно вопрос о добровольной ликвидации общества ввиду отсутствия возможности вести дальнейшую деятельность и получать прибыль. При таких обстоятельствах, принимая во внимание, что неявка участника общества на внеочередные общие собрания участников, о проведении которых ответчик был уведомлен надлежащим образом, привела к тому, что собрания не состоялись и общество фактически не имело возможности приступить к добровольной ликвидации, арбитражный суд заключил, что бездействие ответчика, выразившееся в уклонении от участия в управлении обществом посредством принятия решений в составе общего собрания участников, существенно затрудняет деятельность общества, и, учитывая возможность наступления негативных для общества последствий, удовлетворил иски об исключении участника из состава участников общества.

**ЕСЛИ СУДОМ БУДЕТ УСТАНОВЛЕНО,
ЧТО ДЕЙСТВИЯМИ ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЕМ
УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА, ИСКЛЮЧЕНИЯ
КОТОРОГО ПРОСИТ ИСТЕЦ, СУЩЕСТВЕННО
ЗАТРУДНЕНО ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ
СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА И ЧТО У
ОБЩЕСТВА В СВЯЗИ С ДЕЙСТВИЯМИ
ИЛИ БЕЗДЕЙСТВИЕМ ТАКОГО
УЧАСТНИКА ОТСУТСТВУЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ
ДАЛЬНЕЙШЕГО ВЕДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ПОЛУЧЕНИЯ ПРИБЫЛИ, СУД ПРИЗНАЕТ
ИСКОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ
ТАКОГО УЧАСТНИКА ИЗ ОБЩЕСТВА
ОБОСНОВАННЫМИ И УДОВЛЕТВОРЯЕТ ИСК**

³ См.: постановление АС Московского округа от 11.08.2022 по делу № А41-69987/2021.

Таким образом, в рассматриваемом случае действия ответчика существенно затруднили достижение цели создания общества, поскольку общество ввиду отсутствия у него возможности вести дальнейшую деятельность и получать прибыль не могло приступить к добровольной ликвидации.

В другом деле суд также пришел к выводу о наличии оснований для исключения участника из общества. Обоснованием иска служили систематическая неявка ответчика на общие собрания участников общества и невозможность разрешения вопросов, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности общества. Как указал арбитражный суд, налоговым органом в отношении ответчика было вынесено решение о недостоверности сведений о данном участнике и о предстоящем исключении общества из единого государственного реестра юридических лиц, что фактически блокирует хозяйственную деятельность общества и делает ее невозможной.

В ряде случаев, ссылаясь в обоснование иска на систематическое уклонение ответчика без уважительных причин от участия в общих собраниях участников и на лишение в связи с этим общества возможности принимать значимые хозяйственные решения, истцы не представляли в материалы дела доказательства извещения участника общества, исключения которого требуют в судебном порядке, о проведении общих собраний участников общества и направления участнику информации о предлагаемой повестке дня собраний. В этих обстоятельствах суды пришли к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения таких исков, поскольку истцами не представлено доказательств, подтверждающих факты уклонения участника общества от участия в общих собраниях участников общества и причинения последнему убытков⁴.

Также зачастую суды рассматривают споры по первоначальным и встречным искам о взаимном исключении участников из состава участников общества и, отказывая в их удовлетворении, отмечают, что действительной причиной обращения в суд с взаимными требованиями об исключении из общества являются утрата участниками единой цели при осуществлении хозяйственной деятельности и желание разрешить внутрикorporативный конфликт за счет интересов другого участника, а не действия (бездействие) участников по причинению вреда обществу. Соответственно, иски об исключении из общества другого участника в такой ситуации удовлетворению не подлежат⁵.

Таким образом, главной причиной исключения участника из общества по рассматриваемому основанию является именно неучастие его в общих собраниях участников общества в случаях, когда его участие необходимо для принятия корпоративных решений, без которых общество не может продолжать свою деятельность. При этом исключаемый из общества участник должен быть надлежащим образом уведомлен о проведении общих собраний участников общества, т.е. должен быть доказан факт уклонения участника общества от участия в общих собраниях и причинения в связи с этим обществу убытков.

⁴ См., напр.: постановление АС Московского округа от 01.09.2022 по делу № А41-79403/21.

⁵ См., напр.: постановления АС Московского округа от 17.08.2021 по делу № А41-92702/18; АС Московского округа от 23.06.2022 по делу № А41-32069/2020.

2. Иски участника общества (группы участников общества), доли которых в совокупности составляют не менее 10% уставного капитала общества, об исключении из общества участника, выполняющего функции единоличного исполнительного органа

Интерес также вызывает практика рассмотрения споров об исключении из общества участника, выполняющего функции единоличного исполнительного органа, поскольку суды, как правило, разделяют правовой статус участника общества и правовой статус единоличного исполнительного органа. Это связано с тем, что зачастую доводы истца по таким искам фактически сводятся к несогласию с тем, как участник общества — генеральный директор исполняет свои обязанности.

В обоснование таких исков истцы обычно ссылаются на непредставление участником общества — генеральным директором годовой отчетности и годового бухгалтерского баланса на утверждение общему собранию участников общества, препятствие к доступу участников общества к хозяйственной документации общества, уклонение от созыва и проведения очередного общего собрания участников общества, в том числе с повесткой дня о принятии решения о распределении чистой прибыли, неявку на общее собрание участников общества, приведшую к невозможности принятия решения по вопросам деятельности общества.

Как отмечает Д.В. Ломакин, «нарушение участником хозяйственного товарищества или общества такой обязанности может повлечь за собой не только возмещение причиненного вреда, но и применение специального корпоративного способа защиты прав в виде исключения указанного участника из товарищества (общества)»⁶.

Арбитражные суды, учитывая, что ответственность исполнительных органов общества предусмотрена ст. 44 Закона об обществах с ограниченной ответственностью⁷, часто указывают, что участники общества в данном случае вправе избрать иной способ защиты нарушенного права — подать в суд иск с требованием о возмещении убытков, причиненных действиями исполнительных органов общества, и, соответственно, отказывают в удовлетворении иска об исключении генерального директора из состава участников общества.

Например, рассматривая мотивированный отсутствием должной осмотрительности при заключении сделки иск об исключении из общества участника, выполняющего функции единоличного исполнительного органа, арбитражный суд указал на неверно выбранный истцом способ защиты права исходя из толкования ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, согласно которой лицо может быть исключено из общества только за те действия, которые оно совершило в период участия в обществе. Суд разъяснил, что надлежащим способом защиты права является взыскание убытков с ответчика как генерального директора общества, при этом данный способ защиты права уже был реализован истцом в рамках другого дела⁸. Впрочем, имеется судебная практика, согласно которой наличие у лица, обративше-

⁶ См.: Корпоративное право: учеб.

⁷ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

⁸ См.: постановление АС Московского округа от 04.05.2022 по делу № А40-319910/2019.

гося в суд, альтернативных способов защиты нарушенного права не является достаточным основанием для отказа в удовлетворении его требований⁹.

Недостижение между участниками общества согласия по вопросам деятельности и управления обществом также не является основанием для исключения участника

НЕДОСТИЖЕНИЕ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ ОБЩЕСТВА СОГЛАСИЯ ПО ВОПРОСАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ УЧАСТНИКА ИЗ СОСТАВА УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА

из состава участников общества, как и недоказанность грубого нарушения ответчиком как участником общества своих обязанностей и наступления вследствие этого негативных последствий для общества¹⁰.

Между тем в случае представления истцом доказательств факта причинения обществу ущерба, невозможности

в связи с причиненным ущербом осуществления обществом хозяйственной деятельности суды удовлетворяют иски о включении участников общества в состав участников общества, выполняющего функции единоличного исполнительного органа, в обоснование которых указано на совершение сделок на заведомо невыгодных для общества условиях, в ущерб интересам общества; вывод активов общества; отчуждение имущества общества в отсутствие одобрения общего собрания участников общества; присвоение и растрату принадлежащих обществу денежных средств.

К примеру, удовлетворяя иск об исключении из общества участника, выполняющего функции генерального директора общества, суд исходил из того, что руководителем общества были совершены противоречащие интересам общества действия, выразившиеся в создании конкурирующего юридического лица и осуществлении деятельности в интересах данного лица с использованием ресурсов общества. Суд посчитал, что в данном случае такая мера воздействия, как исключение участника из общества, подлежит применению в целях восстановления деятельности общества, прекращения корпоративного конфликта и обеспечения стабильности корпорации путем устранения влияния на нее со стороны недобросовестного участника¹¹.

В другом споре арбитражный суд, исключая участника из общества, указал, что руководителем общества без какого-либо равнозначного встречного предоставления выделены денежные средства, поступившие обществу за изъятый в пользу государства земельный участок для государственных нужд, а также выданы на нерыночных условиях займы себе, своим родственникам и главному бухгалтеру общества, ввиду чего действия генерального директора по заключению сделок на условиях, не соответствующих рыночным, привели к причинению обществу значительного ущерба, в том числе повлекли фактическую невозможность осуществления обществом своей деятельности. При этом суд отметил, что сделки по выдаче займов не соответствовали ни предмету деятельности общества, ни видам его деятельности¹².

⁹ См., напр.: постановление АС Московского округа от 13.10.2021 по делу № А40-59736/2016; Определение ВС РФ от 18.01.2022 № 305-ЭС21-26564 по делу № А40-59736/2016.

¹⁰ См., напр.: постановления АС Московского округа от 30.06.2022 по делу № А40-201088/2021; от 15.06.2022 по делу № А41-50776/2021; Определение ВС РФ от 13.09.2022 № 305-ЭС22-15977 по делу № А40-201088/2021.

¹¹ См.: постановление АС Московского округа от 19.09.2022 по делу № А40-174738/2021.

¹² См.: постановление АС Московского округа от 15.11.2021 по делу № А40-104732/20.

Однако, учитывая труднодоказуемость факта причинения ущерба обществу участником, выполняющим функции единоличного исполнительного органа, суды, рассматривая иски об исключении такого участника из общества по искам, мотивированным отсутствием у ответчика должной степени осмотрительности при заключении сделок, например, с фактически недействующим контрагентом или при подписании актов выполненных работ с лицами, их не выполнявшими, исходят из недоказанности причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ответчика и отсутствием нормальной хозяйственной деятельности общества, а также недоказанности виновности участника общества в причинении последнему убытков.

Также огромное значение имеет дата заключения сделок, на которые истец ссылается как на заключенные ответчиком в отсутствие должной осмотрительности: если на момент из заключения ответчик не являлся участником общества, а стал таковым и приступил к исполнению обязанностей единоличного исполнительного органа позднее, заключение этих договоров не может расцениваться как нарушение обязанностей участника общества¹³.

Таким образом, поскольку участник общества, выполняющий функции единоличного исполнительного органа, может быть исключен из состава участников общества по ряду указанных выше оснований и привлечен к ответственности согласно ст. 44 Закона об обществах с ограниченной ответственностью в виде взыскания убытков по иску участников общества, можно сказать о расширении в данном случае средств воздействия на участника, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества, за счет дополнения общегражданских способов защиты прав специальным корпоративным способом — исключением участника из состава общества.

ПОСКОЛЬКУ УЧАСТНИК ОБЩЕСТВА, ВЫПОЛНЯЮЩИЙ ФУНКЦИИ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА, МОЖЕТ БЫТЬ ПРИВЛЕЧЕН К ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ВИДЕ ВЗЫСКАНИЯ УБЫТКОВ ПО ИСКУ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА, МОЖНО СКАЗАТЬ О РАСШИРЕНИИ В ДАННОМ СЛУЧАЕ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УЧАСТНИКА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ФУНКЦИИ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ОБЩЕСТВА, ЗА СЧЕТ ДОПОЛНЕНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКИХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ СПЕЦИАЛЬНЫМ КОРПОРАТИВНЫМ СПОСОБОМ — ИСКЛЮЧЕНИЕМ УЧАСТНИКА ИЗ СОСТАВА ОБЩЕСТВА

Подводя итог данного подраздела, хотелось бы отметить, что в настоящее время активно формируется судебная практика по разрешению споров об исключении из состава участников общества участника, выполняющего функции единоличного исполнительного органа. Из проанализированных судебных актов усматриваются основания и критерии, которые позволяют эффективно использовать способ защиты права в виде подачи иска об исключении участника из состава участников общества. И если ранее суды в большинстве случаев при рассмотрении споров об исключении участника из состава общества, выполняющего функции единоличного исполнительного органа, отказывали в удовлетворении исковых требований, то в настоящее время наблюдаются тенденции роста удовлетворения таких исков.

¹³ См., напр.: постановление АС Московского округа от 04.05.2021 по делу № А40-319910/2019.

3. Иски участников общества об исключении из состава общества мажоритарного участника общества

На практике арбитражные суды по-разному разрешают вопрос о возможности исключить мажоритарного участника из состава участников общества. Это в некоторой мере обусловлено позицией Высшего Арбитражного Суда РФ¹⁴, согласно которой исключить мажоритарного участника из общества возможно, только если уставом общества не предусмотрено право участника на свободный выход из общества, а также позицией Верховного Суда РФ¹⁵, в соответствии с которой закон не устанавливает ограничений на исключение участника, обладающего более чем 50% долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Так, например, суд установил неисполнение участником общества, владеющим 50%-ной долей в уставном капитале общества, а также являющимся генеральным директором общества, в период осуществления им функций единоличного исполнительного органа общества обязанности по созыву очередного общего собрания участников общества; принял во внимание фальсификацию ответчиком протоколов общих собраний общества; признал, что уклонение ответчика от проведения общего собрания участников общества носит систематический и длительный характер и свидетельствует о грубом нарушении участником общества своих обязанностей, а также прав других участников общества; учел, что генеральный директор, имея возможность принимать единоличные решения, согласно незаконным изменениям, внесенным в устав общества, фактически вывел весь объем заказов на монтажные работы из деятельности общества и инициировал процедуру банкротства. Суд заключил, что участник общества преднамеренно и осознанно совершил действия, существенно затрудняющие деятельность общества и влекущие наступление (возможность наступления) негативных для общества последствий, ввиду чего со ссылкой на вышеуказанную правовую позицию Верховного Суда РФ удовлетворил иск об исключении из общества участника, владеющего 50% долей в уставном капитале общества¹⁶.

В рамках других дел суды кассационной инстанции также пришли к выводу, что обладание участником общества долей в размере 51% не является препятствием для его исключения из состава участников общества, а удовлетворение иска направлено на сохранение общества и восстановление его деятельности, ввиду чего отклонили доводы ответчиков о том, что согласно правовой позиции Высшего Арбитражного Суда РФ исключение из общества с ограниченной ответственностью участника, обладающего долей в размере более 50% уставного капитала общества, возможно только в том случае, если участники общества в соответствии с его уставом не имеют права свободного выхода из общества¹⁷.

Наряду с вышеизложенной судебной практикой имеется иная практика, в основе которой лежит правовая позиция Высшего Арбитражного Суда РФ. К примеру, суды,

¹⁴ Пункт 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью».

¹⁵ Пункт 8 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утвержден Президиумом ВС РФ 25.12.2019).

¹⁶ См.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 26.02.2020 по делу № А03-22343/2017.

¹⁷ См., напр.: постановления АС Московского округа от 29.07.2019 по делу № А40-218635/2016; АС Западно-Сибирского округа от 13.01.2022 по делу № А03-12794/2020; Определение ВС РФ от 04.05.2022 № 304-ЭС22-5138 по делу № А03-12794/2020.

исходя из того, что участник, исключения которого требует истец, владеет 76%-ной долей уставного капитала общества и уставом последнего право свободного выхода участников из общества не ограничено, отказали в удовлетворении иска об исключении мажоритарного участка из общества¹⁸.

В другом деле, поскольку уставом общества предусмотрено право участника на выход из него независимо от согласия других участников, суды отказали в удовлетворении иска об исключении мажоритарного участка из состава участников общества¹⁹.

Рассматривая иск участника общества, владеющего 50% уставного капитала общества и предъявившего иск об исключении участника общества, также владеющего 50% уставного капитала, мотивированный существенным затруднением ответчиком деятельности общества путем направления жалоб и обращений в государственные и муниципальные органы и срыва общих собраний общества, выраженного в отказах от подписания протоколов, инициировании судебных споров, арбитражный суд отказал в удовлетворении исковых требований. Суд исходил из того, что истец не доказал фактов грубого нарушения ответчиком своих обязанностей участника общества или совершения им иных действий, повлекших для общества негативные последствия и фактическое блокирование его деятельности, поскольку факты обращения ответчика как участника общества в компетентные органы и в суд в целях реализации своих прав и законных интересов, в том числе за устранением нарушений требований действующего законодательства, сами по себе не свидетельствуют о его недобросовестном поведении, так как ответчик, действуя в качестве участника общества, не лишен возможности обращаться в компетентные органы²⁰.

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии единого подхода к оценке обстоятельств исключения мажоритарного участника общества из состава общества, поскольку зачастую суды исходят из наличия или отсутствия в уставе общества положений о праве участников общества на свободный выход из него или основывают принятые решения на том, что закон не устанавливает ограничений на исключение участника, обладающего более чем 50%-ной долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Представляется возможным отметить, что Высшим Арбитражным Судом РФ предложено не исключать мажоритарного участника из общества в случае причинения его действиями (бездействием) неблагоприятных для общества последствий, а разрешать конфликт путем выхода участника из состава общества, т.е. фактически предоставлять ему право добросовестного участника общества — право добровольного выхода из состава участников общества. При таких обстоятельствах можно прийти к выводу о неприменении на практике специального корпоративного способа защиты прав миноритарных участников общества в виде исключения мажоритарного участника из общества за допущенные последним злоупотребления.

¹⁸ См.: постановление АС Московского округа от 20.04.2015 по делу № А40-166102/13-162-1565.

¹⁹ См.: постановление АС Восточно-Сибирского округа от 30.09.2019 по делу № А58-9840/2018; Определение ВС РФ от 21.01.2020 № 302-ЭС19-25337 по делу № А58-9840/2018.

²⁰ См.: постановление АС Московского округа от 08.06.2022 по делу № А41-42865/21.

Учитывая правовые позиции Верховного и Высшего Арбитражного судов РФ по данному вопросу, мы усматриваем необходимость в формировании единого подхода к оценке обстоятельств исключения мажоритарного участника общества из состава общества.

УЧИТЫВАЯ ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО И ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДОВ РФ, МЫ УСМАТРИВАЕМ НЕОБХОДИМОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ИСКЛЮЧЕНИЯ МАЖОРИТАРНОГО УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА ИЗ СОСТАВА ОБЩЕСТВА

Нужно отметить, что при соотношении долей в уставном капитале общества 50% на 50% исключение мажоритарного участника из общества может применяться только в исключительных случаях и при доказанности грубого нарушения им своих обязанностей либо его поведения, делающего невозможной или затрудняющей деятельность общества.

Отличительной особенностью такого корпоративного спора является наличие равного количества долей у участников общества, что увеличивает риск невозможности принятия решения по вопросам, связанным с деятельностью общества.

Критерии оценки, определяющие, кто должен остаться участником общества, а кто — быть исключен, не предусмотрены. В каждом конкретном случае это является исключительным правом и обязанностью суда.

Как упоминалось выше, действительной причиной обращения в суд участников общества с взаимными требованиями об исключении из общества являлись, как правило, утрата ими единой цели при осуществлении хозяйственной деятельности и желание разрешить корпоративный конфликт за счет интересов другого участника, а не действия (бездействия), причинившие вред обществу.

В ситуации, когда уровень недоверия между участниками общества, владеющими равными долями, достигает критической отметки, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о возможности продолжения корпоративных отношений, или принятия участниками решения о ликвидации общества, или принятия одним из участников решения о выходе из него с соответствующими правовыми последствиями²¹.

РАВНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОЛЕЙ МЕЖДУ СТОРОНАМИ КОРПОРАТИВНОГО КОНФЛИКТА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ БЕЗУСЛОВНЫМ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ОТКАЗА В ИСКЕ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ УЧАСТНИКА ИЗ ОБЩЕСТВА

Однако равное распределение долей между сторонами корпоративного

конфликта не является безусловным основанием для отказа в иске об исключении участника из общества.

²¹ См.: Определение СКЭС ВС РФ от 08.10.2014 № 306-ЭС14-14 по делу № А06-2044/2013.

Завершая анализ судебной практики по разрешению споров об исключении участника из состава участников общества, отметим, что каждый корпоративный спор уникален и избрание истцами такого специального корпоративного способа защиты прав общества, как исключение участника из общества, зачастую не ведет к восстановлению нарушенных прав и законных интересов общества.

Рассматривая вопрос об исключении участника из общества, необходимо не только учитывать наличие оснований для применения корпоративной ответственности, но и производить оценку последствий применения такой меры с точки зрения достижения цели восстановления нарушенного права участника, восстановления нормальной деятельности общества²².

Институт исключения участника из общества не может быть использован для разрешения конфликта между участниками общества, вызванного наличием разногласий по вопросам управления обществом, когда позиция ни одного из них не является заведомо неправомерной.

Для рассмотрения таких споров по существу крайне важны те обстоятельства, на которые истец ссылается в обоснование иска об исключении участника из корпорации, ввиду чего арбитражный суд в каждом конкретном споре оценивает значимость этих обстоятельств в совокупности с другими доказательствами по делу.

Критерии оценки, определяющие, кто должен остаться участником, а кто — быть исключен, конкретной нормой корпоративного законодательства не предусмотрены, и в каждом конкретном случае это является исключительным правом и обязанностью суда.

Кроме того, понятие грубого нарушения участником общества своих обязанностей, равно как и понятие действий (бездействия), в результате которых деятельность общества существенно затрудняется или делается невозможной, являются оценочными.

Таким образом, ряд вопросов в рамках корпоративного права остается нерешенным²³.

Из проанализированных судебных актов следует, что до 2019 г., в котором появилась упомянутая выше правовая позиция Верховного Суда РФ, арбитражные суды в большинстве случаев приходили к выводу о недоказанности или недостаточности оснований для исключения участника из состава участников корпорации. Теперь же наблюдаются тенденции к удовлетворению исковых соответствующих требований, в связи с чем можно говорить о формировании устойчивой судебной практики по рассмотрению данной категории споров, что в первую очередь обусловлено значимостью и эффективностью высказываемых Верховным Судом правовых позиций и принимаемых им судебных актов при рассмотрении корпоративных споров по существу.

²² См.: *Бочаров Н.С.* Правовая природа исключения участника из общества // Вестник магистратуры. 2021. № 4-3. С. 37–39.

²³ См.: *Панина С.А.* Некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении корпоративных споров: анализ правоприменительной деятельности // Проблемы российского законодательства. 2021. № 8. С. 95–99.

Актуальные вопросы применения индексации в арбитражных судах

В СТАТЬЕ АНАЛИЗИРУЮТСЯ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 11.06.2022 № 177-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ В СТАТЬЮ 183 АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ». ЗАТРАГИВАЕТСЯ ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИНДЕКСАЦИИ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРЬ. РАСКРЫВАЕТСЯ ПОНЯТИЕ ИНДЕКСАЦИИ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ВОЗМЕЩЕНИЯ ИНФЛЯЦИОННЫХ ПОТЕРЬ. В СТАТЬЕ ИССЛЕДОВАНЫ ВОПРОСЫ О ПРИМЕНЕНИИ СРОКА ДАВНОСТИ К ТРЕБОВАНИЮ ОБ ИНДЕКСАЦИИ, А ТАКЖЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 183 АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Анна Александровна Алексеева,
заведующая кафедрой коммерческого права и процесса
Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Иолана Юрьевна Ковалева,
советник юстиции первого класса

Ключевые слова: индексация, арбитражный процесс, инфляционные потери, побуждение к исполнению судебного акта, исполнение судебного решения

DOI 10.46279/ASMO.2022.77.43.001

В связи со вступлением в силу новой редакции ст. 183 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ об индексации присужденных денежных сумм в судебной арбитражной практике возникают многочисленные вопросы о применении данной нормы, в том числе о том, что представляет собой индексация, каковы основания, критерии и порядок ее присуждения.

Предваряя изучение возникающих вопросов и поиск ответа на них, необходимо обратить внимание на динамику подхода законодателя и Конституционного Суда (КС) РФ к индексации.

В соответствии с редакцией ст. 183 АПК РФ, действовавшей с 2002 г.

до недавнего времени¹, арбитражный суд первой инстанции, рассмотревший дело, мог производить по заявлению взыскателя индексацию присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда только в случаях и в размерах, которые предусмотрены федеральным законом или договором.

Ранее КС РФ, оценивая конституционность ст. 183 АПК РФ в этой редакции, указывал², что арбитражный процесс по сравнению с гражданским процессом имеет свою специфику, состоящую в характере споров, рассматриваемых арбитражными судами, и их особом субъектном составе (юридические лица и индивидуальные предприниматели): в отличие от граждан участники экономических споров должны проявлять большую экономическую активность и самостоятельно, заблаговременно озаботиться нивелированием потерь, вызываемых инфляцией, защитившись от нее включением в договор условия о праве кредитора на индексацию задолженности. По этой причине, а также в отсутствие специальных законов, предоставляющих участникам арбитражного процесса право индексировать присужденные денежные суммы, случаи индексации в практике арбитражных судов были крайне редки. Исключения составляли ситуации, когда стороны предусмотрели индексацию в соглашении.

В 2021 г. обозначился поворот. КС РФ в Постановлении от 22.07.2021 № 40-П сформировал новую позицию, согласно которой ч. 1 ст. 183 АПК РФ признана не соответствующей ч. 1 ст. 46 Конституции РФ в той мере, в какой она — при отсутствии в системе действующего правового регулирования механизма индексации взысканных судом денежных сумм — не содержит критериев, в соответствии с которыми должна осуществляться и, соответственно, реально восстанавливать право участников арбитражного судопроизводства на правильное и своевременное исполнение решения суда предусмотренная ею индексация.

**НЕОБХОДИМО ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ
НА ДИНАМИКУ ПОДХОДА ЗАКОНОДАТЕЛЯ
И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ
К ИНДЕКСАЦИИ**

**СЛУЧАИ ИНДЕКСАЦИИ В ПРАКТИКЕ
АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ БЫЛИ КРАЙНЕ
РЕДКИ. ИСКЛЮЧЕНИЯ СОСТАВЛЯЛИ
СИТУАЦИИ, КОГДА СТОРОНЫ
ПРЕДУСМОТРЕЛИ ИНДЕКСАЦИЮ
В СОГЛАШЕНИИ.
В 2021 Г. ОБОЗНАЧИЛСЯ ПОВОРОТ.
КС РФ СФОРМИРОВАЛ НОВУЮ ПОЗИЦИЮ,
СОГЛАСНО КОТОРОЙ Ч. 1 СТ. 183
АПК РФ ПРИЗНАНА НЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ
Ч. 1 СТ. 46 КОНСТИТУЦИИ РФ**

¹ Изменения внесены Федеральным законом от 11.06.2022 № 177-ФЗ «О внесении изменения в статью 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». Начало действия новой редакции — 22 июня 2022 г.

² Определение КС РФ от 06.10.2008 № 738-О-О.

В п. 5 принятого КС РФ Постановления указано, что впредь до внесения в действующее правовое регулирование изменений, вытекающих из данного Постановления, арбитражным судам в целях реализации ч. 1 ст. 183 АПК РФ, когда условия и размер индексации присужденных денежных сумм не установлены федеральным законом, признаваемым судом как основание для проведения такой индексации, или договором, надлежит использовать в качестве критерия осуществления индексации официальную статистическую информацию об индексе потребительских цен (тарифов) на товары и услуги в Российской Федерации, которая размещается в сети

В ЦЕЛЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КС РФ В СТ. 183 АПК РФ ВНЕСЕНЫ ИЗМЕНЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ

Интернет на официальном сайте федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по формированию официальной статистической информации о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах Российской Федерации.

В целях реализации Постановления КС РФ в ст. 183 АПК РФ внесены изменения и уточнения:

- 1) индексации подлежат денежные суммы, присужденные судом;
- 2) индексация производится судом в любом случае вне зависимости от того, предусмотрено ли законом или договором право на нее;
- 3) присужденные денежные суммы индексируются со дня вынесения решения суда или, если решением суда предусмотрена выплата присужденной денежной суммы в предстоящем периоде, с момента, когда такая выплата должна была быть произведена. Иное может быть установлено федеральным законом;
- 4) для индексации используется официальная статистическая информация об индексе потребительских цен (тарифов) на товары и услуги в Российской Федерации, размещаемая на официальном сайте федерального органа исполнительной

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ СТ. 183 АПК РФ НЕ РЕШАЕТ РЯД ВОПРОСОВ, КОТОРЫЕ ВОЗНИКАЮТ НА ПРАКТИКЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПОЗИЦИЙ КС РФ

власти, осуществляющего функции по формированию официальной статистической информации о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах в Российской Федерации, в сети Интернет. Иное может быть предусмотрено федеральным законом или договором.

Между тем новая редакция ст. 183 АПК РФ не решает ряд вопросов, которые возникают на практике при применении позиций КС РФ.

Рассмотрим наиболее актуальные из них.

1. О правовой природе индексации присужденных денежных сумм

Индексацию справедливо называют механизмом возмещения потерь кредитора. Вместе с тем гражданскому обороту известны и другие механизмы: взыскание убытков, применение мер ответственности, имеющих зачетный характер по отношению к убыткам, заранее оцененные убытки и возмещение потерь по правилам ст. 406.1 Гражданского кодекса (ГК) РФ; при более широком взгляде на потери кредитора можно также назвать проценты за пользование кредитом (ст. 809, 823 ГК РФ) и проценты за пользование денежными средствами (ст. 317.1 ГК РФ). В то же время обращают на себя внимание слова «индексация *присужденных* денежных сумм», что требует оценки индексации с публично-правовой точки зрения: как штрафа за неисполнение судебного акта. Соотнося индексацию с иными способами восстановления имущественного положения кредитора, уверенно можно обозначить как минимум два подхода.

СООТНОСЯ ИНДЕКСАЦИЮ С ИНЫМИ СПОСОБАМИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЕДИТОРА, УВЕРЕННО МОЖНО ОБОЗНАЧИТЬ КАК МИНИМУМ ДВА ПОДХОДА

Согласно **первому** механизм индексации и иные гражданско-правовые инструменты, направленные на восстановление имущественного положения кредитора, которое было умалено вследствие нарушения обязательства, имеют различную правовую природу, а значит, могут применяться одновременно и независимо друг от друга.

Как следует из комментария И.К. Пискарева к ст. 208 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ, индексация взысканных судом денежных сумм — это механизм, направленный на защиту имущественных интересов взыскателя от инфляционных процессов в период от момента вынесения решения до его реального исполнения, а также на защиту должника от экономической ситуации, влияющей на укрепление денежной расчетной единицы³.

Согласно позиции КС РФ в части оценки ст. 208 ГПК РФ⁴ индексация является «процессуальной гарантией защиты имущественных интересов взыскателя и должника от инфляционных процессов в период с момента вынесения судебного решения до его реального исполнения».

СОГЛАСНО ПОЗИЦИИ КС РФ В ЧАСТИ ОЦЕНКИ СТ. 208 ГПК РФ ИНДЕКСАЦИЯ ЯВЛЯЕТСЯ «ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ГАРАНТИЕЙ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ВЗЫСКАТЕЛЯ И ДОЛЖНИКА ОТ ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПЕРИОД С МОМЕНТА ВЫНЕСЕНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ДО ЕГО РЕАЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ»

³ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Жуйкова, М.К. Треушников. М., 2007. С. 1007.

⁴ Определение КС РФ от 20.03.2008 № 244-О-П.

Таким образом, индексация в первую очередь рассматривается **как экономический инструмент**, направленный на восполнение инфляционных потерь, восстановление покупательной способности денежных средств на момент ее присуждения. Данный вывод обнаруживается и в одном из определений Верховного Суда (ВС) РФ применительно к ст. 208 ГПК РФ⁵, при этом единственным основанием для проведения индексации является сам факт несвоевременной уплаты присужденной суммы полностью или в части.

Не ограничиваясь экономической характеристикой индексации и отделяя ее от **гражданско-правовых мер восполнения потерь** кредитора (которые, несомненно, также имеют экономическую составляющую⁶), важно обратить внимание

ИНДЕКСАЦИЯ ПРИСУЖДЕННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СУММ НЕ ЗАВИСИТ ОТ ВИНЫ ДОЛЖНИКА, ОТ ВОЛИ И ПОВЕДЕНИЯ СТОРОН (ТОЛЬКО УПЛАТА ЗАДОЛЖЕННОСТИ ОСТАНАВЛИВАЕТ НАЧИСЛЕНИЕ ИНДЕКСАЦИИ); ОНА ПРИМЕНЯЕТСЯ АВТОМАТИЧЕСКИ

на то, что индексация присужденных денежных сумм *не зависит от вины должника, от воли и поведения сторон* (только уплата задолженности останавливает начисление индексации); она применяется автоматически.

Если взглянуть с иной стороны, то в отличие от ст. 183 АПК РФ ст. 395 ГК РФ предусматривает ответственность за пользование чужими денежными средствами вследствие их не-

правомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их оплате либо неосновательное получение или сбережение за счет другого лица в виде уплаты процентов на сумму этих средств.

Проценты, взыскиваемые по правилам ст. 395 ГК РФ, являются мерой ответственности за нарушение денежного обязательства и экономически привязаны к ключевой ставке Банка России, определяющей ставки межбанковского кредитования и депонирования денежных средств в ЦБ РФ. Эта ставка позволяет определить минимальный доход, получаемый кредитором при размещении денежных средств в финансовых организациях. Неполучение такого дохода по причине просрочки должником возврата кредитором денежных средств является упущенной выгодой кредитора. Между тем механизм, предусмотренный ст. 183 АПК РФ, является защитой от инфляции, которая приводит к реальному ущербу — снижению покупательной способности денежных средств. Этот ущерб возникает всегда при существовании инфляции, независимо от того, размещает он денежные средства для получения пассивного дохода либо нет.

Также необходимо учитывать, что проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, носят зачетный характер по отношению к убыткам кредитора и не могут быть взысканы в случае, когда взысканию за то же нарушение подлежит неустойка (пени, штраф)

⁵ Определение ВС РФ от 14.07.2015 № 34-КГ15-9.

⁶ Так, например, если индексация служит цели восстановления покупательной способности, то проценты, рассчитываемые по правилам ст. 395 ГК РФ, компенсируют не только и не столько покупательную способность денег как средства платежа, а минимальный доход, который лицо получило бы, используя деньги в обороте, например разместив их в качестве вклада.

(ст. 394, п. 4 ст. 395 ГК РФ). Индексация, исходя из положений ст. 183 АПК РФ, применяется в любом случае вне зависимости от применения мер ответственности, и для ее применения достаточно волеизъявления взыскателя.

Индексацию допустимо также оценивать с позиции **мер, направленных на понуждение к исполнению судебного акта**. КС РФ указывает⁷, что индексация — это один из способов *компенсации за неправомерную задержку исполнения судебного решения*, которая должна рассматриваться как нарушение права на справедливое правосудие в разумные сроки», «это механизм, позволяющий полностью возместить потери взыскателя от *длительного неисполнения судебного решения* в условиях инфляционных процессов в государстве».

Именно такой взгляд на индексацию транслирует ВС РФ. В одном из недавних определений⁸ отмечено, что индексация взысканных судом денежных сумм имеет целью восстановление покупательной способности причитающихся взыскателю по решению суда денежных средств в период исполнения должником данного решения, без чего ставилось бы под сомнение само право взыскателя на судебную защиту, означающее возможность не только обратиться в суд, но и получить не формальную, а реальную защиту нарушенных прав и свобод.

ВС РФ также указал, что по своей правовой природе индексация присужденных денежных сумм представляет собой упрощенный порядок возмещения взыскателю финансовых потерь, вызванных несвоевременным исполнением должником решения суда. При этом индексация не является мерой гражданско-правовой ответственности должника за ненадлежащее исполнение денежного обязательства, служит лишь дополнительной гарантией защиты прав взыскателя и не препятствует возможности возмещения таких финансовых потерь по правилам, предусмотренным нормами материального права, в частности путем предъявления самостоятельного требования о применении способа защиты от убытков из-за инфляции в зависимости от вида спорного правоотношения на основании п. 2 ст. 317, ст. 393, 394 и 395 ГК РФ.

Расположение правил об индексации именно в процессуальном законодательстве также косвенно указывает на публично-правовой элемент в данном способе восполнения потерь кредитора.

**ИНДЕКСАЦИЯ, ИСХОДЯ ИЗ ПОЛОЖЕНИЙ
СТ. 183 АПК РФ, ПРИМЕНЯЕТСЯ
В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ,
И ДЛЯ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ
ДОСТАТОЧНО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ
ВЗЫСКАТЕЛЯ**

**РАСПОЛОЖЕНИЕ ПРАВИЛ
ОБ ИНДЕКСАЦИИ ИМЕННО
В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ТАКЖЕ КОСВЕННО УКАЗЫВАЕТ
НА ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ЭЛЕМЕНТ
В ДАННОМ СПОСОБЕ ВОСПОЛНЕНИЯ
ПОТЕРЬ КРЕДИТОРА**

⁷ Определение КС РФ от 06.10.2008 № 738-О-О.

⁸ Определение ВС РФ от 30.06.2022 № 305-ЭС21-24614.

Сравним индексацию с такой мерой понуждения к исполнению судебного акта, как астрент (судебная неустойка). Они не идентичны. Если астрент носит штрафной характер и основанием для его начисления является неисполнение судебного акта о понуждении к совершению / воздержанию от совершения определенных действий, то индексация, не являясь мерой ответственности, выступает дополнительной экономической гарантией, направленной не только на обеспечение защиты прав взыскателя посредством восстановления его имущественного положения до состояния, в котором лицо находилось бы, если бы нарушение не произошло (например, был бы вовремя возвращен долг), но и на стимулирование его к скорому исполнению судебного акта.

Стоит отметить, что некоторое время в арбитражной практике существовал механизм восполнения потерь, вызванных нарушением исполнения денежных обязательств. Пунктом 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта»⁹ предусматривалась возможность применения п. 1 ст. 395 ГК РФ к любому денежному требованию, вытекающему из гражданских отношений, а также к судебным расходам: допускалось начисление процентов на всю присужденную судом денежную сумму (включая суммы неустоек, убытков и т.п.) *как следствие неисполнения судебного акта*. По механизму присуждения взыскание таких процентов было аналогично применению астрента по неденежным обязательствам, а ст. 395 ГК РФ применялась в качестве формулы, по которой рассчитывался размер присуждаемой суммы процентов, начисляемых с момента вступления судебного акта в законную силу и до его фактического исполнения.

Отмена данного разъяснения была вызвана тем, что ВС РФ сформирована позиция о недопустимости применения астрента к денежным требованиям, поскольку в отношении таких требований не могут применяться правила о понуждении к исполнению в натуре (денежные средства должника могут быть списаны со счетов в принудительном порядке, а тогда, когда они отсутствуют, допускается обращение взыскания на имущество в ходе исполнительного производства или инициирование процедуры банкротства)¹⁰.

**АПК РФ НЕ ПРЕДУСМАТРИВАЕТ
ОСНОВАНИЙ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ РАЗМЕРА
ИНДЕКСАЦИИ, КОТОРАЯ МОЖЕТ БЫТЬ
ПРИСУЖДЕНА С МОМЕНТА ПРИСУЖДЕНИЯ
ДЕНЕЖНЫХ СУММ ДО МОМЕНТА
ФАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛНЕНИЯ.
ЕДИНСТВЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ
УМЕНЬШИТЬ – НАЛИЧИЕ ПРИЗНАКОВ
НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ВЗЫСКАТЕЛЯ**

Необходимо обратить внимание также на то, что АПК РФ не предусматривает оснований для снижения размера индексации, которая может быть присуждена с момента присуждения денежных сумм до мо-

⁹ Не применяется с момента принятия Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹⁰ Данный подход нашел отражение в п. 30 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

мента фактического исполнения. Единственная возможность ее уменьшить — наличие признаков недобросовестного поведения взыскателя (например, предъявление требования об индексации за долгий срок неисполнения решения). Вместе с тем, учитывая двойственный характер индексации — экономический механизм восполнения потерь и процессуальный механизм понуждения к исполнению судебного акта, — встает вопрос о правовых основаниях отказа в ее присуждении: применения правил п. 3, 4 ст. 1, ст. 10 ГК РФ и/или правил ст. 111 АПК РФ.

Таким образом, **индексация не зависит от наличия или отсутствия вины должника, воли и поведения сторон, не является экономической санкцией¹¹ или мерой ответственности, а представляет собой лишь экономический инструмент восполнения инфляционных потерь кредитора**, поэтому не исключает взыскания иных сумм, например убытков, процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ, неустойки или компенсации за нарушение права на судопроизводство или исполнительное производство в разумный срок¹², и, значит, может быть начислена также на эти суммы.

ИНДЕКСАЦИЯ НЕ ЗАВИСИТ ОТ НАЛИЧИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ ВИНЫ ДОЛЖНИКА, ВОЛИ И ПОВЕДЕНИЯ СТОРОН, НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ САНКЦИЕЙ ИЛИ МЕРОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, А ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ЛИШЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ВОСПОЛНЕНИЯ ИНФЛЯЦИОННЫХ ПОТЕРЬ КРЕДИТОРА

Согласно **второму подходу** индексация конкурирует с требованием о взыскании процентов по правилам ст. 395 ГК РФ (неустойки) и не может взыскиваться наряду с процентами, так как совместное взыскание приводит к двойному покрытию экономических потерь должника.

Не оспаривая различную правовую квалификацию данных способов восполнения потерь кредитора, нельзя игнорировать экономическое содержание мер. Предполагается, что начисление процентов (неустойки) по день фактического исполнения обязательства по ключевой ставке Банка России, отражающей стоимость денег во времени, охватывает собой все экономические потери, возникающие в связи с несвоевременным исполнением денежного обязательства и с учетом категории субъектов арбитражного процесса ст. 395 ГК РФ (неустойка) по отношению к индексации выступает альтернативным способом защиты прав кредитора от инфляционных колебаний. Соответственно, если имеется решение суда о взыскании в пользу кредитора процентов по правилам ст. 395 ГК РФ или неустойки,

¹¹ Пункт 7 Обзора судебной практики ВС РФ от 28.05.2008 «Обзор законодательства и судебной практики ВС РФ за I квартал 2008 года»: «Индексация денежных сумм, подлежащих взысканию с ответчика, — это механизм приведения присужденной суммы в соответствие с уровнем цен и стоимостью жизни, сложившимися на день реального исполнения должником своего обязательства. Вина должника не является условием, при котором производится индексация суммы причиненного вреда, поскольку применение индексов роста цен направлено не на усиление экономических санкций в отношении должника, а на правильное определение размера реального и полного возмещения вреда при рассмотрении спора в суде».

¹² Пункт 62 Постановления Пленума ВС РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: «Индексация присужденных денежных сумм, произведенная по правилам ст. 208 ГПК РФ, ст. 183 АПК РФ в связи с неисполнением судебного акта, не лишает права требовать присуждения компенсации по Закону о компенсации».

С УЧЕТОМ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТОВ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА СТ. 395 ГК РФ (НЕУСТОЙКА) ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНДЕКСАЦИИ ВЫСТУПАЕТ АЛЬТЕРНАТИВНЫМ СПОСОБОМ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРА ОТ ИНФЛЯЦИОННЫХ КОЛЕБАНИЙ. СООТВЕТСТВЕННО, ЕСЛИ ИМЕЕТСЯ РЕШЕНИЕ СУДА О ВЗЫСКАНИИ В ПОЛЬЗУ КРЕДИТОРА ПРОЦЕНТОВ ПО ПРАВИЛАМ СТ. 395 ГК РФ ИЛИ НЕУСТОЙКИ, КРЕДИТОР УТРАЧИВАЕТ ПРАВО НА ЗАЯВЛЕНИЕ ТРЕБОВАНИЯ ОБ ИНДЕКСАЦИИ

кредитор утрачивает право на заявление требования об индексации. И напротив, если присуждена индексация, то требование о применении мер ответственности, начисление которых будет производиться с момента вынесения решения судом, необходимо либо удовлетворять за вычетом сумм индексации, либо вовсе в них отказывать. Взыскание процентов по правилам ст. 395 ГК РФ (неустойки), начисленных до момента вынесения решения судом, должно производиться без каких-либо изъятий.

2. Индексация и исковая давность

В связи с тем, что действующим законодательством не установлен срок, в течение которого взыскатель может обратиться с требованием об индексации присужденной денежной суммы, встает вопрос о порядке применения к требованиям об индексации срока исковой давности. Ответ на данный вопрос зависит от выбора подхода к правовой природе индексации.

ЕСЛИ ПРИЗНАТЬ, ЧТО ИНДЕКСАЦИЯ ЯВЛЯЕТСЯ АБСОЛЮТНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕРОЙ И МОЖЕТ БЫТЬ ПРИМЕНЕНА К ЛЮБЫМ ДЕНЕЖНЫМ ТРЕБОВАНИЯМ, ТО ВОЗМОЖНО ПРИЙТИ К ВЫВОДУ, ЧТО СРОК ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ТРЕБОВАНИЯ ОБ ИНДЕКСАЦИИ НЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ

Если признать, что индексация является абсолютной экономической мерой и может быть применена к любым денежным требованиям, то возможно прийти к выводу, что срок исковой давности на предъявление требования об индексации не распространяется. Тот же вывод сохраняется при квалификации индексации как меры понуждения к исполнению судебного акта. Вывод об отсутствии каких-либо ограничений срока индексации об-

наруживается и в судебной арбитражной практике¹³. Важно учитывать, что данное требование рассматривается в том же процессе, в котором разрешен вопрос о присуждении денежных сумм взыскателю, и во многом является производным от основного требования кредитора. В обратном случае последует вывод, что требование

¹³ Из этого подхода исходит судебная практика: см., напр.: постановление АС Московского округа от 18.05.2022 по делу № А40-114867/2016. Также данной позиции придерживается судебная практика судов общей юрисдикции, см., напр.: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.04.2020 № 88-4142/2020. Подход поддержан в ряде научных публикаций, см., напр.: Кухарь А. Индексация как эффективный способ защиты от неисполнения судебного акта и инфляционных потерь // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

об индексации должно рассматриваться в исковом производстве, что не соответствует ст. 183 АПК РФ.

Заявить об индексации можно только до окончания исполнительного производства. Значит, до окончания исполнительного производства фактическим исполнением давность по требованию об индексации не течет. В то же время право на индексацию может быть ограничено исполнительской давностью. Пропуск срока на предъявление исполнительного листа к исполнению блокирует право на заявление требования об индексации присужденных денежных сумм.

Как отмечено ранее, индексация может быть произведена судом до момента исполнения судебного акта.

**ПРОПУСК СРОКА НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА
К ИСПОЛНЕНИЮ БЛОКИРУЕТ
ПРАВО НА ЗАЯВЛЕНИЕ ТРЕБОВАНИЯ
ОБ ИНДЕКСАЦИИ ПРИСУЖДЕННЫХ
ДЕНЕЖНЫХ СУММ**

3. Момент, с которого подлежат индексации присужденные денежные суммы

Еще одним острым вопросом является вопрос о моменте, с которого подлежат индексации присужденные денежные суммы, а также о том, изменится ли подход к определению такого момента в случае индексации денежных средств, взыскиваемых за счет средств бюджета.

Некоторое время в судебной практике наблюдались различные подходы:

1) индексация возможна только с момента вступления решения в законную силу, ибо «возложение на должника судебным решением исполнения обязательства» (п. 3 мотивировочной части Постановления КС РФ от 22.07.2021 № 40-П) происходит только с момента вступления решения в законную силу. КС РФ однозначно связывает индексацию с последствиями неисполнения судебного решения, выводит ее из обязательности судебного решения — все эти характеристики имеют место только с момента вступления решения в законную силу.

В Определении ВС РФ от 11.04.2016 № 66-КГ16-1 сделан вывод, что правила об индексации присужденных денежных сумм не применяются, если на момент разрешения спора отсутствует вступивший в законную силу судебный акт, который не исполнялся ответчиком;

2) индексация производится за период с момента присуждения судом денежных сумм до момента фактического исполнения решения суда. Моментом присуждения денежных сумм является *день вынесения судебного акта об их взыскании*, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, т.е. с даты вынесения судебного решения¹⁴.

¹⁴ Подход помимо судебной практики поддержан в ряде научных публикаций, см., напр.: Корнилов Э.Г. Проблематика применения индексации присужденных денежных сумм в рамках гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 7; Лесницкая Л.Ф., Забрамная Н.Ю. Индексация взысканных судом денежных сумм. М., 2019.

В п. 9 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2015)¹⁵ указано, что не имеет значения момент вступления решения суда в законную силу, поскольку процессуальные аспекты, связанные со вступлением решения суда в силу, лишь служат гарантией соблюдения его законности, не влияя при этом на права участников спора, в отношении которых был вынесен акт правосудия, подтвердивший на дату своего принятия существование соответствующего права. Также в Определении КС РФ от 29.03.2016

ОТВЕТ НА ВОПРОС О МОМЕНТЕ НАЧАЛА ИНДЕКСАЦИИ ПРИСУЖДЕННЫХ СУММ, ВЗЫСКИВАЕМЫХ ПО ПРАВИЛАМ БЮДЖЕТНОГО КОДЕКСА (БК) РФ, ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПОКА НЕ НАШЕЛ

ного кодекса (БК) РФ, окончательного решения в судебной практике пока не нашел. В чем сложность?

БК РФ установлен особый порядок исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, в частности: оно производится в течение трех месяцев со дня поступления исполнительных документов на исполнение (п. 2 ст. 242.1, п. 6 ст. 242.2).

В положениях главы 241 БК РФ просматривается так называемое отсутствие возможности для органов казначейства добровольно исполнить судебный акт до пода-

В ПОЛОЖЕНИЯХ ГЛАВЫ 241 БК РФ ПРОСМАТРИВАЕТСЯ ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ОТСУТВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ОРГАНОВ КАЗНАЧЕЙСТВА ДОБРОВОЛЬНО ИСПОЛНИТЬ СУДЕБНЫЙ АКТ ДО ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЯ ВЗЫСКАТЕЛЕМ. В 2015 Г. ВС РФ ПРЯМО ВЫСКАЗАЛСЯ О ТОМ, ЧТО ИНДЕКСАЦИЯ ПРИСУЖДЕННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СУММ В ПОДОБНЫХ СЛУЧАЯХ НЕ ПРОИЗВОДИТСЯ ЗА ПЕРИОД ДО ИСТЕЧЕНИЯ ТРЕХМЕСЯЧНОГО СРОКА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 242.2 БК РФ

№ 703-О сказано, что *возможность взыскателя обратиться в суд с заявлением об индексации денежных сумм возникает у него именно с того момента, когда эти суммы были ему фактически присуждены, т.е. с момента вынесения решения суда.*

Ответ на вопрос о моменте начала индексации присужденных сумм, взыскиваемых по правилам Бюджет-

чи заявления взыскателем. В 2015 г. ВС РФ прямо высказался о том, что индексация присужденных денежных сумм в подобных случаях не производится за период до истечения трехмесячного срока, предусмотренного ст. 242.2 БК РФ¹⁶.

На необходимость активных действий со стороны самого взыскателя в вопросе исполнения судебных актов по правилам бюджетного законодательства также обращал внимание КС РФ¹⁷.

Более того, обосновывая взгляд на индексацию как меру понуждения

¹⁵ Утвержден Президиумом ВС РФ 04.03.2015.

¹⁶ Вопрос № 3 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2015). Также см.: Определения СКЭС ВС РФ от 06.08.2015 по делу № 308-ЭС15-3667, СКГД ВС РФ от 14.03.2016 № 78-КГ15-47, от 16.05.2016 № 41-КГ16-3 (п. 7 раздела V «Процессуальные вопросы» Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 от 19.10.2016).

¹⁷ Определение КС РФ от 13.02.2018 № 249-О.

к исполнению судебного акта, а также учитывая специальный механизм исполнения актов по правилам бюджетного законодательства и отсутствие так называемой добровольности, также видно, что индексация за неисполнение судебного акта возможна только после истечения установленного БК РФ трехмесячного срока.

Однако может быть обоснован и иной подход: индексация должна производиться без каких-либо изъятий с момента объявления резолютивной части судом. Истечение трехмесячного срока, установленного п. 6 ст. 242.2 БК РФ, для целей применения индексации не имеет значения.

Доводы в поддержку данного подхода следующие.

1. Индексация не является мерой гражданско-правовой ответственности должника; ее применение, как обосновано выше, не зависит от воли, действий и вины кредитора и должника. Единственным основанием ее начисления является объективное уменьшение стоимости денежных средств вследствие инфляции.
2. При рассмотрении споров применяется принцип равенства участников судопроизводства, специальное регулирование механизма индексации в случае обращения взыскания на средства бюджетов в законе отсутствует.

Обращает на себя внимание один нюанс. В постановлениях 2021 г., посвященных индексации, КС РФ не высказывался относительно порядка ее применения в случае обращения взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Вместе с тем в пояснительных записках к Федеральным законам от 16.04.2022 № 98-ФЗ «О внесении изменения в статью 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» и от 11.06.2022 № 177-ФЗ «О внесении изменения в статью 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», принятие которых было направлено на реализацию вышеназванных постановлений КС РФ, указывалось: так как БК РФ не предусматривает добровольного исполнения судебных актов до поступления исполнительного документа в орган, уполномоченный его исполнять. Заявитель длительным непредставлением исполнительного листа к исполнению может способствовать увеличению периода индексации и размера компенсации.

В целях учета особенностей порядка исполнения судебных решений публично-правовыми образованиями проектируе-

В ЦЕЛЯХ УЧЕТА ОСОБЕННОСТЕЙ ПОРЯДКА ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ ПРОЕКТИРУЕМЫМИ СТ. 208 ГПК РФ, Ч. 11 СТ. 183 АПК РФ ПРЕДЛАГАЛОСЬ УСТАНОВИТЬ, ЧТО ИНДЕКСАЦИЯ ПРИСУЖДЕННЫХ СУДОМ ДЕНЕЖНЫХ СУММ НЕ ПРОИЗВОДИТСЯ В ПЕРИОД С МОМЕНТА ВСТУПЛЕНИЯ В ЗАКОННУЮ СИЛУ СУДЕБНОГО АКТА ОБ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА СРЕДСТВА БЮДЖЕТОВ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, А ТАКЖЕ СРЕДСТВА БЮДЖЕТНЫХ (АВТОНОМНЫХ) УЧРЕЖДЕНИЙ И ДО ИСТЕЧЕНИЯ СРОКА ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ, УСТАНОВЛЕННОГО БЮДЖЕТНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

мыми ст. 208 ГПК РФ, ч. 11 ст. 183 АПК РФ предлагалось установить, что индексация присужденных судом денежных сумм не производится в период с момента вступления в законную силу судебного акта об обращении взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также средства бюджетных (автономных) учреждений и до истечения срока его исполнения, установленного бюджетным законодательством Российской Федерации.

Однако в итоговые редакции законов соответствующие изъятия для случаев обращения взыскания на средства бюджетов бюджетной системы не вошли.

3. Довод об отсутствии в БК РФ правил о добровольном исполнении судебных актов до подачи заявления взыскателем поддерживается в судебной практике не во всех случаях.

Так, в п. 17 и 19 Постановления Пленума ВС РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» изложены подходы, устанавливающие различие во взыскании процентов, установленных ст. 395 ГК РФ в зависимости от вида правоотношений: трехмесячный срок учитывается при взыскании сумм о возмещении вреда и процентов, начисляемых на данные суммы по правилам ст. 395 ГК РФ; и, напротив, не имеет значения при исполнении судебного акта по денежным обязательствам должника, возникшим из государственных (муниципальных) контрактов.

4. Индексация денежных сумм производится с момента объявления резолютивной части, т.е. в любом случае до момента вступления решения суда в законную силу

(в отличие от практики применения мер ответственности по требованиям о возмещении вреда в денежной форме) и выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение¹⁸.

ПОДХОД ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ПЕРИОДА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО БК РФ ДЛЯ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО АКТА, ФАКТИЧЕСКИ ИСКЛЮЧАЕТ ПЕРИОД ВСТУПЛЕНИЯ СУДЕБНОГО АКТА В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПЛЮС ТРИ МЕСЯЦА НА ЕГО ИСПОЛНЕНИЕ, ЧТО ТАКЖЕ СОЗДАЕТ НЕРАВЕНСТВО В ЗАЩИТЕ ПРАВ РАЗНЫХ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Необходимо учитывать, что подход об исключении периода, предусмотренного БК РФ для исполнения судебного акта, фактически исключает период вступления судебного акта в законную силу плюс три месяца на его исполнение, что также создает неравенство в защите прав разных участников гражданского оборота.

5. Взыскатель не может быть ограничен в праве на выбор момента предъявления исполнительного листа к исполнению. Иное приводило бы к необоснованному ограничению его прав.

¹⁸ Определение КС РФ от 29.03.2016 № 703-О.

Вместе с тем для обеспечения баланса интересов как взыскателя, так и должника, требование к которому исполняется в порядке, установленном БК РФ, можно допустить подход, который закреплен применительно к требованиям о взыскании за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: суд независимо от ходатайства взыскателя должен направить исполнительный лист в органы казначейства¹⁹. Тем не менее подобное решение возможно только в случае прямого указания на это в законе²⁰.

4. Расчет индексации и отрицательная инфляция (дефляция)

В завершение остановимся на спорных вопросах расчета индексации.

В ранее действовавшем Законе РСФСР от 24.10.1991 № 1799-1 «Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР» содержалось легальное понятие индексации. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Закона индексация — это установленный государством механизм увеличения денежных доходов и сбережений граждан в связи с ростом потребительских цен. Цель индексации — поддержание покупательной способности денежных доходов и сбережений граждан. Для индексации использовался индекс потребительских цен (ИПЦ) на продовольственные и непродовольственные товары, а также платные услуги (ч. 1 ст. 3 Закона).

Именно такой подход был воспринят судами при решении вопроса о взыскании суммы индексации: индексация может производиться только в сторону увеличения взыскиваемой суммы, иное нарушало бы права взыскателя, который вправе извлекать выгоду из увеличения покупательной способности присужденных ему денежных средств²¹, что не исключает использования при расчете индексации также отрицательных показателей²².

Еще одним доводом в пользу данного подхода является то, что в арбитражном процессе правом на заявление об индексации обладает только взыскатель, тогда как в ГПК РФ таким правом обладают также должник и судебный пристав-исполнитель (ст. 208, 434 ГПК РФ), а, следовательно, сам ГПК РФ предусматривает, что имущественные интересы должника могут защищаться только от дефляционных, а не от инфляционных процессов²³.

В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ ПРАВОМ НА ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ИНДЕКСАЦИИ ОБЛАДАЕТ ТОЛЬКО ВЗЫСКАТЕЛЬ, ТОГДА КАК В ГПК РФ ТАКИМ ПРАВОМ ОБЛАДАЮТ ТАКЖЕ ДОЛЖНИК И СУДЕБНЫЙ ПРИСТАВ-ИСПОЛНИТЕЛЬ (СТ. 208, 434 ГПК РФ), А, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, САМ ГПК РФ ПРЕДУСМАТРИВАЕТ, ЧТО ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ДОЛЖНИКА МОГУТ ЗАЩИЩАТЬСЯ ТОЛЬКО ОТ ДЕФЛЯЦИОННЫХ, А НЕ ОТ ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

¹⁹ Пункт 3 Постановления Пленума ВС РФ от 28.05.2019 № 13.

²⁰ Часть 3.1 ст. 353 Кодекса административного судопроизводства РФ, абз. 2 ч. 3 ст. 319 АПК РФ, абзац четвертый п. 2 ст. 242.1 БК РФ.

²¹ См.: *Добровинская А.В.* Индексация денежных средств как способ защиты гражданских прав // *Гражданское право.* 2016. № 5.

²² См., например, расчет по делу № А65-18094/2020 Арбитражного суда Республики Татарстан.

²³ См.: *Кухарь А.* Указ. соч.

Росстат разрабатывает показатель ИПЦ, который используется в качестве одного из основных показателей, характеризующих изменение во времени общего уровня цен на товары и услуги, приобретаемые населением для непроизводственного потребления, соответственно, показывает уровень инфляции в Российской Федерации.

Как указывается в отчете о порядке определения ИПЦ, размещенном на сайте Росстата²⁴, ИПЦ выборочно включает группы (виды) продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, наиболее часто потребляемых населением, охватывая около 700 тыс. котировок цен и тарифов, более 83 тыс. организаций розничной торговли и сферы услуг. Регистрация цен и тарифов на товары и услуги производится ежемесячно с 21-го по 25-е число отчетного месяца. В 2021 г. наблюдение осуществлялось на 556 наименований (видов) товаров и услуг в 282 городах на территории всех субъектов Российской Федерации. Потребительская цена является конечной ценой потребления и включает в себя НДС, акциз, налог с продаж и другие косвенные налоги, а также затраты и прибыль организаций товаропроводящей сети.

Росстат разрабатывает четыре показателя: общий ИПЦ на базе индексов в отношении продовольственных и непродовольственных товаров, а также услуг.

СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ ВС РФ ПОДДЕРЖАН ЗАЯВИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ПРЕДСТАВИЛ РАСЧЕТ ИНДЕКСАЦИИ ПО ОБЩЕФЕДЕРАЛЬНОМУ ИНДЕКСУ

При этом устанавливаются федеральный индекс, индексы по федеральным округам и по субъектам Российской Федерации.

Каким же из названных индексов руководствоваться?

Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ поддержан заявитель, который представил расчет индексации по общефедеральному индексу²⁵.

Вместе с тем остался вопрос: может ли быть применен региональный индекс? С одной стороны, буквальная формулировка ст. 183 АПК РФ — «индекс цен на товары,

работы услуги в Российской Федерации» — приводит к выводу, что речь идет об одном индексе, и это общефедеральный индекс. С другой стороны, «индексами в Российской Федерации» являются и другие индексы, поскольку они применяются в этой стране. В 2008 г. ВС РФ отмечено, что по смыслу закона индексация подлежащих выплате в возмещение вреда денежных сумм с учетом ИПЦ в соответствующем

В 2008 Г. ВС РФ ОТМЕЧЕНО, ЧТО ПО СМЫСЛУ ЗАКОНА ИНДЕКСАЦИЯ ПОДЛЕЖАЩИХ ВЫПЛАТЕ В ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ДЕНЕЖНЫХ СУММ С УЧЕТОМ ИПЦ В СООТВЕТСТВУЮЩЕМ СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОЗВОЛЯЕТ ОБЕСПЕЧИТЬ БОЛЕЕ РЕАЛЬНУЮ ЗАЩИТУ ПРАВ ВЗЫСКАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ИНФЛЯЦИИ

²⁴ См.: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%98%D0%9F%D0%A6\(12\)_685900.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%98%D0%9F%D0%A6(12)_685900.pdf) (дата обращения: 14.12.2022).

²⁵ Определение ВС РФ от 09.08.2022 № 305-ЭС22-8800.

субъекте Российской Федерации позволяет обеспечить более реальную защиту прав взыскателя в условиях инфляции²⁶. Очевидно, что уровень потребительских цен разнится от региона к региону, так же как могут отличаться затраты кредитора, его убытки в зависимости от местности, в которой он осуществляет свою деятельность.

Если продолжать логику защиты интересов прежде всего кредитора, то также возможно уточнение: расчет индексации должен производиться на основании ИПЦ, определенных для региона проживания взыскателя. Данный подход коррелирует правилам ст. 316 ГК РФ о месте исполнения обязательства.

В упомянутом деле Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ обозначила главное: заявителю не может быть отказано в индексации, поскольку информация об ИПЦ является открытой, не требует доказывания и может быть проверена судом самостоятельно (ч. 1 ст. 69 АПК РФ). Отказ со ссылкой на неясность примененного индекса является необоснованным. Представляется, что в такой ситуации у заявителя может сохраняться право выбора индекса: регионального или общефедерального, которые могут быть проверены судом по данным Росстата.

При расчете индексации индексы (как положительные, так и отрицательные) перемножаются последовательно, от месяца к месяцу до месяца фактического исполнения решения. Но какой индекс применять, если исполнение решения происходит не в последний день месяца, а в любой другой, либо если задерживается публикация индексов за требуемый месяц?²⁷ Представляется, что подход может быть аналогичен подходу, занимаемому при взыскании сумм неустоек, рассчитываемых в зависимости от переменных, например ключевой ставки Банка России. Риск недоплаты суммы индексации при отсутствии индекса лежит на должнике.

**СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ
ВС РФ ОБОЗНАЧИЛА ГЛАВНОЕ:
ЗАЯВИТЕЛЮ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ
ОТКАЗАНО В ИНДЕКСАЦИИ, ПОСКОЛЬКУ
ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИПЦ ЯВЛЯЕТСЯ
ОТКРЫТОЙ, НЕ ТРЕБУЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ
И МОЖЕТ БЫТЬ ПРОВЕРЕНА СУДОМ
САМОСТОЯТЕЛЬНО. ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ,
ЧТО В ТАКОЙ СИТУАЦИИ У ЗАЯВИТЕЛЯ
МОЖЕТ СОХРАНЯТЬСЯ ПРАВО ВЫБОРА
ИНДЕКСА: РЕГИОНАЛЬНОГО ИЛИ
ОБЩЕФЕДЕРАЛЬНОГО, КОТОРЫЕ
МОГУТ БЫТЬ ПРОВЕРЕНЫ СУДОМ
ПО ДАННЫМ РОССТАТА**

Итак, изучение вопросов индексации присужденных денежных сумм показывает, что ключевым является определение природы индексации. Определенные шаги

²⁶ Определение ВС РФ от 25.12.2008 № 35-О08-48.

²⁷ Индексы потребительских цен на товары и услуги размещаются на официальном сайте Росстата на 6–10-й рабочий день после отчетного квартала. См.: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%98%D0%9F%D0%A6\(12\)_685900.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%98%D0%9F%D0%A6(12)_685900.pdf) (дата обращения: 14.12.2022).

к ее пониманию уже могут быть сделаны: необходимо различать экономическое и юридическое понимание индексации. С юридической точки зрения индексация не является мерой ответственности, при этом содержит в себе признаки механизма понуждения к исполнению судебного акта о взыскании денежных средств. Такой взгляд на индексацию тем более оправдан, что при низкой результативности исполнения судебных актов в России все более востребованными становятся меры, понуждающие должника к скорому исполнению. Нельзя отрицать и публично-правовой эффект индексации — уважение к судебному решению и повышение требований к его исполнению.

От ответа на вопрос о природе индексации зависят вопросы исковой давности по требованию о ее присуждении, порядка исчисления и возможности снижения суммы индексации. При этом важно помнить, что право на индексацию возникает у кредитора в силу вынесения судом решения о взыскании задолженности, не требует доказывания и обоснования.

Последствия признания сторонами обстоятельств гражданских дел и заключения соглашений в отношении обстоятельств дела в арбитражном процессе

В СТАТЬЕ ПРЕДПРИНЯТА ПОПЫТКА ОТВЕТА НА ВОПРОС О ТОМ, МОЖЕТ ЛИ СТОРОНА, СОВЕРШИВШАЯ ПРИЗНАНИЕ ИЛИ ЗАКЛЮЧИВШАЯ СОГЛАШЕНИЕ ПО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ДЕЛА, ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ЭТИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ. ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ АВТОР ПРИХОДИТ К ВЫВОДУ О ТОМ, ЧТО ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ПРИЗНАНИЯ СТОРОНЫ СУДОМ ПРОИСХОДИТ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ БЕССПОРНОГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА: СУД ИСХОДИТ В СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ТОМ, ЧТО ДАННЫЙ ФАКТ СУЩЕСТВУЕТ; СТОРОНА, КОТОРАЯ ОСНОВЫВАЕТ НА НЕМ СВОИ ТРЕБОВАНИЯ ИЛИ ВОЗРАЖЕНИЯ, ЕГО БОЛЬШЕ НЕ ДОКАЗЫВАЕТ; НО ПРИЗНАВШАЯ ФАКТ СТОРОНА ПРИ ЭТОМ НЕ ЛИШЕНА ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДСТАВЛЯТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ.

Ольга Николаевна Шеменова,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Воронежского государственного университета,
доктор юридических наук

Ключевые слова: суд, стороны, обстоятельства, признание,
бремя доказывания

DOI 10.46279/ASMO.2022.39.10.005

Институт признания сторонами обстоятельств гражданских дел, на которых другая сторона основывает свои требования и возражения, уже давно известен российской процессуальной науке и законодательству. Порядок совершения признания и его последствия регламентировались российским дореволюционным и советским законодательством. Положения, посвященные этому институту, содержат действующие Гражданский (ГПК) и Арбитражный (АПК) процессуальные кодексы и Кодекс административного судопроизводства (КАС) РФ. Статья 70 АПК и ст. 65

КАС РФ предусматривают также право сторон заключить соглашение по обстоятельствам дела.

Суд заносит признание обстоятельств в протокол судебного заседания, и оно удостоверяется подписями сторон. Если признание или соглашение по обстоятельствам дела изложены письменно, они приобщаются к материалам дела. После этого суд принимает признание, если у него нет оснований полагать, что оно совершено в целях сокрытия тех или иных фактов или под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения. При этом суд не обязан проявлять инициативу для получения доказательств подобных целей сторон¹.

Последствия признания обстоятельств гражданских дел сторонами заключаются в том, что противоположная сторона, основывающая на них свои требования или возражения, освобождается от обязанности по их доказыванию (ч. 2 ст. 68 ГПК, ч. 3 ст. 70

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ СТОРОНАМИ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ В ТОМ, ЧТО ПРОТИВОПОЛОЖНАЯ СТОРОНА, ОСНОВЫВАЮЩАЯ НА НИХ СВОИ ТРЕБОВАНИЯ ИЛИ ВОЗРАЖЕНИЯ, ОСВОБОЖДАЕТСЯ ОТ ОБЯЗАННОСТИ ПО ИХ ДОКАЗЫВАНИЮ

АПК РФ). В АПК и КАС РФ предусмотрено также то, как следует относиться к этим бесспорным обстоятельствам суду: он расценивает их в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания, и не проверяет в ходе дальнейшего производства по делу (ч. 2, 5 ст. 70 АПК, ч. 1 ст. 65 КАС РФ). Думается, что данное правило применимо и в отношении судов, рассматривающих дела по правилам ГПК РФ.

В плане сравнения интересно отметить, что в российском Уставе гражданского судопроизводства (УГС) 1884 г. порядку признания сторонами обстоятельств и принятия его судом посвящались девять статей: 112–114 Книги I и 479–484 Книги II, которые подробно регламентировали различные аспекты данного института.

Современные же процессуальные кодексы (и АПК РФ не является исключением) лишь в самом обобщенном виде регулируют принятие судом признательных объяснений лиц, участвующих в деле, обходя вниманием различные вопросы, связанные с их практическим применением в целях установления бесспорных обстоятельств гражданских дел. В рамках настоящей публикации остановимся на одном из наиболее существенных пробелов регулирования на примере арбитражного процессуального законодательства.

Данный пробел заключается в том, что процессуальное законодательство содержит указание лишь на то, какие последствия признания сторонами обстоятельств гражданских дел и достижения ими соглашений по обстоятельствам дела наступают в отношении, во-первых, стороны, на которой лежит бремя доказывания бесспорных фактов (повторим, она освобождается от обязанности по их доказыванию); и во-вторых, принявшего это признание или соглашение суда (он не проверяет признанные обстоятельства в ходе дальнейшего производства по делу). Вопрос же о том, какое значение

¹ См., напр.: Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И.В. Решетниковой. М., 2022.

имеют признания и соглашения по обстоятельствам гражданских дел для стороны, бремя доказывания на которую *не* возлагалось до совершения данного процессуального действия, законодатель оставляет открытым. Вплоть до настоящего времени нет ясности: *может ли сторона, совершившая признание или заключившая соглашение по обстоятельствам дела, отказаться от этих процессуальных действий? Или же после их принятия судом такой отказ невозможен?*

В истории российского процессуального законодательства и правоприменительной практики есть опыт противоположных ответов на данные вопросы.

Максимально четко последствия признания фактов были регламентированы в УГС 1864 г. Ученые этого периода рассматривали признание фактов как «одностороннюю процессуальную сделку, акт распоряжения процессуальными средствами защиты»². Поэтому тяжущийся, совершивший признание, не мог впоследствии доказывать, что оно не соответствует действительности, за исключением прямо указанных в ст. 481 УГС случаев: «1) когда признание относилось не к личным его действиям; и 2) когда он мог доказать, что был введен в заблуждение неведением такого обстоятельства, которое открылось впоследствии»³.

В советский период ответ на интересующий нас вопрос не представлял такой же актуальности, как сегодня. При этом ответ на него явно следовал из смысла действовавшего процессуального законодательства и правовой доктрины. Принимая во внимание, что целью доказывания в те годы провозглашалось установление действительных обстоятельств гражданских дел, указание стороны на то, что признанного ею обстоятельства не существует, влекло проверку со стороны суда и установление данного обстоятельства по общим правилам.

Сегодня обозначенный законодательный пробел в некоторой степени восполняется рекомендациями Высшего Арбитражного Суда РФ. На вопрос о том, вправе ли сторона после подписания соглашения о признании обстоятельств и принятия их арбитражным судом отказаться от признания этих обстоятельств, Суд указал, что из правила ст. 70 АПК РФ «не следует, что стороны или одна из сторон лишены возможности в судебном заседании, в котором исследуются доказательства по делу, сообщить суду о том, что соглашение о признании обстоятельств является ошибочным. Это возможно до объявления председательствующим в арбитражном суде первой инстанции рассмотрения дела по существу законченным. Данное сообщение, а также ранее подписанное сторонами соглашение о признании обстоятельств, оцениваются судом наряду с другими доказательствами, исходя из положений статьи 71 АПК РФ»⁴. Данное разъяснение используется в практике арбитражных судов и по сей день⁵.

При этом возможность в любой момент отказаться от признания, по существу ничем не отличающаяся от той, что существовала в советском гражданском процессе, уже

² Васильковский Е.В. Учебник русского гражданского процесса. М., 1917. С. 245.

³ Исаченко В.Л. Практический комментарий на вторую книгу Устава гражданского судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. С. 697–704.

⁴ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 99 «Об отдельных вопросах практики применения арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

⁵ См., напр.: постановления АС Московского округа от 22.05.2017 № Ф05-5496/2017 по делу № А41-75195/2016; АС Северо-Кавказского округа от 18.05.2021 № Ф08-3096/2021 по делу № А32-25781/2020.

долгое время подвергается критике и называется среди основных причин нечастого практического применения возможностей данного способа установления бесспорных обстоятельств гражданских дел⁶.

Действительно, ничем не ограниченная возможность совершившей признание стороны отказаться от него делает данное процессуальное действие бессмысленным и, более того, явно ущемляет права и интересы противоположной стороны, которая после принятия признания или утверждения соглашения по обстоятельствам дела имеет все основания полагать, что она теперь освобождена от обязанности доказывать соответствующие обстоятельства, и не предпринимает дальнейших действий по представлению иных доказательств в их подтверждение. Причем не исключено,

ВОЗМОЖНОСТЬ НЕМОТИВИРОВАННОГО ОТКАЗА СТОРОНЫ ОТ СОВЕРШЕННЫХ ЕЮ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ДОКАЗЫВАНИЯ БЕССПОРНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ, НЕ СООТВЕТСТВУЕТ СМЫСЛУ И НАЗНАЧЕНИЮ ДАННОГО ИНСТИТУТА

что подобные действия могут совершаться «признающей» стороной умышленно, например для того, чтобы воспрепятствовать своевременному представлению доказательств своим процессуальным противником.

Изложенное иллюстрирует, что возможность немотивированного отказа стороны от совершенных ею процессуальных действий, направленных на освобождение от доказывания бесспорных обстоятельств гражданских дел, не соответствует смыслу

и назначению данного института. Признания и соглашения сторон по обстоятельствам дела должны экономить их время, облегчать доказывание, способствовать примирению по отдельным вопросам, что, в свою очередь, повышает вероятность добровольного исполнения судебных актов. А немотивированный отказ от этих действий может, наоборот, послужить причиной затягивания сроков рассмотрения и разрешения дел, усложнить доказывание или просто не способствовать достижению тех целей, которые преследовались при их закреплении в процессуальном законе.

В связи с этим предложение определить признание как бесповоротное и связывающее признавшую сторону⁷ не утрачивает своей актуальности длительное время.

Однако, учитывая неоднозначное отношение к признанию обстоятельств в законодательстве и в теории права различных периодов, реализация данного предложения на практике требует серьезного обоснования. Конкретные последствия признаний и соглашений, связывающие совершившую их сторону, должны соответствовать основополагающим правилам доказывания: распределения обязанности по доказыванию, основаниям освобождения от доказывания и др.

В первую очередь они не должны противоречить иным уже известным последствиям признаний и соглашений в отношении обстоятельств гражданских дел, которые,

⁶ См., напр.: *Афанасьев С.Ф., Зайцев И.М.* Бесспорные обстоятельства в гражданских делах // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 27.

⁷ *Баулин О.В.* Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М., 2004. С. 80.

как отмечалось выше, в арбитражном процессе заключаются в двух взаимосвязанных положениях:

во-первых, сторона, основывающаяся на данных бесспорных обстоятельствах свои требования или возражения, освобождается от необходимости доказывания этих обстоятельств (ч. 2 ст. 68 ГПК, ч. 3 ст. 70 АПК РФ);

во-вторых, арбитражный суд расценивает признанные обстоятельства в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания, и не проверяет в ходе дальнейшего производства по делу (ч. 2, 5 ст. 70 АПК РФ).

Наступлению указанных последствий всегда предшествует деятельность, направленная на доказывание данных обстоятельств, проходящая практически через все этапы судебного доказывания. Сторона, заинтересованная в установлении факта, утверждает о его существовании и, возможно, представляет доказательства в его подтверждение. Противоположная сторона так же представляет доказательство искомого факта в форме устного или письменного объяснения, только, в отличие от обычного порядка, не опровергающее, а подтверждающее его⁸. Это доказательство исследуется судом: он изучает информацию, полученную из предусмотренного законом источника — объяснения одной стороны или письменного соглашения обеих сторон по обстоятельствам дела. После этого суд оценивает его и отражает результаты оценки посредством принятия признания или соглашения. Рассмотрение дела продолжается.

В контексте настоящего исследования специального внимания, как представляется, заслуживает вопрос об оценке доказательств. Она, как известно, может иметь различное значение в зависимости от того, кто и на каком этапе развития производства по делу ее осуществляет. Нас, в частности, интересуют предварительная и окончательная оценка доказательств арбитражным судом. Под предварительной принято понимать такую оценку доказательств, которая дается судом в ходе их принятия, исследования, и т.п., иными словами — до удаления суда в совещательную комнату⁹. Она и осуществляется арбитражным судом при принятии признаний и соглашений сторон по обстоятельствам гражданских дел в течение судебного разбирательства. При этом окончательную оценку ему еще предстоит произвести в совещательной комнате и именно на ее основе установить обстоятельства дела, в том числе и признанные сторонами в установленном порядке.

В связи с изложенным обратим внимание на то, что в отличие от ст. 70 АПК РФ 1995 г. разработчики действующего АПК РФ 2002 г. уже не включили в него указание на то, что факты, в отношении которых было совершено признание,

**В ОТЛИЧИЕ ОТ СТ. 70 АПК РФ 1995 Г.
РАЗРАБОТЧИКИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО
АПК РФ 2002 Г. УЖЕ НЕ ВКЛЮЧИЛИ
В НЕГО УКАЗАНИЕ НА ТО, ЧТО ФАКТЫ,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ БЫЛО
СОВЕРШЕНО ПРИЗНАНИЕ, ПРИНЯТОЕ
СУДОМ, СЧИТАЮТСЯ «УСТАНОВЛЕННЫМИ»**

⁸ Признание сторонами обстоятельств гражданских дел уже давно рассматривается в литературе как один из видов судебных доказательств. См., напр.: *Исаченко В.Л.* Указ. соч. С. 714; *Курылев С.В.* Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М., 1965. С. 129; *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М., 2004. С. 162; *Михайлов С.М., Олегов М.Д.* Установление обстоятельств гражданских дел: некоторые доктринальные и практические подходы // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 53–68.

⁹ См., напр.: *Треушников М.К.* Указ. соч. С. 144.

принятое судом, считаются «установленными». Отказ от этой формулировки в отношении последствий признания обстоятельств представляется абсолютно обоснованным. Дело в том, что установленными (или доказанными) обстоятельства считаются лишь после вынесения решения. Исключений, позволяющих считать обстоятельство доказанным до того, как это будет изложено в решении суда, ни АПК РФ, ни иные процессуальные кодексы не содержат.

Это, в свою очередь, означает, что нет исключений и из правила о том, что стороны вправе представлять доказательства вплоть до вынесения судом решения или заключительного определения (если быть точнее — до прений). А в редких исключительных случаях — и при пересмотре судебных актов. Окончательно же возможность представления доказательств утрачивается лишь после вступления судебного акта, которым они установлены, в законную силу (притом что и из этого правила возможны исключения).

Сказанное позволяет утверждать, что до вынесения решения нельзя считать установленными и признанными обстоятельства, и обстоятельства, в отношении которых стороны достигли соглашения. И соответственно, нельзя лишать сторону, совершившую это процессуальное действие не в своих интересах, права оспаривать такие обстоятельства.

Одновременно верна и приведенная выше позиция о необходимости того, чтобы признание каким-либо образом связывало совершившую его сторону, что может создать впечатление довольно противоречивой ситуации. С одной стороны, процессуальная теория и действующее законодательство позволяют считать обстоятельство гражданского дела установленным лишь после указания на его доказанность в заключительном акте арбитражного суда. С другой стороны, возможность ничем не обусловленного отказа от признания не соответствует назначению данного института и лишает изначального смысла его применение.

Думается, что в действительности существенных противоречий в описанной ситуации нет. Два противоположных ответа на вопрос о последствиях признаний и соглашений одновременно представляют собой и два крайних варианта его решения, согласно которым признавшая обстоятельство сторона (1) либо вообще не может опровергнуть признанные обстоятельства после принятия, (2) либо вправе сделать это в любой момент.

Оптимальным же решением вопроса о последствиях и значении признаний и соглашений по обстоятельствам гражданских дел, как это нередко бывает, является нечто среднее между двумя противоположными вариантами. Чтобы сформулировать такое компромиссное решение, еще раз сопоставим описанные в арбитражном процессуальном законодательстве последствия признаний и соглашений сторон по обстоятельствам гражданских дел.

Как уже не единожды отмечалось, они, согласно ст. 70 АПК РФ, заключаются в том, что противоположная сторона (та, на которую возлагается бремя их доказывания) освобождается от обязанности по доказыванию этих обстоятельств; а арбитражный суд расценивает их в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания, и не проверяет в ходе дальнейшего производства по делу. Добавим теперь также,

что до вынесения решения арбитражным судом данные бесспорные обстоятельства нельзя считать окончательно установленными.

Что это означает для стороны, признавшей обстоятельство и желающей отказаться от своего признания? Логично утверждать — необходимость самостоятельно доказать, что признанный факт не существует. Иными словами, после принятия признания стороны (соглашения сторон) арбитражным судом, по существу, происходит перераспределение бремени доказывания бесспорного обстоятельства на основании своеобразной презумпции: арбитражный суд исходит из предположения о том, что данный факт существует; сторона, которая основывает на нем свои требования или возражения, его больше не доказывает; но признавшая факт сторона при этом не лишена возможности представлять доказательства в опровержение признания.

Полагаем, что предложенный вариант устранения сомнений в отношении того, как правоприменителю поступать в случае отказа стороны от признанных ею обстоятельств, может способствовать более эффективному применению института признаний и соглашений сторон по обстоятельствам гражданских дел. Учитывая, что эти действия представляют собой один из результатов примирительных процедур, уступку в отношении противоположной стороны, сделанную без ущерба для своих собственных интересов, а соответственно, могут совершаться в рамках практически любого дела, есть основания надеяться, что расширение их практического применения будет способствовать как достижению различного рода компромиссов по делу в целом и по его отдельным спорным вопросам в частности, так и добровольному исполнению актов арбитражных судов.

Отказ от иска в исковом производстве: гарантия судебной защиты и процессуальный институт или сделка в классическом ее понимании?

АНАЛИЗИРУЯ ТРАДИЦИОННЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОТКАЗА ИСТЦА ОТ ИСКА В КОНТЕКСТЕ ГАРАНТИЙ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ, АВТОР ИССЛЕДУЕТ, ДОПУСТИМО ЛИ ОБЖАЛОВАТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЕ О ПРИНЯТИИ ОТКАЗА ОТ ИСКА ПО БАНКРОТНЫМ ОСНОВАНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ «О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)», КАК СДЕЛКУ, СОВЕРШЕННУЮ С ЦЕЛЬЮ СОКРЫТИЯ АКТИВОВ ДОЛЖНИКА И ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА КРЕДИТОРАМ. СДЕЛАН ВЫВОД О ВОЗМОЖНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ ОБЖАЛОВАНИЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМИ ЛИЦАМИ ОПРЕДЕЛЕНИЙ О ПРИНЯТИИ ОТКАЗА ОТ ИСКА В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ, А ТАКЖЕ О НЕДОПУСТИМОСТИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ОТКАЗА ОТ ИСКА С КАТЕГОРИЕЙ СДЕЛКИ В ЕЕ КЛАССИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ.

Наталья Николаевна Ткачева,

докторант, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной академии права, координатор Юридической клиники Саратовской государственной академии права, член Ассоциации юристов России, кандидат юридических наук

Ключевые слова: судебная защита, гарантии, институт отказа от иска, сделка, банкротство

DOI 10.46279/ASMO.2022.76.51.006

Политические, экономические, эпидемиологические изменения, происходящие как в России, так и во всем мире, оказывают непосредственное влияние на трансформацию права, неизбежно меняя его. Традиционные институты процессуального права, значение которых устоялось не только в научной доктрине, но и в правоприменительной практике, трансформируются под влиянием современных реалий. Одним из таких процессуальных институтов является институт отказа от иска.

Отказ от иска представляет собой процессуальное распорядительное направленное на прекращение производства по делу действие истца в виде частичного или полного

отказа в отношении материально-правового требования, указанного в исковом заявлении, с которым он обратился в суд для защиты нарушенного или оспоренного права.

В процессуальных кодексах (АПК и ГПК РФ) содержатся схожие нормы, регулирующие механизм реализации диспозитивного права истца на отказ от иска. В АПК РФ это ст. 49 «Изменение основания или предмета иска, изменение размера исковых требований, отказ от иска, признание иска, мировое соглашение», в ГПК — ст. 39 «Изменение иска, отказ от иска, признание иска, мировое соглашение». Истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований либо отказаться от иска, ответчик вправе признать иск, стороны могут окончить дело мировым соглашением (ч. 1 ст. 39 ГПК РФ). В ч. 1 и 2 ст. 49 АПК РФ регламентировано право истца при рассмотрении дела в арбитражном суде первой инстанции до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований, а также отказаться от иска полностью или частично.

Отказ от иска относится к обстоятельствам, влекущим за собой прекращение производства по делу из соображений нецелесообразности дальнейшего ведения процесса¹. Действительно, если истец принял решение отказаться от дальнейшего рассмотрения дела в суде (осознал бездоказательность своих требований, получил удовлетворение своих требований от ответчика до вынесения судебного решения и по иным причинам), то дальнейшее его рассмотрение не имеет смысла и прекращение производства по делу является логичным. Прекращение производства по делу имеет определенные юридически значимые последствия для истца, которые можно разделить на две группы: процессуальные и материальные. К процессуальным последствиям можно отнести прекращение производства по делу (ч. 3 ст. 173 ГПК, ч. 1 ст. 150 АПК РФ) и невозможность повторного обращения в суд после отказа от иска (тождество) (п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК, п. 2 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ), к материальным — полный или частичный отказ истца от определенных материально-правовых требований к ответчику в рамках возбужденного гражданского дела, например от взыскания суммы задолженности, пеней, штрафных санкций, от передачи имущества и т.д.

Необходимо отметить, что в процессуальной доктрине существует позиция, согласно которой истец, отказываясь от иска, отказывается от продолжения процесса, но не от материально-правового требования и права на обращение в суд за судебной защитой². Вместе с тем поддержать указанную точку зрения не представляется возможным, поскольку вне зависимости от концепции иска (материально-правовой, процессуально-правовой, концепции иска как двух самостоятельных правовых категорий — в материально-правовом и в процессуальном смыслах, или концепции единого иска, имеющего две стороны: материальную и процессуальную)³, истец, отказываясь от иска, отказывается от правопритязания, что, в свою очередь, приводит к отказу от права на судебную защиту по данному иску⁴. Данный вывод очевиден, так как право на обращение в суд неразрывно связано с правом на судебную защиту, га-

¹ См.: *Пушкарь Е.Г.* Исковое производство в советском гражданском процессе. Львов, 1978. С. 110–111.

² См.: *Моисеев С.В.* Распорядительные действия в арбитражном суде первой инстанции // *Российская юстиция.* 1999. № 4. С. 17.

³ См.: *Иск и исковая форма защиты в гражданском процессе: монография / под ред. О.В. Исаенковой.* М., 2022. С. 25–45 (автор соответствующей главы — О.В. Исаенкова).

⁴ См.: *Русинова Е.Р.* Отказ от иска в теории и практике гражданского процесса // *Российский юридический журнал.* 2006. № 4. С. 128–129.

рантированную Конституцией РФ. Таким образом, отказываясь в рамках конкретного гражданского дела от исковых требований, сформулированных в исковом заявлении в соответствии с процессуальными правилами, истец отказывается не только от даль-

ОТКАЗЫВАЯСЬ В РАМКАХ КОНКРЕТНОГО ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА ОТ ИСКОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ, СФОРМУЛИРОВАННЫХ В ИСКОВОМ ЗАЯВЛЕНИИ В СООТВЕТСТВИИ С ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВИЛАМИ, ИСТЕЦ ОТКАЗЫВАЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО ОТ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРОЦЕДУРЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА, НО И ОТ МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ К КОНКРЕТНОМУ ОТВЕТЧИКУ, ПРЕКРАЩАЯ ТЕМ САМЫМ СПОР С ДРУГОЙ СТОРОНОЙ

нейшей процессуальной процедуры рассмотрения дела, но и от материально-правовых требований к конкретному ответчику, прекращая тем самым спор с другой стороной.

Дискуссионной с точки зрения правовой регламентации представляется позиция законодателя в отношении оснований для отказа от иска. В законе отсутствует норма, обязывающая истца мотивировать свое решение о реализации диспозитивного права по отказу от предъявленных к ответчику требований. В нормах ст. 39 ГПК и ст. 49 АПК РФ указывается лишь на то, что истец вправе отказаться от иска без раскрытия мотивов, пово-

да для такого действия и представления доказательств, свидетельствующих о восстановлении прав истца ответчиком. Законодатель не обязывает и суд выяснять у истца, по какой причине тот решил отказаться от иска. Такой подход представляется не вполне отвечающим задачам правосудия, поскольку юридическим последствием отказа от иска, в случае если суд не усмотрит нарушения закона или прав других лиц и примет такой отказ, является утрата права на судебную защиту после прекращения производства по делу по указанному основанию и невозможность повторного обращения в суд с тем же иском к той же стороне (тождество иска). Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что не каждый субъект процессуальных правоотношений юридически грамотен, знаком с институтом отказа от иска и его последствиями, что чревато негативными последствиями для истца — невозможностью восстановления нарушенного права или охраняемого законом интереса после отказа от иска. Это касается не только гражданского судопроизводства, в рамках которого многие граждане самостоятельно защищают свои интересы в суде, но и арбитражного судопроизводства, где принимают участие профессиональные представители лиц, участвующих в деле, обладающие специальными знаниями и имеющими высшее юридическое образование: нередко сторона в арбитражном процессе не имеет представителя и также защищает себя самостоятельно.

Отметим, что действующие нормы АПК и ГПК РФ позволяют суду принять отказ от иска, если это не нарушает закон и права других лиц. Например, если мать несовершеннолетнего ребенка пожелает отказаться от взыскания с отца ребенка алиментов, суд должен отказать в этом, потому что это является прямым нарушением закона.

Если же ответчик добровольно погасит задолженность перед истцом, то дальнейшее рассмотрение дела будет нецелесообразным, цель обращения в суд будет достигнута и суд по законным основаниям примет отказ от иска. Если же волеизъявление истца отказаться от иска не подкреплено доказательствами добровольного удовлетворения

его требований ответчиком, суд не может принять такой отказ и должен продолжить рассмотрение дела по существу с вынесением решения об удовлетворении исковых требований истца или же об отказе в их удовлетворении.

В связи с изложенным в целях обеспечения гарантии на судебную защиту, недопущения злоупотребления процессуальными правами, а также совершения мошеннических действий представляется необходимым закрепить на законодательном уровне требования к заявлению об отказе от иска, включив в них требование об указании оснований, по которым истец отказывается от иска. Внесение в нормы процессуальных кодексов условия об обоснованности отказа от иска позволит повысить гарантии защиты прав и интересов в исковом производстве, исключив ситуации, вызывающие у суда сомнение в мотивах реализации права истца на отказ от иска, добровольности и осознанности подачи такого заявления. Принял ли истец решение об отказе от иска самостоятельно, исходя из субъективных соображений, или же кто-то повлиял на него?

**ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ НЕОБХОДИМЫМ
ЗАКРЕПИТЬ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ
ТРЕБОВАНИЯ К ЗАЯВЛЕНИЮ ОБ ОТКАЗЕ
ОТ ИСКА, ВКЛЮЧИВ В НИХ ТРЕБОВАНИЕ
ОБ УКАЗАНИИ ОСНОВАНИЙ, ПО КОТОРЫМ
ИСТЕЦ ОТКАЗЫВАЕТСЯ
ОТ ИСКА**

Суд выносит определение о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска, которое препятствует повторному возбуждению гражданского или арбитражного судопроизводства по исковому заявлению с участием тех же лиц, по тому же предмету и по тем же основаниям. В данном случае законодатель не указывает, что имеется в виду также тождество иска, но оно подразумевается. Если истец отказался от иска, а впоследствии передумал и решил вновь обратиться с тем же иском к ответчику или если ответчик обманул истца, ввел в заблуждение, обещая в добровольном порядке исполнить его требование, то реализовать свое право на судебную защиту истец повторно не сможет, поскольку таким правом он уже воспользовался. На этом можно было бы поставить точку, однако правоприменительная практика в рамках дел о банкротстве позволила взглянуть на институт отказа от иска по-другому.

**СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ
СПОРАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОБОЗНАЧИЛА
НЕСТАНДАРТНЫЙ ПОДХОД К ЮРИДИЧЕСКИМ
ПОСЛЕДСТВИЯМ ОТКАЗА ОТ ИСКА И ЕГО
ВЛИЯНИЮ НА АКТИВЫ ЮРИДИЧЕСКОГО
ЛИЦА**

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, рассматривая кассационную жалобу ООО «Пепеляев» и конкурсного управляющего на судебные постановления, которыми был принят отказ от иска⁵, обозначила нестандартный подход к юридическим последствиям отказа от иска и его влиянию на активы юридического лица, в отношении которого после прекращения производ-

⁵ Постановление Девятого ААС от 08.10.2020, АС Московского округа от 02.12.2020 по делу № А40-193248/2018.

ства по арбитражному делу через три месяца было подано заявление в арбитражный суд о банкротстве.

Кратко о деле. В августе 2018 г. ООО «АБ-Маркет» обратилось в суд с иском к ООО «ЛАНИТ-Интеграции» о взыскании задолженности по семи договорам, а также государственной пошлины. Производство по делу было прекращено в декабре 2018 г. в связи с тем, что истец отказался от иска⁶. Этот случай из практики мог бы остаться без внимания, если бы впоследствии в отношении одного из субъектов спорных правоотношений не было возбуждено дело о банкротстве и кредиторы, а также конкурсный управляющий не расценили бы отказ от иска, заявленного до возбуждения дела о банкротстве, как сделку, причиняющую вред кредиторам путем вывода активов должника.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ могла бы руководствоваться принципом относительности судебных актов, согласно которому судебный акт действует лишь между сторонами конкретного дела, и не принимать во внимание отказ от иска, совершенный вне рамок дела о банкротстве. Однако Коллегия вышла за рамки традиционного правоприменения, взглянула на ситуацию более широко и, отменяя ранее вынесенные судебные постановления, указала, что еще до процедуры банкротства должник, финансовое положение которого нестабильно, может предпринимать умышленные действия, направленные на вывод своего имущества, активов предприятия или организации от принудительного взыскания, что влечет причинение вреда кредиторам должника, снижая вероятность погашения их требований в последующем. В связи с чем законодателем предусмотрен один из способов защиты конкурсных кредиторов от противоправных действий должника-банкрота по искусственному уменьшению своей имущественной массы, обеспечивающей выполнение долговых обязательств, — это предоставление права обжалования соответствующего судебного акта.

ООО «Пепеляев», обращаясь с апелляционной жалобой на определение суда первой инстанции о принятии отказа от иска по спору между ООО «АБ-Маркет» и ООО «ЛАНИТ-Интеграции», в обоснование своих доводов указало, что обжалуемый судебный акт затрагивает его интересы как кредитора ООО «АБ-Маркет» в деле о банкротстве, и сослалось на применение в данном случае положений главы III. 1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), которая регулирует порядок оспаривания сделок должника.

Податель жалобы расценил отказ от иска как сделку, которая подлежит отмене по специальным банкротным основаниям, поскольку истец в преддверии своего банкротства добровольно, без законных оснований отказался от требований с ответчика, прикрыв таким образом внесудебное соглашение между ответчиком и должником, по условиям которого последний, скорее всего, прощает ООО «ЛАНИТ-Интеграция» значительную часть долга, а тот, в свою очередь, по распоряжению должника перечисляет оставшуюся часть денежных средств на счета третьих лиц. Совершенные действия позволили ООО «АБ-Маркет» быстро, без судебного разбирательства получить от ответчика защищенные от кредиторского взыскания денежные средства

⁶ Арбитражное дело № А40-193248/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e9621c05-8f9c-475c-be8e-6ef823da8867> (дата обращения: 19.11.2022).

(вероятно, не обремененные налогом), а ответчику — уменьшить свою задолженность перед истцом, в результате чего отказ истца от иска принес выгоду обеим сторонам.

Указанное основание поставило перед Судебной коллегией вопрос о допустимости оспаривания действий должника, направленных на отказ от иска в рамках искового производства, по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве. Исходя из положений ст. 61.1 Закона о банкротстве, перечень юридических действий, которые могут быть оспорены в рамках дела о банкротстве, не ограничен исключительно понятием «сделки», предусмотренным ст. 153 ГК РФ, в связи с чем в целях защиты кредиторов от недобросовестного поведения должника могут оспариваться любые юридические факты (например, незаявление об истечении срока исковой давности), которые негативно влияют на имущественную массу должника⁷.

Отказываясь от материальных требований к ответчику, истец утрачивает свое материальное субъективное право в правоотношениях с ним и, соответственно, те экономические блага, которые являются содержанием этого права. Очевидно, что отказ от иска объективно влияет на состояние конкурсной массы должника в ущерб интересам его кредиторов, а потому подобное действие может быть оспорено по банкротным правилам с соблюдением процессуальной формы, предполагающей оспаривание сделки через обжалование судебного акта, которым эта сделка утверждена (т.е. экстраординарным способом), через процессуальный механизм апелляционного или кассационного обжалования. Указанный порядок обжалования универсален, поскольку в отличие от механизма обжалования (пересмотра по вновь открывшимся и новым обстоятельствам), закрепленного в главе 37 АПК РФ⁸, позволяет приводить новые доводы и представлять новые доказательства.

**ОТКАЗЫВАЯСЬ ОТ МАТЕРИАЛЬНЫХ
ТРЕБОВАНИЙ К ОТВЕТЧИКУ, ИСТЕЦ
УТРАЧИВАЕТ СВОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ
СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО
В ПРАВООТНОШЕНИЯХ С НИМ И,
СООТВЕТСТВЕННО, ТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
БЛАГА, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ
СОДЕРЖАНИЕМ ЭТОГО ПРАВА**

Позиция высшего суда в данном случае понятна, права кредиторов должны защищаться. Однако представляется дискуссионным вопрос о допустимости отождествления института отказа от иска и его особого процессуального оформления в виде определения суда с понятием «сделка» в классическом ее понимании. Отказ от иска — это процессуальный институт или сделка?

Д.Б. Абушенко, исследуя вопросы взаимосвязи гражданско-правовой сделки с институтом отказа от иска, отталкивается в своих рассуждениях от последствий, влияющих на обязательство, существовавшее между истцом и ответчиком. Проанализировав договор дарения и прощение долга, процессуалист сделал верный вывод о том, что попытка впести сделки в гибридную конструкцию отказа от иска является

⁷ Определение СКЭС ВС РФ от 18.12.2017 № 305-ЭС17-12763.

⁸ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам».

неудачной. Более того, автор критически оценил позицию законодателя и «высших судебных инстанций к выработке и интерпретации норм, которые явно или латентно подразумевают, что в „одежды“ сугубо процессуального действия помещается также и некая гражданско-правовая сделка»⁹. Об исключительно процессуальной функции института отказа от иска говорит и В.П. Скобелев, полагающий, что отказ от иска представляет собой лишь отказ истца от дальнейшего продолжения

ОТОЖДЕСТВЛЯТЬ ИНСТИТУТ ОТКАЗА ОТ ИСКА СО СДЕЛКОЙ В КЛАССИЧЕСКОМ ЕЕ ПОНИМАНИИ НЕДОПУСТИМО

процесса. Отказываясь от иска, истец совершает процессуальные действия, направленные на прекращение производства по делу, в связи с тем, что он осознал свою неправоту в споре и желает его прекратить¹⁰. Рассматривая институт отказа от иска как процессуальный способ, с помощью которого истец способен

влиять на движение процесса, в том числе и на его прекращение, процессуалисты подчеркивают его сущность и особую роль в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел, не связывая его с материальным институтом — «сделкой».

Представляется, что отождествлять институт отказа от иска со сделкой в классическом ее понимании недопустимо. Однако на законодательном уровне должно быть закреплено право заинтересованных лиц, в частности кредиторов и конкурсного управляющего, обжаловать определение о принятии отказа от иска по делу, рассмотренному до объявления истца банкротом, в случаях, когда возникает подозрение о выводе активов с целью причинения вреда кредиторам. Такое право должно быть самостоятельным основанием для обжалования судебного акта и не рассматриваться в качестве сделки.

⁹ Абушенко Д.Б. Сопряжение гражданско-правовой сделки с отказом от иска: вопросы материального права и гражданского процесса // Перспективы развития гражданского процессуального права: сб. ст. по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения д-ра юрид. наук, проф. И.М. Зайцева (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов, 2019. С. 15–18.

¹⁰ Скобелев В.П. Является ли отказ от иска отказом истца от своих материальных прав // Актуальные проблемы гражданского права и гражданского судопроизводства: сб. ст. VI Межвузовской научно-практической конференции им. К.И. Малышева (Челябинск, 16 февраля 2018 г.). Челябинск, 2018. С. 176–183.

О некоторых проблемах теории и практики применения электронных доказательств в арбитражном процессе Российской Федерации

СЕГОДНЯ СТОРОНЫ АКТИВНО ДОКАЗЫВАЮТ СВОИ ПОЗИЦИИ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ, НАПРИМЕР, ЭЛЕКТРОННОЙ ПЕРЕПИСКИ ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, МЕССЕНДЖЕРОВ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ НИ В ДОКТРИНЕ, НИ В ПРАКТИКЕ НЕТ ЕДИНОГО МНЕНИЯ О ТОМ, ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, В СВЯЗИ С ЧЕМ СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ ЗАЧАСТУЮ ЯВЛЯЮТСЯ НЕОДНОЗНАЧНЫМИ. В НАСТОЯЩЕМ ИССЛЕДОВАНИИ ВЫЯВЛЕНЫ НЕКОТОРЫЕ НАИБОЛЕЕ ТИПИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СУДАМИ, А ТАКЖЕ ПРЕДЛОЖЕНЫ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.

Владимир Гурамович Джиоев,
судья Арбитражного суда города Москвы

Ключевые слова: электронные доказательства, арбитражный процесс, гражданский процесс, электронный образ документа, допустимые доказательства

DOI 10.46279/ASMO.2022.21.90.007

В последние годы граждане, предприниматели и юридические лица все чаще обмениваются документами и важными сообщениями не на бумажных носителях, а в цифровой форме: по электронной почте, в мессенджерах и т.д. Достаточно сильно на тенденцию заключать соглашения в электронной форме повлияла пандемия *COVID-19*: во многом именно из-за сложившихся ограничений участники договорных отношений были вынуждены выстраивать свою работу на новых принципах. Данная практика выявила как положительные, так и отрицательные черты электронных соглашений.

1. Арбитражное процессуальное законодательство Российской Федерации допускает возможность представления сторонами доказательств в электронном виде. Не вызывает сомнений тезис М.В. Максимова и Р.Р. Мугаева о том, что «электронные доказательства являются уже установившимися и свойственными для нас, в нашей законодательной и исполнительной системе имеется закрепленное для них место

и они тесно связаны с другими видами доказательств»¹. В то же время П.А. Зарщиков и Ю.В. Секишева отмечают: «В настоящее время необходимо констатировать отсутствие единого подхода к определению правового режима электронных доказательств, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, несоответствие норм арбитражного законодательства в части определения термина “электронные доказательства”. Во-вторых, наличие юридических рисков при признании электронных доказательств допустимыми»². Так, суды часто не признают электронную переписку фактом, порождающим правоотношения, на том основании, что такой способ обмена сообщениями прямо не закреплен договором. Е.Е. Алехина и Р.Н. Яхтонов доказывают, что суды Российской Федерации нередко принимают диаметрально противоположные решения по схожим категориям дел, касающихся электронных доказательств³.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“» разъясняет, что лица, участвующие в деле, имеют право представлять сведения о фактах, полученных в сети Интернет. Таким образом, в соответствии с позицией Верховного Суда РФ обмениваться электронными сообщениями можно, если иное не установлено законом или договором, не следует из обычая или практики, установившейся в отношениях сторон. В целом судами допускаются доказательства, полученные в результате пересылки по электронной почте.

Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа признал⁴ переписку сторон по электронной почте допустимым доказательством. Главное — отправить сообщение таким образом, чтобы можно было достоверно установить, от кого оно исходит и кому адресовано.

Наглядным примером проблемности признания судами электронной переписки в качестве допустимого доказательства является решение Арбитражного суда г. Москвы от 25.02.2022 по делу № А40-230593/2021. Суд отметил следующее:

«Сторонами не согласованы адреса электронной почты, а также номера телефонов, сообщения с которых в силу положений статьи 165.1 Гражданского кодекса являются юридически значимыми.

Направление письма с электронной почты не позволяет достоверно установить отправителя и получателя писем, наличие и объем их полномочий на совершение юридически значимых действий. Аналогичная позиция применяется и при переписке по телефону. Принадлежность телефонных номеров конкретным лицам, их отношения к ответчику, объем полномочий истцом не доказаны.

С кем переписывался истец, установить не предполагается возможным. Подписи в электронных письмах и в телефонных сообщениях при современных технических

¹ Максимов М.В., Мугаев Р.Р. К вопросу об электронных доказательствах в арбитражном процессе // Научный электронный журнал «Меридиан». 2019. № 14. С. 191.

² Зарщиков П.А., Секишева Ю.В. Правовой режим электронных доказательств в арбитражном процессе // Science and technology innovations: сб. ст. II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2020. С. 233.

³ Алехина Е.Е., Яхтонов Р.Н. Некоторые особенности использования электронной переписки в качестве доказательств в арбитражном процессе // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 90–93.

⁴ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 05.08.2014 № Ф03-3226/2014.

средствах могут быть любыми и не отражать действительного отправителя. В соответствии с п. 1 ст. 165.1 Гражданского кодекса заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю.

Согласно разъяснениям п. 63 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25, с учетом положения п. 2 ст. 165.1 Гражданского кодекса юридически значимое сообщение, адресованное юридическому лицу, направляется по адресу, указанному соответственно в едином государственном реестре юридических лиц либо по адресу, указанному самим юридическим лицом».

Исходя из приведенных судебных материалов, во избежание проблем в суде следует предусмотреть в условиях договора положение о том, что стороны могут обмениваться как бумажной корреспонденцией, так и электронной. Если такого положения не будет, суд может истолковать договор таким образом, что бумажные письма — это единственный официальный способ обмена информацией. Кроме того, без указания конкретных адресов электронной почты крайне сложно будет доказать, кому было адресовано сообщение и действительно ли оно было получено контрагентом, а не кем-то другим. В более поздних разъяснениях Верховный Суд РФ отмечает, что нужно сразу ясно и недвусмысленно установить в договоре возможность направления по электронной почте претензии. Однако даже с учетом указанных обстоятельств нельзя гарантированно рассчитывать на то, что суд признает электронную переписку допустимым доказательством.

**ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПРОБЛЕМ В СУДЕ
СЛЕДУЕТ ПРЕДУСМОТРЕТЬ В УСЛОВИЯХ
ДОГОВОРА ПОЛОЖЕНИЕ О ТОМ, ЧТО
СТОРОНЫ МОГУТ ОБМЕНИВАТЬСЯ
КАК БУМАЖНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИЕЙ,
ТАК И ЭЛЕКТРОННОЙ**

Универсальный способ доказать то, что переписка исходит от одной стороны договора и адресована другой стороне, — точно указать в договоре конкретный адрес электронной почты или телефонный номер уполномоченного лица и предусмотреть, что юридическое значение имеют любые письма и сообщения, поступившие с этого адреса или телефонного номера, а также через любой мессенджер, к которым данный номер привязан. Также можно указать, что юридическое значение имеют письма, которые направлены на любые электронные адреса под корпоративным доменом компании. (Хотя в последнем случае остается риск подделки сообщений с помощью программ-фоторедакторов, соответственно, суд может усомниться в подлинности представленных материалов.)

В.П. Максимов обращает особое внимание на данные способы: «В арбитражном процессуальном законодательстве содержится дополнительное требование к допустимости электронных доказательств. Электронные доказательства считаются допустимыми, если в нормах законодательства либо в условиях договора содержатся положения

об их использовании»⁵. Об этом же говорит Е.И. Захарова, дополняя, что среди критериев допустимости помимо принадлежности электронных доказательств конкретному лицу также следует учитывать дату и время создания и пересылки электронных сведений⁶. Полагаем, Е.И. Захарова убеждена, что указанные дополнительные критерии помогут уменьшить риск подделки электронных доказательств. Соответственно, можно заключить, что стороны должны заблаговременно предусматривать возможность признания правомочной электронной переписки и включать в договор только достоверные сведения, касающиеся способов электронной коммуникации.

Правда, ответчик может оспаривать принадлежность ему адреса электронной почты, но последний может быть указан на его официальном сайте, в других общедоступных источниках (например, сайте государственных закупок) или в документах, которые были им переданы контрагенту. В случае, когда дело уже находится в производстве в суде, нужно проверить, какой адрес электронной почты указан в процессуальных документах: если это не корпоративный адрес или если установить его принадлежность с помощью открытых источников не удалось, выяснить его владельца можно только с помощью запросов адвокатских или судебных сервисов электронной почты или операторов связи.

2. Постараемся установить, что входит в категорию «электронное доказательство». В.В. Алферова и М.Б. Гагиев дают электронным доказательствам следующее определение: «...это материальный носитель информации об обстоятельствах, которая представлена в электронной форме, полученная с соблюдением процессуального порядка собирания доказательств, и содержит такие атрибуты, которые позволят идентифицировать ее»⁷. Кроме того, на сегодняшний день «электронная форма, выполняющая лишь „транспортную“ функцию, сопутствует весьма кратковременным периодам существования процессуальных документов, а отнюдь не всему производству по делу»⁸.

Отметим, что в правовом поле до сих пор нет четкого определения электронным доказательствам. С точки зрения закона они рассматриваются как письменные, хотя обладают двумя важнейшими отличительными признаками: (1) каждая копия электронного документа, размещенного в Сети, является оригиналом (но не стоит путать оригинал электронного документа с его первоисточником) в отличие от бумажного документа, и (2) существует особый порядок изъятия и уничтожения. В связи с этим полностью разделяем мнение Ю.В. Титовой и А.О. Гундериной о том, что «требуется введение отдельной статьи, которая бы регламентировала понятие электронных доказательств, их виды и порядок оценки, что в свою очередь может способствовать улучшению

ТРЕБУЕТСЯ ВВЕДЕНИЕ ОТДЕЛЬНОЙ СТАТЬИ, КОТОРАЯ БЫ РЕГЛАМЕНТИРОВАЛА ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ИХ ВИДЫ И ПОРЯДОК ОЦЕНКИ

и А.О. Гундериной о том, что «требуется введение отдельной статьи, которая бы регламентировала понятие электронных доказательств, их виды и порядок оценки, что в свою очередь может способствовать улучшению

⁵ Максимов В.П. Проблемы применения электронных доказательств в арбитражном процессе // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2019. № 4. С. 106.

⁶ Захарова Е.И. Институт электронных доказательств в арбитражном процессе Российской Федерации // Эпомен. 2022. № 69. С. 135.

⁷ Алфёрова В.В., Гагиев М.Б. Особенности использования электронных документов как доказательств в арбитражном процессе // International & Domestic Law: Материалы XVI Ежегодной международной конференции по национальному и международному праву / отв. за выпуск А.В. Галиulina. Екатеринбург, 2022. С. 652.

⁸ Киселев А.С. Развитие электронного правосудия в России и в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Право и образование. 2017. № 8. С. 131.

правового регулирования предоставления и уточнения видов электронных доказательств в суде»⁹.

3. Ученые-правоведы утверждают, что «несмотря на некоторую неопределенность, практически весь спектр электронных доказательств уже применяется в судебной практике. Следует признать, что наиболее распространенным и устойчивым является предоставление в суд в качестве судебных доказательств информации из общедоступных сайтов, социальных сетей, а также сайтов публичных органов и организаций»¹⁰.

Скажем несколько слов о мессенджерах. Идентификация отправителя и получателя по общему правилу осуществляется по номеру телефона, который привязан к мессенджеру. Поэтому деловые переписки лучше вести в социальной сети или в мессенджере «Вотсап», потому что «Вотсап» привязывается напрямую к сим-карте, другие мессенджеры («Телеграм» и «Вайбер») так не работают. Привязка к номеру телефона является наиболее достоверной, так как позволяет идентифицировать, что переписка была именно с тем человеком, с которым судится заявитель.

Большей проблемой представляется ситуация, когда адрес электронной почты или телефонный номер зарегистрированы на совсем иное лицо, не имеющее отношение к ответчику. В этой ситуации в зависимости от обстоятельств дела придется проявить изобретательность в доказывании.

Переписку в мессенджерах можно использовать как доказательство в суде; обычно судьи квалифицируют подобные сведения как иные документы. Однако переписка в мессенджерах чаще всего служит отличным дополнением к уже существующим материальным доказательствам, например договору, заключенному в простой письменной форме. Именно поэтому заявитель вряд ли сможет доказать какой-либо юридический факт (к примеру, заключение, изменение и прекращение договорных обязательств), используя только переписку в мессенджерах.

**ПЕРЕПИСКУ В МЕССЕНДЖЕРАХ МОЖНО
ИСПОЛЬЗОВАТЬ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
В СУДЕ; ОБЫЧНО СУДЬИ
КВАЛИФИЦИРУЮТ ПОДОБНЫЕ СВЕДЕНИЯ
КАК ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ**

Если у заявителя есть спор с физическим или юридическим лицом, на руках имеется бумажный договор и в переписке в мессенджере четко определены условия этого договора, такие как стоимость выполнения работ и сроки, иные существенные условия, четко свидетельствующие о том, что стороны соглашения действительно разговаривали по предмету договора, то переписка будет достаточным доказательством дополнения к основному документу. Также подтверждением договора может служить расписка, выполненная в простой письменной форме. Если у заявителя есть расписка и в дополнение к ней он ссылается на переписку из мессенджера, то с высокой долей вероятности это поможет при разрешении спора в арбитражном суде.

⁹ Титова Ю.В., Гундерина А.О. Использование документов в электронной форме в качестве доказательств в арбитражном процессе // Применение в юриспруденции современных технологий: актуальные вопросы теории и практики: Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 100.

¹⁰ Фомичева Р.В., Ткаченко Е.В., Щербаклова Л.Г. К вопросу о правовой природе электронных доказательств в арбитражном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3. С. 165.

Можно также обратиться к нотариусу для того, чтобы нотариально заверить деловую переписку. Для суда важно, чтобы переписка, во-первых, велась именно по предмету спора, во-вторых, обязательно была прочитана ответчиком. То есть недостаточно простой отправки сообщения, необходима четкая информация, свидетельствующая о том, что оппонент прочитал сообщение заявителя. В «Вотсапе» это подтверждается синими галочками, которые видно даже на скриншотах и распечатанных снимках экрана.

4. Нельзя не затронуть проблему фиксации оригинала электронного документа, которая иногда возникает в ходе судебных разбирательств. Некоторые категории дел, согласно арбитражным и гражданским процессуальным нормам, предполагают представление в качестве доказательства в суде исключительно подлинника документа, что порождает ряд вопросов как у теоретиков, так и у практиков. В соответствии с ч. 6 ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ арбитражный суд не может считать доказанным факт, подтверждаемый только копией документа или иного письменного доказательства, если утрачен или не передан суд оригинал документа, а копии этого документа, представленные лицами, участвующими в деле, не тождественны между собой и невозможно установить подлинное содержание первоисточника с помощью других доказательств. Аналогичное правило содержится и в ч. 7 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ.

В соответствии с ч. 9 ст. 75 АПК РФ подлинные документы представляются в арбитражный суд в случае, если обстоятельства дела согласно федеральному закону или иному нормативно-правовому акту подлежат подтверждению только такими документами, а также по требованию арбитражного суда. В соответствии с ч. 2 ст. 71 ГПК РФ подлинные документы представляются тогда, когда обстоятельства дела согласно законам или иным нормативным правовым актам подлежат подтверждению только такими документами, когда дело невозможно разрешить из подлинных документов или когда представлены копии документа, различные по своему содержанию.

5. По мнению К.С. Заборовского, «существует определенная классификация электронных документов, которые могут являться доказательствами в арбитражном процессе. Такие документы могут быть двух типов: простыми (электронная копия документов, электронная переписка) или заверенными электронной подписью»¹¹. Электронная цифровая подпись может решить проблему допустимости цифровых доказательств

НЕОБХОДИМО РАЗЛИЧАТЬ ТАКИЕ ПОНЯТИЯ, КАК «ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ» И «ОБРАЗ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА»

в суде, однако это работает далеко не во всех ситуациях. Помимо этого, необходимо различать такие понятия, как «электронный документ» и «образ электронного документа», которые стороны по незнанию часто отождествляют. Электронный образ документа, как правило, представля-

ет собой сканированный вариант бумажного документа. Электронный документ — это документ, представленный в цифровой форме на электронном носителе и предназна-

¹¹ Заборовский К.С. Электронные документы как доказательства в арбитражном процессе // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Второй международной научно-практической конференции / под ред. Д.В. Бахтеева. Екатеринбург, 2020. С. 400.

ченный для хранения, использования и распространения определенной информации с помощью средств вычислительной техники.

К сожалению, отмечаются и факты злоупотребления информационными технологиями, в связи с чем суды не всегда охотно верят сведениям из мессенджеров, представленным на материальном носителе. Современные технологии позволяют подделать любую переписку в любой социальной сети, в том числе и в мессенджерах. По этой причине требуется проведение специальной экспертизы для того, чтобы выявить факт подлога или подделки сообщений в мессенджерах. Экспертиза призвана осуществить аутентификацию и идентификацию электронного документа. «Аутентификация — это возможность проверки целостности и неизменности содержания электронного документа. Под идентификацией понимают возможность установления того, что он действительно получен от лица, которое, к примеру, обозначено в нем в качестве отправителя. Для этого данный документ должен иметь соответствующие реквизиты, а именно электронную подпись»¹².

6. Ко всем электронным доказательствам предъявляются требования, аналогичные доказательствам, выраженным в материальной форме, а именно: они должны иметь отношение к делу, т.е. соотноситься с заявленным требованием или возражением; нужно указывать, какие обстоятельства они подтверждают, электронная переписка должна вестись в рамках спорных отношений, отвечать другим требованиям, установленным законом. Рекомендуется представлять электронные документы в суд в виде заверенной копии на бумажном носителе с приложением оригинала на цифровом носителе. Также необходимо представить суду соответствующее программное обеспечение, позволяющее при необходимости осуществить изучение оригинала электронного документа с использованием носителя. В противном случае, как отмечают Ы. Гурбанниязов и Н.Н. Жильский, возникает проблема их исследования судом¹³.

**РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПРЕДСТАВЛЯТЬ
ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В СУД
В ВИДЕ ЗАВЕРЕННОЙ КОПИИ
НА БУМАЖНОМ НОСИТЕЛЕ
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ОРИГИНАЛА
НА ЦИФРОВОМ НОСИТЕЛЕ**

При фиксации электронных доказательств можно использовать несколько подходов. Самым надежным вариантом является привлечение нотариуса либо специализированного учреждения, которое предоставляет услуги, касающиеся изучения информации, размещенной на ресурсе и фиксации веб-страниц.

Заверение копии электронного документа нотариусом осуществляется в порядке нотариального действия по обеспечению доказательств. К сожалению, существует ограничение при заверении нотариуса копии электронного документа. Во-первых, оно возможно лишь до момента возбуждения судом производства по делу, во-вторых, как правило, нотариусы заверяют лишь содержание интернет-страниц, но отказывают-

¹² *Игнатова В.Н.* Проблемы принятия и оценки электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессах Российской Федерации // Research forum — 2022: сб. ст. II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 13.

¹³ *Гурбанниязов Ы., Жильский Н.Н.* Проблемы представления электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессе // Теория и практика современной науки. 2021. № 4. С. 81–89.

ся заверять электронную переписку, поскольку с ее содержанием можно ознакомиться только при использовании компьютера заинтересованного лица, что, по их мнению, не позволяет обеспечить объективность нотариального действия. Кроме того, следует помнить, что «установить достоверность электронного документа при помощи нотариуса не всегда возможно, страницу Интернет сайта можно изменить либо удалить»¹⁴.

Второй вариант — самостоятельная фиксация адвокатом содержимого страницы путем использования электронных ресурсов либо же составления письменного протокола с привлечением свидетелей.

Третий вариант — самостоятельная фиксация путем скриншота содержимого веб-страниц или ее фотографирования с помощью фотокамеры или камер современных гаджетов. Данный вариант является действенным и быстрым, но не очень практичным, поскольку отношение суда к скриншотам веб-страниц является неоднозначным. В судебной практике пока не сложилось единого мнения, стоит ли принимать скриншоты или фотографии интернет-ресурсов в качестве достаточного, допустимого и достоверного доказательства.

Таким образом, мы можем заключить, что:

- в настоящее время переписку в мессенджерах можно применять в качестве судебного доказательства, только если, помимо этого, имеется основное доказательство — договор или расписка. Наличие одной только переписки из мессенджера не гарантирует, что суд примет ее в качестве доказательства;
- все электронные доказательства лучше всего заверять у нотариуса;
- если ответчик пытается манипулировать поддельной перепиской, можно ходатайствовать о проведении судебной экспертизы, расходы на которую понесет проигравшая сторона.

НА ТЕКУЩЕМ ЭТАПЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СКОРЕЕ ЯВЛЯЮТСЯ ФАКУЛЬТАТИВНЫМИ, ДОПОЛНЯЮЩИМИ ОСНОВНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛУ, ЧЕМ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМИ

В целом электронные доказательства в арбитражных спорах уже сейчас играют важное и порой определяющее значение, и вполне вероятно, что через несколько лет будет сформирован объемный массив судебной практики и даны разъяснения Верховного Суда РФ по всем видам электронных доказательств.

Тем не менее на текущем этапе электронные доказательства скорее являются факультативными, дополняющими основные доказательства по делу, чем самостоятельными, а суды могут по своему усмотрению оценивать даже заверенные у нотариуса переписки из мессенджеров и принимать решение, принимать ли их к сведению, приобщать к делу или нет.

¹⁴ Гаевская Н.Б., Мухьянова А.А., Шафикова Л.Ф. К вопросу о применении электронного доказательства в арбитражном процессе // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 1. С. 11.

